

СИНКЛЕР
ЛЬЮИС

Главная улица

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Синклер Льюис

Главная улица

«Азбука-Аттикус»

1920

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Льюис С.

Главная улица / С. Льюис — «Азбука-Аттикус»,
1920 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-24404-7

В 1930 году Синклер Льюис (1885–1951) получил Нобелевскую премию по литературе, первым из американских писателей удостоившись такой чести. Десятью годами ранее Льюис опубликовал свой знаковый роман «Главная улица», который принес ему признание читателей. «Главная улица» – великолепный образец зрелого стиля Льюиса, острый памфлет на лицемерие, ограниченность и нетерпимость провинциальной Америки. Кэрол Милфорд полна надежд на будущее. Ее не прельщают удачное замужество, материнство и благоустроенный быт. Кэрол – творческая натура, и, окончив колледж, она мечтает посвятить жизнь какому-нибудь благородному занятию. Однако, выйдя замуж за Уилла Кенникота, врача из крохотного городка Гофер-Прери, Кэрол обнаруживает себя жительницей самого провинциального захолустья, какое только можно себе вообразить, со всеми его типичными чертами...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-24404-7

© Льюис С., 1920
© Азбука-Аттикус, 1920

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	42
Глава шестая	52
Глава седьмая	61
Глава восьмая	69
Глава девятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Синклер Льюис

Главная улица. (Жизнь Кэрол Кенникот)

Джеймсу Брэнчу Кэбеллу и Джозефу Хергесгеймеру

Sinclair Lewis
MAIN STREET

Перевод с английского Даниила Горфинкеля

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Вот городок в несколько тысяч жителей, среди полей пшеницы и кукурузы, молочных ферм и рощ. Это – Америка.

В нашем рассказе городок называется Гофер-Прери, штат Миннесота. Но его Главная улица – это продолжение Главной улицы любого другого городка. История наша была бы той же в Огайо или Монтане, в Канзасе, Иллинойсе или Кентукки, и немногим изменилась бы она в штате Нью-Йорк или на холмах Каролины.

Главная улица – вершина цивилизации. Для того, чтобы этот «форд» мог стоять перед галантерейным магазином, Ганнибал вторгался во владения римлян и Эразм писал свои трактаты в монастырях Оксфорда. То, что бакалейщик Оле Йенсон говорит банкиру Эзре Стоубоди, должно быть законом для Лондона, Праги и никому не нужных островов, затерянных в океане. То, чего Эзра Стоубоди не знает и не одобряет, – это ересь, которую не к чему знать и над которой не подобает размышлять. Наша железнодорожная станция – высшее достижение архитектуры. Годичный оборот Сэма Кларка, торговца скобяным товаром, – предмет зависти всех четырех округов, составляющих Благословенный край.

Во «Дворце роз» идут утонченно-чувствительные фильмы; в них есть мораль и благопристойный юмор.

Таковы основы наших здоровых традиций; таков наш незыблемый символ веры. И разве не выказал бы себя чуждым американскому духу циником тот, кто изобразил бы Главную улицу иначе или смутил граждан предположением, что возможен и иной символ веры?

Глава первая

I

На одном из холмов над Миссисипи, где два поколения назад кочевали индейцы чиппева, стояла девушка. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне василькового северного неба. Индейцев она уже не видела. Она видела мукомольные заводы и мерцающие окна небоскребов в Миннеаполисе и Сент-Поле. Она не думала ни об индианках, ни о краснокожих носильщиках, ни о белых скупщиках пушнины, чьи тени витали вокруг нее. Мысли ее были об ореховой пастиле, о пьесах Брис, о том, почему стаптываются каблуки, и о том, что преподаватель химии обратил внимание на ее новую, закрывающую уши прическу.

Ветер, пролетавший тысячи миль над возделанными нивами, раздувал на ней юбку из тафты, создавая линии столь грациозные и полные такой живой и динамичной красоты, что сердце случайного наблюдателя на дороге сжалось бы от задумчивой грусти при виде этой воздушности и свободы. Она подняла руки, откинулась назад под ветром; ее платье развевалось и трепетало, из прически выбилась прядь волос. Девушка на вершине холма. Доверчивая, восприимчивая, юная. Впивающая воздух с такой же жадностью, с какой она готова была впитывать жизнь. Извечная грустная картина чего-то ожидающей молодости.

Это Кэрол Милфорд, убежавшая на часок из Блуджет-колледжа.

Дни пионеров, дни сельских красоток в капорах и медведей, которых убивали на вырубках топорами, ушли в прошлое еще дальше, чем Камелот. И теперь дух этой мятущейся страны, которую называют американским Средним Западом, олицетворяет своенравная девушка.

II

Блуджет-колледж находится на окраине Миннеаполиса. Это оплот здоровой религиозности. Он все еще борется с новомодными ересями Вольтера, Дарвина и Роберта Ингерсолла. Благочестивые семьи Миннесоты, Айовы, Висконсина, Северной и Южной Дакоты посылают сюда своих детей, и Блуджет оберегает их от развращающего влияния университетов. Из его стен вышло много милых девушек, молодые люди – любители пения и даже одна учительница, которой нравятся Мильтон и Карлейль. Так что четыре года, которые провела здесь Кэрол, не пропали даром. Небольшие размеры школы и малочисленность соперников позволяли ей свободно проявлять свою опасно многостороннюю натуру. Она играла в теннис, устраивала скромные вечеринки, участвовала в специальном семинаре по изучению драмы, флиртowała, состояла членом десятка обществ, занимавшихся разными искусствами и усвоением тех сложных вещей, которые называются «общей культурой».

В ее группе были две или три девушки красивее ее, но не было ни одной более увлекающейся. Она выделялась усердием и в занятиях, и в танцах, хотя среди трехсот студентов Блуджета многие отвечали лучше или танцевали бостон более плавно. Каждая клеточка ее тела – тонкие запястья, нежная, как айвовый цвет, кожа, наивные глаза, черные волосы – все это было полно жизни.

Другие девушки в дортуаре удивлялись ее миниатюрности, когда видели ее в negligé или выбегающей из-под душа. Тогда она казалась вдвое меньше, чем можно было предположить, прямо хрупкий ребенок, нуждающийся в бережной заботе и ласке. «Неземная натура, – шептали о ней подруги. – Утонченная душа». Но она сама излучала столько энергии, так смело и уверенно тянулась навстречу всему доброму и светлому, что была куда подвижнее и неутоми-

мее тех неуклюжих девиц в рубчатых шерстяных чулках на толстых икрах и синих спортивных костюмах, которые с топотом скакали по гимнастическому залу на тренировках Бюджетской женской баскетбольной команды.

Даже когда она бывала утомлена, ее темные глаза внимательно следили за окружающим. Она еще не знала, как бессознательно жесток и высокомерно туп может быть мир, но если бы ей и пришлось столкнуться с этими его мрачными свойствами, ее взгляд не стал бы от этого ни скучным, ни угрюмым, ни слезливо-страстным.

Несмотря на всю восторженность Кэрол, несмотря на ее привлекательность, в нее хоть и влюблялись, но побаивались ее. Даже когда она с особым увлечением пела гимны или замышляла какую-нибудь выходку, она все-таки сохраняла вид слегка надменный и скептический. Правда, она была доверчива – прирожденная обожательница героев; но она непрестанно все проверяла и исследовала. Чем бы она ни стала в дальнейшем, она никогда не будет пассивной.

Разнообразие ее интересов постоянно заводило ее в тупик. По очереди она открывала в себе то замечательный голос, то талант к игре на рояле, то драматические способности, то писательские, то организаторские. Она неизменно разочаровывалась, но всегда воспламенялась снова и увлекалась то студентами-добровольцами, готовившими себя в миссионеры, то писанием декораций для драматического кружка, то хлопотами о рекламе для издававшегося в колледже журнала.

Особенно неотразима она была однажды в воскресенье, когда играла в церковном оркестре. Из глубины сумрака ее скрипка подхватывала тему органа, и отблеск свечей обрисовывал девушку в ее прямом золотистом платье, со смычком в изогнутой руке, со строго сжатыми губами. В тот день все мужчины были увлечены религией и Кэрол.

На последнем курсе она стала всерьез задумываться над тем, как все ее многочисленные начинания и частичные успехи могли бы пригодиться ей в будущей карьере. Каждый день на ступенях библиотеки или в зале главного здания колледжа студентки толковали о том, что они будут делать по окончании курса. Девушки, которые были уверены, что им просто предстоит выйти замуж, с серьезным видом рассуждали о шансах на успех в деловом мире. Те же, которые знали, что им придется работать, намекали на мифических женихов. Что касается Кэрол, то она была сирота. Единственной близкой ее родственницей была сестра, слащавая особа, жена оптика из Сент-Пола. Большую часть денег, оставшуюся от отца, Кэрол уже истратила. И она не была влюблена, то есть влюблялась нечасто и ненадолго. Она собиралась жить своим трудом.

Но что это будет за труд, как она завоюет мир – главным образом для блага самого мира, – ей было неясно. Большинство еще не помолвленных девушек предполагали пойти в учительницы. Их можно было разделить на два разряда: на легкомысленных молодых особ, заявлявших, что они бросят «мерзкую классную комнату и чумазых детей» в ту же минуту, как им представится случай выйти замуж, и на прилежных дев, широкобровых и пучеглазых, которые во время молитвы просили Бога «направить их стопы по стезе полезного служения». Ни те ни другие не привлекали Кэрол. Первые казались ей неискренними (в ту пору это было ее излюбленным словечком). Серьезные же девицы своей верой в спасительную роль латинской грамматики могли, по ее мнению, наделать зла не меньше, чем добра.

Несколько раз на последнем курсе Кэрол окончательно решала то изучать юриспруденцию, то писать киносценарий, то сделаться сестрой милосердия или же выйти замуж за неведомого героя.

Потом ее коньком стала социология.

В колледже появился новый преподаватель социологии. Он был женат и поэтому «табу»; но он приехал из Бостона, он жил среди поэтов, социалистов, евреев и меценатствующих миллионеров в университетском квартале Нью-Йорка, и у него была красивая, белая, сильная шея. Он водил хихикающий класс по тюрьмам, благотворительным учреждениям и конторам по найму в Миннеаполисе и Сент-Поле. Бредя в хвосте группы, Кэрол возмущалась бестактным

любопытством других, их манерой разглядывать бедняков, как зверей в зоологическом саду. Поднеся руку ко рту, она больно пощипывала нижнюю губу, сердясь и с удовольствием ощущая себя не такой, как другие, а истинной поборницей свободы.

Ее однокурсник Стюарт Снайдер, неглупый плечистый парень в серой фланелевой рубашке, порыжелом черном галстуке бабочкой и форменной зеленой с красным фуражке, проворчал, когда они плелись за другими по грязи скотных дворов Сент-Пола:

– Надоело мне это школьное дурачье. И чего они так задаются! Поработали бы на ферме, как я! Даже эти рабочие выше их на целую голову.

– А я люблю простых рабочих, – оживилась Кэрол.

– Только вы не должны забывать, что простые рабочие вовсе не считают себя «простыми»!

– Вы правы. Извините!

Кэрол подняла на него глаза, сиявшие восторгом самоуничижения.

Ее глаза с любовью взирали на мир. Стюарт Снайдер покосился на нее. Он порывисто сунул в карманы свои большие кулаки, потом так же порывисто выдернул их обратно, наконец решительно разделался с ними, заложив руки за спину, и пробормотал, запинаясь:

– Я знаю. Вы понимаете людей. А большинство наших... Послушайте, Кэрол, вы могли бы много сделать для людей.

– Как?

– М-м-м... ну, скажем... проявляя к ним сочувствие и вообще... если бы вы... например, если бы вы были женой адвоката. Вы понимали бы его клиентов. Вот я собираюсь стать адвокатом. Я готов признать, что иногда у меня не хватает сочувствия к другим. Я бываю с людьми до того нетерпелив, что еле переношу весь этот балаган. Вы были бы счастьем для слишком серьезного по натуре человека. Вы сделали бы его более... как бы это сказать... более отзывчивым!

Его слегка выпяченные губы и глаза мастифа умоляли ее позволить ему продолжать. Но она уклонилась от его слишком бурных излияний, воскликнув:

– Взгляните-ка на этих несчастных овец! Ведь их тут целые миллионы.

И она поспешила вперед.

Стюарт не интересовал ее. У него не было красивой белой шеи, и он никогда не вращался в среде знаменитых реформаторов. Ей вдруг захотелось жить где-нибудь в предместье, в келье, как монахини, – только чтобы не надо было носить черную рясу, – быть доброй, читать Бернарда Шоу и усиленно просвещать целую армию благодарных бедняков.

Дополнительное чтение социологической литературы натолкнуло ее на книгу об улучшении жизни в небольших городах – о зеленых насаждениях, о любительских спектаклях и клубах для девушек. В книге были фотографии газонов и садовых изгородей во Франции, Новой Англии, Пенсильвании. Она взялась за эту книгу небрежно, с легким зевком, который с изяществом кошечки прикрыла кончиками пальцев.

Но вот она погрузилась в чтение, усевшись под окном, подобрав стройные, в тонких чулках, ноги и подперев коленями подбородок. Читая, она поглаживала атласную подушечку. Ее окружало изобилие украшений, затоплявших каждую комнату Бюджет-колледжа. Обитый кретоном диванчик в оконной нише, фотографии студенток, гравюра Колизея, маленькая жаровня и десятки подушечек, вышитых, отделанных бисером, разрисованных. Совсем не к месту казалась здесь миниатюра «Танцующей вакханки» – единственный след пребывания в этой комнате самой Кэрол. Все остальное она унаследовала от прежних поколений учащихся.

Для нее этот трактат об улучшении жизни в городах был как бы частью окружающего ее мещанского быта. Но вдруг она перестала отвлекаться, целиком ушла в книгу и прочла ее до половины, прежде чем трехчасовой звонок позвал ее на урок английской истории.

Она вздохнула. «Вот и дело для меня после колледжа! Я примусь за какой-нибудь из этих городков в прериях и сделаю его прекрасным. Буду его вдохновительницей. Для этого, пожалуй, всего проще стать учительницей... но не такой учительницей, как они... Я не хочу тупой зубрежки... Почему на Лонг-Айленде все пригороды можно было превратить в сады? И почему ни одна душа не подумала о безобразных городишках здесь, на Северо-Западе? Тут знают только молитвенные собрания да детские библиотеки. Я заставлю разбить в городе бульвар, построить изящные коттеджи и проложить красивую Главную улицу».

С торжествующим видом сидела она на уроке, представлявшем собой типичное для Блуджета состязание между скучным преподавателем и непослушными двадцатилетними детьми. Победителем выходил преподаватель, так как его противникам приходилось отвечать на вопросы, тогда как их коварные ловушки он всегда мог обойти встречным вопросом: «А вы справлялись об этом в библиотеке? Нет? Тогда, может, попробуете справиться?»

Преподаватель истории раньше был священником. В этот день он был настроен саркастически. Он обратился к Чарли Холмбергу, поглощенному интересной забавой:

– Ну, Чарльз, я, пожалуй, позволю себе прервать вашу, несомненно, увлекательную охоту за этой зловредной мухой и попрошу вас рассказать, что вы знаете о короле Иоанне!

Затем он в течение трех приятных для него минут убеждался в том, что никто из группы не помнит точной даты Великой хартии вольностей.

Кэрол не слушала его. Она заканчивала крышу над полукирпичным зданием городской ратуши. В городке нашелся один человек, не оценивший ее проекта извилистых улиц и аркад, но на заседании муниципального совета она разбила своего противника в пух и прах.

III

Кэрол плохо знала городки в прериях, хотя и родилась в Миннесоте. Ее отец, улыбающийся и небрежно одетый, ученый и насмешливо-ласковый человек, был родом из Массачусетса. Все годы ее детства он был судьей в Манкейто – городке, отнюдь не типичном для прерий; тенистыми улицами, живописным сочетанием белого и зеленого он напоминает скорее Новую Англию. Манкейто расположен между горами и рекой Миннесотой, близ Тропы Сиу, где первые поселенцы заключали договоры с индейцами, а похитители скота во весь опор удирали от гнавшихся за ними конных отрядов.

Карабкаясь по крутому берегу этой темной реки, Кэрол жадно слушала ее сказки о широких просторах Запада, о желтой воде и белых бизоньих костях; о пристанях, о поющих неграх и высоких пальмах на Юге – там, далеко, куда из века в век таинственно катятся эти воды. Кэрол слышала тревожный колокол и тяжелое пыхтение высокотрубных речных пароходов, шестьдесят лет назад терпевших крушения на песчаных отмелях. На палубе она видела миссионеров, игроков в высоких цилиндрах и дакотских вождей, закутанных в красные одеяла... Слышала далекие ночные гудки за излучиной реки и всплески воды под гребными колесами, отдававшиеся в соснах по берегам, видела отсветы на черной струящейся воде...

Семья Кэрол жила замкнуто, но не скучно. Рождество было праздником с сюрпризами и подарками; оно отмечалось импровизированными веселыми и смешными переодеваниями. Звери в домашней мифологии Милфордов были не гнусными ночными чудовищами, которые выскакивают из шкафа и пожирают маленьких девочек, а доброжелательными быстроглазыми созданиями: это ручной «Теплячок», косматый и синий, он живет в ванной и быстро прибегает, если нужно согреть маленькие ножки; ржавая керосинка, которая мурлычет и знает всякие истории; «Поскокиш», готовый поиграть с детьми до завтрака, если они выпрыгнут из кроваток и закроют окно при первых звуках той песенки, что напевает отец, когда бреется.

Согласно педагогическим принципам судьи Милфорда, дети могли читать все, что им заблагорассудится, и в его библиотеке с коричневыми обоями Кэрол поглощала Бальзака и

Рабле, Торо и Макса Мюллера. Буквы отец показывал им по корешкам энциклопедии. Случалось, вежливый гость осведомлялся, как подвигается умственное развитие «малюток», и бывал ошеломлен, когда дети с серьезнейшим видом начинали твердить: «А-Ант, Ант-Аус, Аус-Бис, Бис-Ван, Ван-Вас».

Мать Кэрол умерла, когда девочке было девять лет. Года через два отец отказался от судебной деятельности и переселился с семьей в Миннеаполис. Еще через два года умер и он. Старшая сестра Кэрол, суетливая, щедрая на советы, стала для нее чужой еще в то время, когда они жили под одной кровлей.

Свободе этих ранних грустных и веселых дней и независимости от родственников Кэрол была обязана своим постоянным стремлением отличаться от торопливых, деловитых, пренебрегающих книгами людей. У нее выработалась привычка оставаться сторонним наблюдателем их суеты даже тогда, когда она сама принимала в ней участие. Но, избрав своим поприщем планировку городов, она с удовлетворением отметила, что сама готова теперь стать быстрой и деловитой.

IV

Через месяц честолюбивые планы Кэрол потускнели. Она опять сомневалась, стоит ли ей идти в учительницы. Ей казалось, что у нее не хватит сил тянуть повседневную лямку. Она не могла представить себе, как она будет стоять с мудрым и решительным видом перед ухмыляющимися детьми. Но желание создать прекрасный город в ней сохранилось. Встречая заметку о женских клубах в маленьких городах или фотографический снимок какой-нибудь уходящей вдаль Главной улицы, она испытывала чувство смутной тоски и обиды, словно у нее отнимали любимую работу.

По совету преподавателя английского языка она остановилась на изучении библиотечного дела в одной из школ Чикаго. Ее воображение яркими красками рисовало ей новый план. Кэрол видела, как она уговаривает детишек читать чудесные сказки, помогает молодым людям выбирать книги по технике, вежливо беседует со стариками, нетерпеливо требующими газет. Она светоч библиотеки, непререкаемый литературный авторитет; ее приглашают на обеды с поэтами и путешественниками, она читает доклад на собрании выдающихся ученых...

V

Последний факультетский бал перед актовым днем. Через пять дней их завертит вихрь выпускных экзаменов.

В дом ректора навезли пальм, придавших ему вид благопристойного похоронного бюро, а в библиотеке, небольшой комнате с глобусом и портретами Уитьера и Марты Вашингтон, студенческий оркестр играл отрывки из «Кармен» и «Мадам Баттерфляй». От музыки и мыслей о скором расставании у Кэрол кружилась голова. Пальмы казались ей джунглями, свет электрических лампочек под розовыми абажурами превращался в опаловое сияние, а сверкающий очками факультетский совет представлялся ей сонмом олимпийцев. Ей было немного грустно при виде бесцветных девиц, с которыми она «всегда собиралась подружиться», и десятка молодых людей, готовых влюбиться в нее.

Но поощряла она только Стюарта Снайдера. Он выглядел гораздо мужественнее остальных. Смуглый, почти такого же теплого коричневого тона, как его новый, купленный готовым, костюм с подложенными плечами. Она сидела со Стюартом за чашкой кофе и пирогом с курятиной возле груды преподавательских галош в гардеробной под лестницей, и когда до них долетела заглушенная музыка, он прошептал:

– Просто невыносимо так вот расстаться после этих четырех лет... самых счастливых лет в жизни.

Ей было понятно его чувство.

– О да! Подумать только, что через несколько дней мы разъедемся и со многими из наших никогда больше не увидимся.

– Кэрол, вы должны выслушать меня! Вы всегда увиливаете, когда я пытаюсь поговорить серьезно, но вы должны меня выслушать. Я стану видным адвокатом, может быть, судьей, и вы мне нужны, я оберегал бы вас...

Его рука охватила ее плечи. Вкрадчивая музыка усыпила в ней чувство независимости.

– Вы заботились бы обо мне? – грустно спросила Кэрол.

Она коснулась его руки. Рука была горячая и крепкая.

– Еще бы! Мы бы... о боже мой, мы бы чудно жили с вами в Янктоне – я там решил обосноваться...

– Но и я хочу избрать себе какое-нибудь занятие в жизни...

– Устроить уютный дом, растить славных ребятишек и водить знакомство с приятными семьями – может ли быть занятие лучше?

Это был извечный ответ мужчины женщине с беспокойным духом. Так говорили продавцы дынь с юной Сафо. Так говорили военачальники с Зенобией. И точно так же в сырой пещере среди обглоданных костей косматый поклонник убеждал защитницу матриархата. И Кэрол словами Блуджет-колледжа, но голосом Сафо ответила:

– Конечно. Я знаю. Это, пожалуй, верно. По правде сказать, я люблю детей. Но есть столько женщин, которые могут заниматься хозяйством, а я... Ведь, окончив колледж, хочется применить свои знания для общей пользы.

– Я понимаю, но вы можете использовать их с таким же успехом дома. И право же, Кэрол, только представьте себе, как мы ясным весенним вечером с детворой едем в машине на пикник...

– Да-а...

– Или зимой на санках, или ловим рыбу...

Тра-ла-ла-ла-ла!.. Оркестр вдруг грянул «Солдатский хор», и она запротестовала:

– Нет-нет! Вы страшно милый, но я хочу что-нибудь делать. Я сама себя не понимаю, но я хочу... всего, всего на свете! Может быть, я не способна петь или писать, но я надеюсь, что могу много сделать, работая в библиотеке. Представьте, вот я помогла в занятиях какому-нибудь юноше, и из него вышел великий художник! Я хочу! Непременно! Во что бы то ни стало я этого добьюсь! Милый Стюарт, я не могу ограничить себя мытьем посуды!

Еще две минуты, две томительные минуты, и их уединение было нарушено смущенной парочкой, также искавшей идиллического убежища в каморке для галош...

После выпускного акта она больше не видела Стюарта Снайдера. Она писала ему раз в неделю – в течение месяца.

VI

Кэрол провела год в Чикаго. Ее занятия по каталогизации, регистрации, работе со справочниками были легки и не слишком снотворны. Она наслаждалась Институтом искусств, симфонической и камерной музыкой, театром и классическим балетом. Она чуть не бросила библиотечное дело ради того, чтобы самой приобщиться к сонму юных дев, танцующих в газовых пачках при лунном свете... Она побывала на вечеринке в настоящей художественной студии – с пивом, папиросами, стриженными девицами и какой-то русской еврейкой, певшей «Интернационал». Нельзя сказать, чтобы присутствие Кэрол было замечено представителями богемы. Она оробела, почувствовала себя невеждой и была шокирована свободой манер, к которой

годами стремилась. Но она слышала и запомнила споры о Фрейде, Ромене Роллане, синдикализме, о Всеобщей конфедерации труда, о феминизме и подневольном положении женщины, о китайской лирике, национализации горной промышленности, «Христианской науке» и рыбной ловле на Онтарио.

Она ушла домой, и это было начало и конец ее жизни среди богемы.

У мужа ее сестры был родственник, который жил в Уиннетке, и однажды в воскресенье он пригласил ее на обед. Обрато она шла через Уилмет и Эвенстон, открывала там новые формы пригородной архитектуры и вспоминала свою мечту о возрождении маленьких городов. Она даже решила оставить работу в библиотеке и неким чудом – она сама не знала каким – превратить один какой-нибудь городок в живописное скопление староанглийских домиков и восточных бунгало.

Но на следующий день ей пришлось читать на библиотечных курсах реферат на тему о собирательном индексе; она так увлеклась прениями, что забыла про планировку городов и осенью очутилась в публичной библиотеке Сент-Пола.

VII

В сент-польской библиотеке Кэрол работала без уныния, но и без особого подъема. Мало-помалу она должна была сознаться себе, что не оказывает влияния на человеческие жизни. Вначале при общении с читателями она выказывала усердие, которое могло бы сдвинуть горы. Но эти упрямые горы вовсе не хотели, чтобы их сдвигали! Когда она работала в зале периодики, читатели не просили ее указать им статьи о каких-либо высоких материях. Они только бурчали: «А есть у вас „Кожевненное дело“ за февраль?» Когда же она дежурила на выдаче книг, просьба, с которой к ней обращались, звучала чаще всего так: «Дайте мне что-нибудь поинтереснее про любовь – мой муж уезжает на неделю».

Кэрол нравились ее сослуживцы, она гордилась их деятельностью. Она прочитала кипы книг – только потому, что они попадались под руку, – чуждых ее легкой, подвижной натуре: тома по антропологии со множеством напечатанных мелким шрифтом подстрочных примечаний, парижских имажистов, индийские рецепты приготовления соуса карри, описания путешествий на Соломоновы острова, теософию с современными американскими новшествами, исследования о доходности недвижимого имущества.

Она много гуляла, уделяла внимание туфлям и диете. И все-таки никогда не чувствовала, что живет.

Она ходила на танцевальные вечеринки и ужины к знакомым по колледжу. Иногда сдержанно танцевала уанстеп, иногда же в тоске по проходящей мимо жизни плясала, как вакханка, сверкая глазами, вытянув шею и быстро скользя по комнате.

За три года работы в библиотеке мужчины неоднократно оказывали ей настойчивое внимание: кассир меховой фирмы, учитель, репортер, мелкий железнодорожный служащий. Никто из них не вызывал у нее интереса. Долгие месяцы ни один мужчина не выделялся из массы. Потом у Марбери она встретилась с доктором Уилом Кенникотом.

Глава вторая

I

Когда в воскресенье вечером Кэрол брела на ужин к Марбери, она чувствовала себя грустной, слабой и одинокой. Миссис Марбери была соседка и приятельница сестры Кэрол, а мистер Марбери – разъездной агент страхового общества. Их дом славился бутербодно-салатно-кофейными ужинами, а на Кэрол хозяева смотрели как на представительницу искусства и литературы. Только она способна была оценить граммофонную пластинку Карузо или привезенный мистером Марбери из Сан-Франциско китайский фонарь. Кэрол видела, что Марбери очарованы ею, и потому находила их очаровательными.

В этот сентябрьский воскресный вечер на ней было кружевное платье на бледно-розовом чехле. Недолгий сон стер легкие линии усталости вокруг ее глаз. Она была молода, наивна и возбуждена вечерней прохладой. Сбросив пальто на стул в передней, она влетела в зеленую плюшевую гостиную. Хозяева и гости старались поддерживать оживленный разговор. Она увидела перед собой мистера Марбери, школьную учительницу гимнастики, управляющего местным отделением Северной железной дороги, молодого адвоката. Но был тут также и незнакомый ей человек – грузный, высокий мужчина лет тридцати шести или семи, с тусклыми каштановыми волосами, властным ртом и добрым взглядом, внимательно следившим за всем окружающим. В одежде его не было ничего примечательного.

Мистер Марбери прогудел:

– Кэрол, подите сюда и познакомьтесь с доком Кенникотом, доктором Уилом Кенникотом из Гофер-Прери. Он производит все освидетельствования при страховании в этом медвежьем углу и, говорят, умеет неплохо и лечить!

Пробираясь к незнакомцу и бормоча невнятное приветствие, Кэрол припомнила, что Гофер-Прери – городок с тремя тысячами жителей среди пшеничных полей Миннесоты.

– Рад познакомиться, – сказал ей доктор Кенникот.

У него была сильная рука с мягкой ладонью. На тыльной стороне кожа огрубела, и на ее красном загаре выступали золотистые волоски.

Он посмотрел на Кэрол с каким-то приятным удивлением. Она высвободила руку и пролепетала:

– Мне надо на кухню – помочь миссис Марбери.

Больше она с ним не говорила, пока не поджарила хлебцы и не раздала бумажные салфетки, после чего Марбери поймал ее, закричав:

– Будет вам суетиться! Подите сюда, присядьте и расскажите нам что-нибудь забавное.

Он усадил ее на диван рядом с доктором Кенникотом, который неопределенно поглядывал кругом и сутулил могучие плечи, словно недоумевая, чего от него хотят. Когда хозяин дома оставил их, Кенникот как бы пробудился:

– Марбери говорит, что вы очень важная персона в публичной библиотеке. Вот уж не ожидал: вы для этого как будто слишком молоды. Я думал, что вы совсем девочка, может быть, даже еще учитесь в колледже!

– Что вы, я ужасно стара! Мне скоро придется красить губы, и каждое утро я ожидаю, что найду у себя седой волос.

– Ого! Вы действительно очень стары. Пожалуй, слишком стары, чтобы быть моей внучкой!

Так в аркадской долине коротали часы нимфа и сатир. Именно так, а не медовыми пен-таметрами беседовали в тенистой аллее прекрасная Элейн и престарелый сэра Ланселот.

– Вам нравится ваша работа? – спросил доктор.

– Работа приятная, только иногда я чувствую себя отрезанной от жизни за этими сталь-ными стеллажами и горами карточек с красными штампами.

– Вам не надоел город?

– Сент-Пол? Как! Вам он не нравится? Разве можно представить себе что-нибудь более живописное, чем вид с Верхней авеню на обрывы Миссисипи за Нижним городом и фермы, рассыпанные по склонам вдаль?

– Все это так, но... Правда, я прожил в Сент-Поле и Миннеаполисе девять лет, окончил здесь университет и стажировал в миннеаполисской больнице, но все-таки... как бы вам ска-зать... здесь не сойтись так с людьми, как у нас дома. Я чувствую, что кое-что значу в делах Гофер-Прери, а в большом городе с двумя-тремястами тысячами жителей ты все равно что блоха на спине у собаки. А потом, я люблю поездки по деревням и охоту. А вы вообще знаете Гофер-Прери?

– Нет, я только слыхала, что это славный город.

– Славный? Скажу по совести... Конечно, я, может быть, пристрастен, но я видел множе-ство городов – я однажды ездил на медицинский съезд в Атлантик-сити и провел около недели в Нью-Йорке! Но я никогда не видел города с более предприимчивым населением, чем Гофер-Прери. Брэзнаган – вы знаете? – автомобильный король – происходит из Гофер-Прери! Там он родился и воспитывался. И это чертовски красивый город. Много зелени – клены, тополя – и два живописнейших в мире озера тут же, под самым городом. У нас уже есть семь миль настоящих тротуаров, и с каждым днем прокладываются новые... А ведь сколько городишек довольствуются дощатыми мостками! Мы не из таких, уверяю вас.

– В самом деле?

(Почему подумала она о Стюарте Снайтере?)

– У Гофер-Прери большая будущность. Вокруг – лучшие молочные фермы и пахотные участки в штате; земля уже сейчас идет по полтора доллара за акр, а лет через десять, я уверен, дойдет до двух с четвертью!

– А... Скажите, вы любите свою работу?

– Не могу себе представить лучшей. Приходится много бывать на воздухе, а для разно-образия можно и на приеме посидеть.

– Я не в этом смысле. Я хочу сказать, она, верно, доставляет столько возможностей про-явить сочувствие к людям?

Доктор Кенникот пренебрежительно усмехнулся.

– О, эти немцы-фермеры не нуждаются в сочувствии! Все, что им требуется, – это ванна и хорошая доза английской соли.

Заметив, что Кэрл поморщилась, он поспешно переменял тон:

– Я хочу сказать... я не хотел бы, чтобы вы приняли меня за старого коновала, который от всех болезней лечит английской солью и хиной. Но, знаете, мои пациенты – все больше заскорузлые фермеры, и с ними сам поневоле сделаешься толстокожим.

– Мне кажется, что врач может изменить облик всего общества, если только он хочет этого и ставит перед собой известные цели. Обычно он единственный образованный человек в округе, так ведь?

– Это верно, но, боюсь, большинство из нас быстро покрываются ржавчиной. Нас заедает повседневная рутина: роды, тифы и вывихнутые ноги. Нам нужны женщины вроде вас, которые бы нас тормозили. Вот вы действительно переделали бы город.

– Нет, куда мне! Я слишком ветрена. Представьте, я когда-то и вправду думала об этом, но до дела у меня почему-то так и не дошло. Да где уж мне поучать вас!

– Ну нет, как раз вы были бы тут на месте. У вас есть мысли, но есть и женское обаяние. А сколько женщин, право, присоединяются ко всем этим «движениям» и жертвуют при этом...

После нескольких замечаний о суфражистках он начал расспрашивать Кэрол о ней самой. Его ласковый голос и сила, исходившая от него, обволакивали ее, и она уже готова была смотреть на него как на человека, имеющего право знать, что она думает, ест, носит и читает. В нем было что-то надежное. Из малопонятного ей незнакомца он вырастал в друга, чья беседа дарила ей что-то новое и значительное. Кэрол отметила про себя ширину его могучей груди. Его нос, на первый взгляд неправильный и слишком крупный, вдруг показался ей мужественным.

Из этой сладкой сосредоточенности ее вырвал голос Марбери, подскочившего к ним и завопившего на всю комнату:

– Послушайте, чем это вы оба так поглощены? Гадаете друг другу или любезничаете? Позвольте предупредить вас, Кэрол, что доктор – заядлый холостяк. Идите сюда, пора поразмять ноги. Потанцуем или поиграем во что-нибудь!

Больше ей не пришлось беседовать с доктором Кенникотом, пока гости не стали расходиться.

– Мне было очень приятно познакомиться с вами, мисс Милфорд. Могу я навестить вас, когда буду опять в городе? Я бываю здесь часто – привожу тяжелобольных в клинику, знаете ли, или если что-нибудь случится...

– Ну что ж...

– Скажите мне ваш адрес.

– Спросите у мистера Марбери в следующий приезд, если вы вправду хотите знать.

– Вправду ли? Вот увидите!

II

О любви Кэрол и Уила Кенникота нечего рассказать, кроме того, что можно услышать в любой летний вечер в любом тенистом уголке. Биология и мистерия. В их речах была банальность и поэзия, в их молчании – удовлетворенность или трепет, когда его рука ложилась на ее плечи. Тут была вся красота молодости, впервые замеченной, когда она готова уже уйти, и вся обыденность ухаживания преуспевающего неженатого мужчины за миловидной девушкой, немного уставшей от служебной лямки и не видящей впереди ничего яркого, никого, кому она была бы рада себя посвятить.

Они честно нравились друг другу – оба они были честны. Ее огорчала в нем жажда жизни, но она была уверена, что он не обманывает своих пациентов и следит за медицинскими журналами. А его мальчишеская веселость на их совместных прогулках вызывала у нее нечто большее, чем просто симпатию.

Они уходили из Сент-Пола вниз по реке до Мендоты. В спортивном кепи и мягкой рубашке Кенникот казался стройнее. А Кэрол в темно-сером шотландском берете, синем шерстяном жакете с выпущенным поверх него необычайно широким и от этого очень милым отложным белым воротничком, в юбке, не прикрывающей лодыжек, и спортивных туфельках была совсем юной. Мост Хайбридж, проложенный через Миссисипи, соединяет низкий левый берег с противоположным обрывистым. Глубоко внизу, на сент-польской стороне, на илистой отмели жметесь жалкий поселок: огороды, в которых копаются куры, лачуги, сколоченные из старых вывесок, листов гофрированного железа и досок, выуженных из реки. Кэрол любила, перегнувшись через перила, глядеть вниз на этот поселок, нищий, как деревушки по берегам Янцзы. В сладостном воображаемом страхе она вскрикивала, жалуясь, что у нее от высоты кружится голова. И испытывала такое понятное удовольствие, когда сильная мужская рука возвращала ей ощущение безопасности, а уши ее не слышали привычных рассуждений какой-

нибудь здравомыслящей учительницы или библиотекарши: «Если вам страшно, отчего же вы не отойдете от перил?»

А с высокого берега Кэрол и Кенникот любовались раскинувшимся на холмах за рекой Сент-Полом – он вставал величественной панорамой от купола кафедрального собора до купола Капитолия штата.

Дорога вдоль реки вела мимо каменистых вспаханных склонов, узких, глубоких лошин, обогранных сентябрьским пламенем, к Мендоте, – и вот с холма открывался вид на белые домики и высокий шпиль, окруженный купой деревьев. Тихий уголок старого мира. В этой молодой стране такой городок и вправду может считаться старинным. Здесь гордо высится каменный дом, построенный королем мехоторговцев генералом Сибли в 1835 году. Штукатуркой для него послужил речной ил, а вместо дранки были веревки, свитые из травы. Кажется, что он простоял уже много веков. В его просторных комнатах Кэрол и Кенникот нашли гражюры того времени – джентльмены в голубых фраках, неуклюжие телеги, груженные мехами, солдаты с короткими бакенбардами, в фуражках набекрень и с волочащимися палашами.

Все это говорило о прошлом, о прошлом их Америки, которое было особенно дорого Кэрол и Кенникоту еще потому, что они открывали его вдвоем. На ходу они разговаривали как-то более откровенно, более интимно. Они переправлялись на пароме через Миннесоту. Взбирались на холм к круглой каменной башне форта Снеллинг. Смотрели на слияние Миссисипи и Миннесоты и вспоминали людей, пришедших сюда восемьдесят лет назад, – мэнских дровосеков, нью-йоркских торговцев, солдат с холмов Мэриленда.

– Как хороша наша страна, и как я горжусь ею! Давайте сделаем ее такой, какой мечтали ее видеть все эти люди! – Отнюдь не сентиментальный Кенникот был так растроган, что готов был произносить обеты.

– Давайте!

– Поедьте со мной! Поедьте в Гофер-Прери! Вы научите нас, как этого добиться. Приобщите наш город к искусству, сделайте его... художественным. Это чертовски милый городок, но я признаю: от искусства мы все далеки. Надо думать, что наш лесной склад уступает греческим храмам. Поезжайте туда! Переделайте нас!

– Я бы с удовольствием. Как-нибудь...

– Теперь! Вы полюбите Гофер-Прери. Последние годы мы много занимались газонами, садами, и он такой уютный – большие деревья и... лучшие люди на свете. И все очень способные. Я уверен, что Люк Доусон...

Кэрол пропускала имена мимо ушей. Она не представляла себе, чтобы когда-нибудь они могли иметь для нее значение.

– Я уверен, что у Люка Доусона больше денег, чем у иных богачей на Верхней авеню. А мисс Шервин в нашей школе – настоящее чудо! Читает по-латыни, как я по-английски! А железоторговец Сэм Кларк, вот мастак – во всем штате нет никого, с кем было бы лучше ходить на охоту. Если вам надо образованности, то, кроме Вайды Шервин, у нас есть преподобный Уоррен, проповедник-конгрегационалист, и профессор Мотт, инспектор учебных заведений, и адвокат Гай Поллок – говорят, он пишет настоящие стихи, и... и Рэйми Вузерспун, тоже не такой уж олух, если узнать его поближе, а поет он прямо здорово! И... и куча других. Лайм Кэсс. Только, конечно, ни у кого нет вашей утонченности. Но не думайте, это не мешает им оценить вас. Поедем! Вы будете командовать нами!

Они сидели на склоне холма под стеной старого форта, скрытые от посторонних взоров. Кенникот обнял девушку за плечи. Утомленная ходьбой, немного озябшая, она, ощущая его теплоту и силу, благодарно прижалась к его груди.

– Вы знаете, что я люблю вас, Кэрол!

Она не ответила и только дотронулась пальчиком до его руки.

– Вот вы говорите, что я ужасный материалист. Но я ничего не смогу с этим поделать, если вы не будете тормозить меня.

Она не ответила. Она не могла думать.

– Вы говорите, доктор может вылечить город, как вылечивает человека. Это вы должны вылечить город от его болезней, а я буду вашим хирургическим инструментом!

Кэрол не следила за его словами, она вслушивалась только в их гулкое, энергичное звучание.

Она была возмущена и восхищена, когда он поцеловал ее в щеку и воскликнул:

– К чему без конца слова и слова! Разве мои руки не говорят за меня?

– О, не надо, не надо!

Она подумала, что, наверное, должна рассердиться, но это была лишь мимолетная мысль, и вдруг она заметила, что плачет.

Потом они сидели, отодвинувшись друг от друга, и делали вид, что никогда не были ближе. Она старалась говорить равнодушно:

– Я была бы рада... увидеть Гофер-Прери.

– К вашим услугам! Вот он! Я захватил с собой несколько снимков, чтобы показать вам.

Почти касаясь щекой его рукава, она разглядывала городские виды. Снимки были неудачны. Она различала только деревья, кусты, крылечко в тени листвы. Но при виде озер у нее вырвалось восклицание: в темной воде отражались лесистый обрывистый берег и утки, летящие вереницей. На камнях в широкополой соломенной шляпе стоял рыболов с засученными рукавами и показывал пойманную рыбу. Один зимний снимок Ласточкиного озера был похож на офорт: блеск льда, снег во впадинах болотистой косы, норка мускусной крысы, тонкие черные линии камыша, сплетенные стебли замерзшей травы. Впечатление ясной, морозной бодрости.

– Разве плохо было бы побегать здесь час-другой на коньках или промчатся на буере, а потом пить дома кофе с горячими булочками? – спросил он.

– Да, пожалуй, занятно...

– А вот еще интересный снимок. Вот где вас не хватает!

Вид вырубki в лесу. Первые, неуверенные борозды среди пней. Невзрачная бревенчатая хижина, обмазанная глиной и крытая соломой. Перед нею женщина в мешковатом платье, с туго стянутыми на голове волосами и ребенок, весь перепачканный, но с чудесными, лучистыми глазками.

– Из таких людей состоит добрая половина моей клиентуры. Нилс Эрдстрем, молодой работающий швед. Через десять лет у него будет отличная ферма, но пока... Я оперировал его жену на кухонном столе, а мой кучер давал наркоз... Посмотрите на этого чумазого младенца! Тут нужна рука женщины, такой, как вы. Он ждет вас! Загляните в глаза малышу. Видите, как он просит?..

– Не надо! Мне их жаль. О, как хорошо было бы помочь им... так хорошо!

Когда его руки протянулись к ней, у нее на все сомнения был один ответ: «Хорошо... так хорошо!»

Глава третья

I

Под клубящимися над прерией облаками движется стальная масса. Раздражающий стук и лязг на фоне непрерывного гула. Острый запах апельсинов смешивается с испарениями немывших тел и всяческой рухляди.

Беспорядочно раскинувшиеся городки – словно выброшенные на чердак картонки. Бледно-золотые полосы жнивья, прерываемые лишь купами ив вокруг белых домиков и красных амбаров.

Пассажирский поезд номер семь с лязгом ползет по Миннесоте, незаметно взбираясь на гигантское плоскогорье, простирающееся на тысячи миль, от жарких низовий Миссисипи до Скалистых гор.

Сентябрь, жаркий и пыльный.

В составе поезда нет нарядных пульмановских вагонов. Спальные вагоны Востока заменены сидячими – каждый маленький диванчик разделен на два раздвижных плюшевых кресла; их подголовники покрыты салфеточками сомнительной чистоты. Вагон разделен надвое барьерчиком из резных дубовых колонок, а проход обшит нестругаными, некрашеными, дочерна засаленными досками. Ни проводника, ни подушек, ни постельного белья. И так в этих длинных стальных ящиках весь день и всю ночь будут ехать фермеры с вечно утомленными женами и детьми, которые кажутся все одного возраста, рабочие, отправляющиеся на заработки, коммивояжеры в котелках и начищенных ботинках.

Они измучены жарой и давкой, все поры их кожи забиты грязью; они спят как попало, уткнувшись головой в оконное стекло или подложив на локотник свернутое пальто и выставив ноги в проход. Они не читают и, по-видимому, не думают. Они ждут. Покрытая ранними морщинами, неопределенного возраста женщина,двигающаяся так, будто у нее высохли все суставы, открывает чемодан, где виднеются измятые блузки, протертые домашние туфли, пузырек с лекарством, оловянная чашка и сонник в бумажной обложке, который всучили ей в газетном киоске. Она достает сероватый сухарь и дает его лежащему на спинке и горько плачущему ребенку. Крошки падают на красный плюш дивана; женщина вздыхает и пытается смахнуть их, но они подпрыгивают и упрямо падают обратно на плюш.

Перепаханная мужчина и женщина жуют бутерброды и бросают корки на пол. Дюжий кирпично-красный норвежец стаскивает башмаки, облегченно бурчит что-то и протягивает ноги в толстых серых носках на противоположное сиденье.

Беззубая старуха с редкими желто-белыми, цвета застиранного белья волосами, сквозь которые виднеется голая кожа, по-черепашьи разевая рот, тревожно хватая свою сумку, раскрывает ее, заглядывает внутрь, закрывает, сует под сиденье, поспешно вытаскивает снова, открывает и прячет еще и еще раз. Сумка полна сокровищ и сувениров: кожаная пряжка, истрепанная программа концерта духового оркестра, обрывки лент, кружев, атласа. В проходе возле нее, в клетке, громко негодует попугай.

На двух обращенных один к другому диванах, занятых многочисленной семьей горняка-словака, раскиданы башмаки, куклы, бутылка виски, какие-то свертки в газетной бумаге и мешок для рукоделия. Старший мальчик достает из кармана куртки губную гармонику, стряхивает с нее табак и играет «Поход через Джорджию», пока у всех в вагоне не начинает болеть голова.

Проходит разносчик и предлагает шоколад и лимонное драже. Какая-то девочка то и дело семенит к бачку с водой и обратно. Из толстого бумажного кулька, которым она пользуется вместо чашки, каплет на пол, и при каждом путешествии она спотыкается о ноги плотника, который ворчит на нее: «Эй, гляди, куда лезешь!»

Замызганные грязью двери открыты; из отделения для курящих тянется синяя струя удушливого табачного дыма и доносится хохот: там смеются над анекдотом, который молодой человек в синем костюме, лиловом галстуке и светло-желтых ботинках рассказывает приземистому пассажиру в комбинезоне механика из гаража.

Воздух становится все тяжелее и тяжелее.

II

Место каждого пассажира – его временный дом; большинство пассажиров были жильцы неряшливые. Но один уголок казался чистым и обманчиво прохладным. Там сидел мужчина, несомненно зажиточный, и нежная черноволосая девушка, опиравшаяся лакированными туфельками на безукоризненный кожаный чемодан.

Это был доктор Уил Кенникот и его молодая жена Кэрол.

После года ухаживания они поженились и теперь возвращались в Гофер-Прери из свадебного путешествия по горам Колорадо.

Вид этих кочевых орд, населяющих медленные пассажирские поезда, не был для Кэрол чем-то неожиданным. Она познакомилась с ними во время поездок из Сент-Пола в Чикаго. Но теперь, когда ей предстояло жить среди этих людей, облагораживать их, подбадривать, украшать их жизнь, они возбуждали в ней острый и тревожно-брезгливый интерес. Они пугали и подавляли. Они были такие серые! Она всегда утверждала, что в Америке нет отсталых крестьян, и теперь защищала перед собой свое мнение, стараясь увидеть признаки предприимчивости и одухотворенности в молодых фермерах-шведах и в коммивояжере, трудившемся над бланками своих заказов. Но пассажиры постарше – как янки, так и норвежцы, немцы, финны, канадцы, – все, казалось, примирились с бедностью. «Они-то уж, несомненно, простые, темные крестьяне!» – вздыхала она.

– Неужели нельзя их пробудить? Что, если бы они познакомились с научными методами земледелия? – допытывалась она, хватая за руку Кенникота.

Медовый месяц произвел в ней большую перемену. Она испугалась вихря пробудившихся в ней чувств. Уил оказался великолепным человеком – веселым, сильным, удивительно опытным в устройстве биваков на лоне природы, нежным и деликатным в те часы, когда они лежали друг подле друга в палатке, разбитой среди сосен где-нибудь высоко, на уединенном горном отроге.

Он поймал ее руку, пробудившись от мыслей о практике, к которой теперь возвращался.

– Этих людей? Пробудить? Зачем? Они счастливы!

– Но они так провинциальны. Нет, это не то слово. Они... о, они так глубоко увязли в грязи!

– Вот что, Кэрри. Тебе придется оставить свои городские представления, что если у человека не выутюжены брюки, значит он дурак. Эти фермеры очень сметливы и деятельны.

– Я знаю! Вот это-то и больно. Жизнь, видно, дается им нелегко. Все эти уединенные фермы, скрипучий поезд...

– Ну, это им нипочем. А кроме того, жизнь быстро меняется. Автомобиль, телефон, бесплатная доставка покупок по деревням. Все это теснее и теснее связывает фермеров с городом. Конечно, нужно время, чтобы насадить это там, где пятьдесят лет назад была первобытная глушь. Но уже и теперь ведь фермер садится субботним вечером в свой «форд» или «оверленд» и попадает в кино быстрее, чем вы, живя в Сент-Поле, – трамваем.

– И в этих городках, мимо которых мы проезжаем, они ищут отдыха от своей бесцветной жизни? Неужели ты не понимаешь? Да взгляни только на них!

Кенникот был изумлен. С детства он видел эти города из поезда, на этой же самой железнодорожной линии. Он проворчал:

– Да что же в них худого? Отличные, преуспевающие городки. Ты бы удивилась, узнав, сколько пшеницы и ржи, картофеля и кукурузы отгружают они ежегодно.

– Но они так безобразны!

– Согласен, что они не так уютны, как Гофер-Прери. Но дай срок!

– Что это изменит, раз нет никого, кто хотел бы и умел распланировать их? Сотни заводов стараются придать красивый вид автомобилям. А эти городки отданы на волю случая. Нет! В этом нет ничего хорошего. Нужно же было суметь придать им такой жалкий вид!

– Ну, они не так уж плохи, – коротко возразил Кенникот.

Он стал ловить ее руку – это называлось у них «играть в кошки-мышки». Но на этот раз она впервые не ответила на его шутливую ласку. Она смотрела на Шенстром, поселок с полуторастами жителей, к которому подходил поезд.

Бородатый немец и его жена с вытянутыми трубочкой губами вытащили из-под сиденья огромный саквояж из искусственной кожи и выбрались из вагона. Станционный служащий подал в багажный вагон тушу телят. Других признаков какой-либо деятельности в Шенстроме не было. В станционной тишине Кэрл слышала, как где-то в стойле била копытом лошадь и плотник приколачивал драпку.

Деловой центр Шенстрома тянулся на целый квартал вдоль железной дороги. Это был ряд одноэтажных лавок, крытых оцинкованным железом или гонтом, выкрашенным в красный или ядовито-желтый цвет. Постройки были разнокалиберны и казались временными сооружениями, словно хижины золотоискателей из кинофильма. Станция помещалась в небольшом однокомнатном здании; с одной стороны к ней примыкал заляпанный навозом хлев, с другой – зерновой элеватор малинового цвета. Этот элеватор с башней, возвышавшейся над гонтовой крышей, напоминал злобного широкоплечего верзилу с маленькой заостренной головой. Единственными пригодными для людей зданиями, видными из вагона, были красная кирпичная, весьма претенциозная католическая церковь и дом священника в конце Главной улицы.

Кэрл потянула мужа за рукав.

– Я думаю, ты не скажешь вот про этот городок, что он «не так уж плох»?

– Эти немецкие поселки действительно развиваются медленно. Тем не менее... Взгляни-ка, вон человек выходит из мелочной лавки и садится в большущий автомобиль. Я с ним знаком. Ему принадлежит чуть ли не полгорода, не считая лавки. Его зовут Раускэкл. Скупил множество закладных и спекулирует землей. Хорошо варит голова у этого малого. Говорят, он стоит добрых триста или четыреста тысяч долларов. У него желтый кирпичный домик с садом. Дорожки выложены плитками, все устроено превосходно. Но это на другом конце города, отсюда не видно. Я как-то раз проезжал мимо. Да, вот он какой!

– Ну, если у него столько всего, тогда совсем нет оправдания тому, что я здесь вижу. Если бы его триста тысяч вернуть городу, как оно и следует, можно было бы сжечь все лачуги и на эти деньги создать чудеснейший городок, мечту! Это была бы жемчужина! Почему фермеры и горожане дают волю этому барону?

– Должен признаться, я иногда не совсем тебя понимаю, Кэрри. Почему дают ему волю? Да им без него не управиться! Пусть он ограниченный старый немец, и пусть пастор веревки из него вьет, но, когда нужно ухватить хороший кусок земли, тут он настоящий волшебник!

– Понимаю. Он для них символ красоты. Город создал его вместо того, чтобы создавать настоящие дома.

– Честное слово, не понимаю, куда ты клонишь? Ты просто устала от долгой езды. Тебе сразу станет лучше, когда ты приедешь домой, и примешь ванну, и наденешь свой голубой халатик. О, это опасное одеяние, моя маленькая колдунья!

Он сжал ей руку и многозначительно поглядел на нее.

Они двинулись дальше, уходя от пустынной тишины Шенстрома. Поезд скрипел, гремел и раскачивался. Было душно до головокружения. Кенникот заставил жену отвернуться от окна и положить голову ему на плечо. Слова мужа немного рассеяли ее скверное настроение. Но ей не хотелось расставаться со своими мыслями, и, когда Кенникот, уверившись в том, что разрешил все ее недоумения, вытащил шафраново-желтую книжку уголовных рассказов, она снова подняла голову.

«Здесь, – размышляла она, – самая молодая страна мира: север Среднего Запада. Страна молочного скота и чудесных озер, новейших автомобилей и хибарок из толя, страна красных силосных башен, грубой речи и безграничных надежд. Страна, которая кормит четверть мира, хотя работа здесь еще только началась. Несмотря на все свои телефоны, банковские счета, пианолы и кооперативные союзы, эти потные фермеры, по сути дела, еще только поднимают целину. Несмотря на все изобилие и богатство, это все еще первобытная страна. Что ждет ее впереди? – думала она. – Неужели и эти ровные, бескрайние поля, как хлопьями копоты, покроются городами и фабриками? Что там будет – красивые, добротные дома для всех? Или самодовольные дворцы, окруженные угрюмыми лачугами? А люди? Потянется ли молодежь к знанию и радости? Будет ли у нее желание бороться с веками освященной ложью? Или будущее здесь – это толстые, дряблокожие женщины, вымазанные жиром и белилами, вырядившиеся в шкуры животных и окровавленные перья убитых птиц; женщины, которые будут играть в бридж, держа карты пухлыми, униженными драгоценностями пальцами с розовыми ногтями; женщины, которые, несмотря на проделанную над ними кропотливую работу, до смешного похожи на своих надутых болонок? Воцарится ли тут старое, неизбывное неравенство или история этой страны будет иной, отличной от унылой зрелости других стран? Какое будущее и какие надежды?»

От этих мыслей у Кэрол разболелась голова.

Она смотрела на прерию, то плоскую на огромном протяжении, то полого-волнистую. Ее ширина и беспредельность, час назад вдохновлявшие Кэрол, теперь пугали ее. Как она раскинулась! С ней не совладать, ее не постигнуть!.. Кенникот был погружен в детектив. С чувством одиночества, которое особенно томительно, когда оно охватывает вас на людях, Кэрол старалась отогнать вставшие перед нею вопросы и взглянуть на прерию беспристрастно.

Трава вдоль полотна выгорела, остались лишь сухие колючки и обугленные стебли. За ровной линией ограды из колючей проволоки кое-где золотились пучки лозняка. И больше ничего не отгораживало ее от необозримой равнины – вдаль уходили осенние сжатые поля, по сто акров на участок, шершавые и серые вблизи, но в туманной дали напоминающие рыжеватый бархат, распыленный на склонах пологих холмов. Длинные ряды пшеничных скирд маршировали, как солдаты в поношенных желтых плащах. Свежевспаханные поля лежали, как черные знамена, упавшие на отдаленный склон. Воинственная огромная стихия, могучая, немного суровая, не смягченная приветливыми садами.

Кое-где попадались купы дубов на лужайках, поросших низкой дикой травой. А через каждую милю или две – цепочки кобальтово-синих болот и над ними трепещущие стайки зуйков.

Вся эта трудовая страна была залита оплодотворяющим светом. Солнце нестерпимо сверкало на оголенном жнивье. Тени гигантских кучевых облаков непрерывно скользили по невысоким пригоркам. Небо было шире, и выше, и синее, чем в городе, – так решила Кэрол.

«Великая страна и родина великих», – вспомнила она строчку откуда-то.

Кенникот вдруг вывел ее из задумчивости, радостно объявив:

– Знаешь, вторая остановка отсюда – Гофер-Прери! Мы дома!

III

Это слово, «дома», ошеломило ее. Неужели она обязана жить всю жизнь в этом городе, называемом Гофер-Прери? А толстый человек рядом с ней, осмелившийся определять ее будущее, – ведь он чужой! Она повернулась в его сторону и уставилась на него. Кто он такой? Почему сидит возле нее? Он совсем другой породы! У него массивная шея, тяжелая речь. Он на двенадцать или на тринадцать лет старше ее. Он не способен чем-нибудь увлечься, принять участие в какой-нибудь фантастической выходке. Ей не верилось, что она спала в его объятиях. Это был один из тех снов, которые видят, но о которых потом не говорят.

Она твердила себе, что он добр, предан и деликатен. Дотронулась до его уха, погладила по щеке и снова отвернулась, стараясь увидеть город глазами Кенникота. Он не будет похож на эти запущенные поселки, этого не может быть! Ведь в нем три тысячи жителей. А это много. Домов так около шестисот или даже больше. И... маленькие озера под городом, наверное, прелестны. Она видела их на снимках. Право, они очаровательны!

Когда поезд отошел от Уэкиниана, она начала нетерпеливо ждать озер – этих ворот в ее будущую жизнь. Но когда она увидела их – слева от полотна, – единственным впечатлением было то, что они похожи на снимки.

За милю до Гофер-Прери поезд поднимается на невысокий, изогнутый кряж, и Кэрл разом увидела весь город.

Порывистым движением подняла раму окна и выглянула: пальцы ее левой руки трепетали на подоконнике, правая была прижата к груди.

И она увидела, что Гофер-Прери – просто увеличенная модель всех тех поселков, мимо которых они проезжали. Только в глазах такого человека, как Кенникот, он мог быть чем-то исключительным. Скученные низкие деревянные дома нарушали однообразие равнины не больше, чем его нарушила бы какая-нибудь ореховая роща. Поля набегали на город и проносились дальше. Он не был защищен и сам никого не мог защитить. В нем не было и намека на достоинство и зарождающееся величие. Только красный элеватор и несколько обитых железом церковных шпилей возвышались над общей массой зданий. Просто лагерь на переднем краю цивилизации, рабочий поселок на краю света. Жить здесь нельзя. Немыслимо. Невозможно.

Люди здесь должны быть так же неказисты, как их дома, так же плоски, как их поля. Она не может оставаться здесь. Придется порвать с этим человеком и бежать.

Она покосилась на мужа. И сразу почувствовала себя беспомощной перед его зрелой силой и была тронута его волнением, когда, отбросив в сторону книжонку, он нагнулся за чемоданами, а потом поднялся с пылающим лицом и торжественно провозгласил:

– Приехали!

Она сочувственно улыбнулась и стала смотреть в окно. Поезд входил в город. Дома на окраине представляли собой старые, потемневшие красные строения с деревянными карнизами или мрачные дощатые коробки, похожие на ящики из-под овощей. Попадались также новенькие бунгало на бетонных, под камень, фундаментах.

Поезд шел мимо элеватора, мимо безобразных резервуаров для нефти, мимо маслобойного завода, мимо дровяных складов, мимо скотного двора, грязного, затоптанного и зловонного. Вот показалось приземистое красное здание станции и платформа, переполненная небритыми фермерами и просто зеваками – вялыми людьми с потухшими глазами. Путешествие Кэрл окончилось. Дальше пути ей не было. Здесь был конец – конец света. Она сидела с закрытыми глазами и страстно желала проскользнуть мимо Кенникота, спрятаться где-нибудь в поезде, умчаться дальше, к Тихому океану.

Но что-то большое поднялось в ее душе и приказало: «Довольно! Не будь плаксивым ребенком!» Она быстро встала и произнесла:

– Вот и чудесно, что мы наконец приехали!

Он так верил ей. Она заставит себя полюбить это место. И она еще покажет себя!

Она пошла за Кенникотом и за подпрыгивавшими чемоданами, которые он нес. Их задержали медленно выходящие пассажиры. Она напредила себе, что наступил торжественный момент приезда новобрачной домой. Ей полагалось быть в приподнятом настроении. Но она чувствовала себя только раздраженной медлительностью их движения к выходу.

Кенникот нагнулся, выглянул в окно и смущенно воскликнул:

– Смотри-ка, смотри! Нас пришла встречать целая компания! Сэм Кларк с женой, и Дэйв Дайер, и Джек Элдер, и... – кто бы подумал! – Гарри Хэйдок и Хуанита – целая толпа! Они, кажется, уже заметили нас. Ага, ага, они нас видят! Видишь, машут нам!

Кэрл послушно высунулась и взглянула на встречающих. Она овладела собой. Она готова была любить их. Но их сердечность ее смущала. Она помахала им с площадки, но уцепилась на миг за рукав помогавшего ей сойти кондуктора, прежде чем решилась нырнуть в водоворот людей, которые протягивали к ней руки. Все лица сливались для нее в одно, и у нее создалось впечатление, что у всех мужчин хриплые голоса, большие влажные ладони, подстриженные усы, лысины и масонские брелоки.

Она видела, что все они рады ей. Их руки, их улыбки, их возгласы, их ласковые глаза подавляли ее. Она пробормотала:

– Благодарю, благодарю вас!

Один из мужчин орал Кенникоту:

– Док, я приехал на машине, чтобы отвезти вас домой!

– Молодчина, Сэм! – воскликнул Кенникот и, обращаясь к Кэрл, добавил: – Давай сядем вот в этот огромный «пэдж». Машина недурна, можешь мне поверить! Сэм обгонит на ней любую из этих миннеаполиских колымаг.

Только сев в автомобиль, она могла различить лица троих поехавших с ними людей. Владелец машины за рулем был полон солидного самодовольства – крупный лысеющий мужчина с ровным взглядом, с шершавой шеей, но с круглым лицом, гладким, как разливательная ложка. Он пробасил:

– Ну как, вы запомнили нас всех?

– Еще бы! Будьте уверены, Кэрри схватывает все на лету! Готов держать пари, что она назовет вам на память любую дату из истории! – хвастал муж.

Но человек за рулем поглядел на нее так одобрительно, что Кэрри решила быть с ним откровенной и сказала:

– Знаете – никого!

– Я так и думал, детка! Так вот, я Сэм Кларк, торговец скобяным товаром: занимаюсь охотничьими принадлежностями, молочными сепараторами и всякими мыслимыми машинами и механизмами. Вы можете звать меня просто Сэм, а я буду звать вас Кэрри, раз уж вы вышли замуж за этого несчастного докторишку, которого мы тут держим!

Кэрл ласково улыбнулась и подумала, что ей не сразу удастся называть людей их уменьшительными именами.

– Сварливая толстая дама рядом с вами, которая будто не слышит, что я говорю о ней, – это миссис Сэмюел Кларк. А вот этот голодного вида субъект рядом со мной – Дэйв Дайер. У него аптека, которая еще не лопнула только потому, что Дэйв не слишком точно изготавливает лекарства по рецептам вашего муженька. Ну ладно. Итак, мы везем новобрачных в их дом! Послушайте, доктор, я вам продам за три тысячи участок Кэндерсена. Надо бы вам подумать о том, чтобы выстроить новый дом для Кэрри. Самая красивая женщина в Гофер-Прери, не будь я Сэм Кларк!

Сэм Кларк с довольным видом повел машину прямо в бурный поток местного уличного движения; им попались навстречу целых три «форда» и один автобус.

«Я буду хорошо относиться к мистеру Кларку... Но я не могу называть его Сэм!.. Все они такие добрые». Она поглядела на дома, стараясь не видеть того, что видела. В голове у нее промелькнуло: «Почему так лгут романы? В них приезд новобрачной – всегда сплошное шествие по розам. Полная уверенность в благородстве супруга. Сколько лжи пишется о браке!.. Я-то не изменилась. Но этот город... О, боже мой! Я этого не вынесу! Какая-то куча хлама!»

Муж нагнулся к ней.

– У тебя что-то кислый вид. Оробела? Я и не надеюсь, чтобы после Сент-Пола Гофер-Прери показался тебе раем. И не жду, чтобы ты сразу же была от него без ума. Но со временем ты очень полюбишь его – тут такая свободная жизнь и люди, каких нет нигде.

В то время как миссис Кларк деликатно отвернулась, она шепнула ему:

– Я люблю в тебе эту чуткость. Я просто... ужасно впечатлительна. Это от бесконечных книг. У меня мало сил и практического смысла. Не торопи меня, дорогой!

– Ну что ты! Я буду ждать сколько угодно.

Она поднесла его руку к своей щеке, прижалась к нему. Она была готова войти в свой новый дом.

Кенникот уже раньше рассказывал ей, что дом, где он жил с матерью-вдовой, которая вела его хозяйство, старый, «но уютный, и просторный, и прекрасно отапливается – лучший котел, какой я мог найти».

Его мать поручила передать Кэрол привет, а сама возвратилась в Лак-ки-Мер.

«Как чудесно, – думала Кэрол, – что не придется жить в чужих домах, а можно будет иметь свой очаг!» Она крепко сжимала руку мужа и смотрела вперед. Машина свернула в боковую улицу и остановилась перед самым обыкновенным бревенчатым домом посреди выжженного солнцем газона.

IV

Неметеный тротуар. Между ним и улицей – полоса травы и грязи. Простой коричневый дом, довольно унылый с виду. Узенькая бетонная дорожка. На земле чахлые желтые листья попеременно с засохшими крылатыми семенами клена и пушинками виргинского тополя. Крыльцо с навесом на тонких крашеных сосновых столбиках, увенчанных завитушками деревянной резьбы. Перед домом нет кустов, чтобы скрыть его от взглядов прохожих. Унылое окно фонарем справа от крыльца. Накрахмаленные гардины из дешевых кружев, за которыми виднеется розовый мраморный стол. На столе большая раковина и фамильная Библия.

– Ты найдешь дом старомодным – как вы это называете? – «средневикторианским». Я оставил все как есть, чтобы ты сама могла изменить то, что сочтешь нужным.

Кенникот впервые по приезде говорил несколько нерешительно.

– Это настоящий Дом!

Кэрол была тронута смущением мужа. Она весело помахала рукой, прощаясь с Кларками. Кенникот отпер дверь: ему хотелось предоставить жене выбор служанки, и поэтому в доме никого не было. Кэрол засмеялась, когда он повернул ключ, и впорхнула внутрь... Только на следующий день они вспомнили, как во время медового месяца сговаривались, что он на руках перенесет ее через порог.

В передней и обращенной к улице гостиной Кэрол поразили тусклость, мрачность и затхлый воздух, но она успокаивала себя: «Я сделаю все это светлым и веселым!» Идя за Кенникотом, который тащил чемоданы наверх, в спальню, она мурлыкала песенку толстых маленьких божков домашнего очага:

Свой домик у меня. Хозяин полный я! Хозяин полный я! Жилье для меня, для жены, для детей. Он мой!

Она очутилась в объятиях мужа. Тесно прижалась к нему. Каким бы странным, чужим и неподвижным он ни казался ей, все это не беда, раз она может просунуть ему под пиджак руки, пробежать пальцами по теплой сатиновой спинке его жилета, почувствовать, что она с ним – одно, найти в нем силу, найти в нем смелость и нежность, защищающую ее от коварного мира.

– Хорошо... так хорошо! – шептала она.

Глава четвертая

I

– Кларки пригласили к себе кое-кого из знакомых по случаю нашего приезда, – сказал Кенникот, распаковывая чемодан.

– О, это очень любезно с их стороны!

– Ведь правда? Я говорил, что они тебе понравятся. Симпатичнейшие люди на свете! Гм, Кэрри... ты не обидишься, если я загляну на часок в приемную узнать, что там делается?

– Что ты! Конечно, нет! Я знаю, что тебе не терпится вернуться к работе.

– Так ты правда не рассердишься?

– Нисколько! Ступай, не мешай мне! Я пока распакую чемоданы.

Однако защитница свободы в браке была все же весьма разочарована той быстротой, с какой Кенникот воспользовался этой свободой и ускользнул в мир мужских интересов. Она осмотрела спальню, и мрачность этой комнаты подействовала на нее угнетающе; Кэрл неприятна была сама уродливая, изломанная форма комнаты в виде буквы «Г»; и темная ореховая кровать с вырезанными на спинке яблоками и пятнистыми грушами; и отделанный под клен комод с грубыми розоватыми флакончиками и оборчатой подушечкой для булавок на мраморной доске, неприятно напоминавшей могильную плиту; и простой сосновый умывальник с цветастым кувшином и тазом. Пахло конским волосом, плюшем и одеколоном.

«Как могли люди жить среди таких вещей?» – содрогнулась Кэрл. Ей казалось, что они обступили ее, точно собрание престарелых судей, приговоривших ее к смерти через удушение. Шаткое ковровое кресло проскрипело: «Душите ее, душите, давите!» От старых простынь пахло тленом. Кэрл была одна в этом доме, в этом чужом тихом доме, среди теней умерших мыслей и подавленных желаний. «Я ненавижу все это! Ненавижу! – металась она. – И зачем только я...»

Она вспомнила, что мать Кенникота привезла эти семейные реликвии из старого дома в Лак-ки-Мер. «Довольно! – сказала она себе. – Это прекрасные, удобные вещи. Они... удобны, а кроме того... Нет, они ужасны! Мы сменим их немедленно!»

Потом она подумала: «Конечно, ему надо было заглянуть в приемную...»

Она попробовала заняться распаковкой. Саквояж с подкладкой в цветочек и серебряным замком, казавшийся в Сент-Поле такой желанной роскошью, здесь стал бессмысленным щегольством. Прелестная черная сорочка из тонкого шифона с кружевами вдруг обратилась в кокотку, от которой в негодовании отворачивалась добропорядочная глубокая кровать. Кэрл бросила сорочку в ящик комода, прикрыв ее сверху простенькой полотняной блузкой.

Она перестала разбирать вещи и подошла к окну с возвышенной мыслью о прелестях сельского ландшафта – о цветущей мальве, тенистых тропинках и румяных поселянах. Увидела же она бок адвентистской церкви – голую дощатую стену цвета разлившейся желчи, церковные задворки. Дальше шла некрашенная конюшня, потом проулок и застрявший в нем грузовой «форд». Таковы были «террасы сада под окнами ее будуара». Вот что она будет видеть в течение...

«Нельзя, нельзя так! Я сегодня нервничаю. Уж не больна ли я?... Боже мой, все что угодно, только не это! Только не теперь! Как люди лгут! Как лгут книги! В них всегда говорится, что молодая жена краснеет от гордости и счастья, когда почувствует это. Но я... я буду в отчаянии. Я буду смертельно бояться! Когда-нибудь, но только... Дорогой, туманный боженька, прошу тебя, только не теперь! Презрительные бородатые старцы сидят и требуют, чтобы мы

рожали детей. Если бы им самим надо было рожать!.. Пусть бы попробовали!.. Нет, не теперь! Не раньше, чем я справлюсь с задачей полюбить эту кучу мусора за окном!.. Нет, пора мне перестать. Я потихоньку схожу с ума. Пойду погуляю. Я должна осмотреть город сама. Бросить первый взгляд на страну, которую я собираюсь завоевать!»

Она убежала из дому.

С серьезным видом рассматривала она каждый перекресток, каждую уличную тумбу или валявшиеся на дороге грабли. Каждый дом поглощал все ее внимание. Чем все это станет для нее? Каким будет казаться через полгода? В какие из этих домов она будет приглашена к обеду? Кто из этих прохожих, отличающихся пока друг от друга лишь прической и платьем, станет ее добрым знакомым или ненавистным противником, равно неповторимым среди всех людей на свете?

Достигнув небольшого торгового квартала, она заметила широкоплечего бакалейщика в люстриновом пиджаке, нагнувшегося над яблоками и сельдереем, разложенными на покато лотке перед его лавкой. Придется ли ей когда-нибудь разговаривать с ним? Что он скажет, если она вдруг остановится и заявит: «Я миссис Кенникот. Надеюсь, я когда-нибудь смогу сказать вам, что груда крайне сомнительных тыкв в качестве витрины не слишком-то радует мой взгляд!»

Бакалейщик был мистер Фредерик Луделмайер, торгующий на углу Главной улицы и Линкольн-авеню. Полагая, что только она занимается наблюдениями, Кэрол ошиблась. Она привыкла к равнодушию больших городов. Она воображала, что скользит по улицам невидимкой. Но как только она прошла мимо, мистер Луделмайер, пыхтя, влетел в лавку и захрипел, обращаясь к своей продавщице:

— Я только что видел какую-то молодую женщину, она вышла из-за угла. Голову ставлю, что это жена доктора Кенникота. Бабенка ничего себе, красивые ноги, но платье дикое, никакого фасона! Интересно, станет она платить наличными? Как бы она не начала покупать у Хоуланда и Гулда... Куда вы дели объявление насчет овсяных хлопьев?

II

За тридцать две минуты Кэрол обошла весь город с востока на запад и с севера на юг. В полном отчаянии она остановилась на углу Главной улицы и Вашингтон-авеню.

Главная улица с двухэтажными кирпичными лавками и полуторазэтажными деревянными жилыми домами, залитая грязью от одного бетонного тротуара до другого, загроможденная автомобилями и конными фургонами, была слишком мала, чтобы надолго задержать ее внимание. Широкие, прямые, точно надрезы, поперечные улицы открывались с обоих концов во всеобъемлющую прерию. Мир вокруг был пуст и огромен. Железный каркас ветряка на ферме в северном конце Главной улицы торчал, как остов дохлой коровы. Кэрол подумала о приближении северной зимы, когда эти незащищенные домики, наверное, приткнутся друг к другу в ужасе перед яростью бурь, которые обрушатся на город из окружающей пустыни. Бурные домишки были так малы и слабы! Убежища для воробьев, но не жилища для веселых людей с горячей кровью.

Кэрол говорила себе, что листва вдоль улиц – роскошное зрелище. Клены стояли оранжевые, дубы – густо-малиновые. Чувствовалось, что за лужайками заботливо ухаживали. Но толку от этого было мало. В лучшем случае деревья напоминали уже поредевшую лесную вырубку. Не было парка, на котором мог бы отдохнуть глаз, а так как главным городом округа был не Гофер-Прери, а Уэкамин, не было и здания суда с обычными цветниками вокруг.

Кэрол заглянула в засиженные мухами окна самого роскошного местного здания – гостиницы «Минимеша-хаус», единственного дома, в котором находили приют приезжие и по которому они судили о прелестях и богатстве Гофер-Прери. Это было обветшалое длинное трех-

этажное строение, сколоченное из желтых досок, с углами, обшитыми сероватыми сосновыми панелями, которые должны были изображать собой каменные плиты. В вестибюле можно было разглядеть грязный голый пол, ряд рахитичных стульев, расставленные между ними медные плевательницы и конторку, стеклянная стенка которой была испещрена матовыми буквами объявлений. Примыкавшая к вестибюлю столовая пестрела перепачканными скатертями и бутылочками с приправами.

Больше она не смотрела на «Минимеша-хаус».

Мужчина без пиджака, с розовыми резинками на рукавах, в воротничке, но без галстука, отчаянно зевая, перешел через дорогу от аптекарского магазина Дайера к гостинице. Он прислонился к стене, почесался, потом вздохнул и кислым тоном заговорил с каким-то развалившимся в кресле человеком. По улице прогромыхал зеленый фургон, нагруженный огромными катушками колючей проволоки. Автомобиль, дав задний ход, стрелял так, будто его вот-вот разорвет на куски; потом он затарахтел прочь. Из греческой кондитерской доносилось потрескивание жаровни и маслянистый запах земляных орехов.

Никаких других признаков жизни не было.

Кэрл захотелось бежать, укрыться от этой наступающей прерии в надежном убежище большого города. Ее мечты о создании красивого городка были просто смешны. Она чувствовала, как от каждой мрачной стены исходил тяжелый, мертвящий дух, которого ей не победить.

Она прошла по одной стороне улицы и вернулась по другой, заглядывая в переулки. Предпринятое ею обследование Главной улицы было закончено. За десять минут она успела увидеть душу не только городка, именуемого Гофер-Прери, но и десяти тысяч других, от Олбани до Сан-Диего.

Аптекарский магазин Дайера помещался в угловом здании, сложенном из правильных и потому неправдоподобных глыб искусственного камня. Внутри – засаленная мраморная стойка, на ней сифоны с сельтерской водой и электрическая лампа с мозаичным красно-желто-зеленым абажуром. Разворошенные груды зубных щеток, гребенок и пакетиков с порошком для бритья. Полки с коробками мыла, костяными кольцами для младенцев, садовыми семенами и патентованными средствами в желтой упаковке: снадобья от чахотки, от «женских болезней» – вредные смеси из опиума и алкоголя, и это в том самом магазине, куда ее муж направлял с рецептами своих пациентов!

Над окном второго этажа вывеска, золотым по черному: «У. П. Кенникот, терапевт и хирург».

Небольшой деревянный кинематограф под поэтическим названием «Дворец роз». Афиши рекламировали фильм «Любовь толстяка».

Бакалейная лавка Хоуланда и Гулда. В витрине черные переспелые бананы и латук, а на них спящий кот. Полки застланы красной жатой бумагой, теперь уже выцветшей, рваной, с кругами пятен. На стене второго этажа вывески лож: «Рыцари пифий», «Маккавеи», «Лесовики», «Масоны».

Мясная лавка Даля и Олсена, от которой разит кровью.

В окне ювелира женские часы-браслетки, с виду похожие на оловянные. Перед лавкой, на краю тротуара, огромные грубые часы, которые не идут.

Наполненная жужжанием мух пивная со сверкающей золотой вывеской. Ряд других пивных на протяжении одного квартала. От них идет запах прокисшего пива, доносятся хриплые голоса, слышится ломаная немецкая речь, сальные куплеты – порок расслабленный, вялый и скучный; «утонченность» лагеря золотоискателей без его удач. А перед пивными фермерши поджидают в своих тележках, пока их мужья не напьются и не будут готовы для отправки домой.

Табачная лавка под названием «Курительный дом» битком набита молодыми людьми, играющими в кости на папиросы. Ворохи журналов и картинки с толстыми жеманными проститутками в полосатых купальных костюмах.

Магазин готового платья. В окне башмаки с бульдожьими носами и костюмы – нескладные и словно поношенные, хотя только что сшиты. Манекены, на которых они болтаются, похожи на трупы с подкрашенными щеками.

Галантерейный магазин Хэйдока и Саймонса – самый большой магазин в городе. В первом этаже огромные и чистые стекла, оправленные в медь. Второй этаж облицован красивыми кирпичиками. В одной витрине превосходные мужские костюмы, и тут же разложены воротнички из цветного пике с лиловыми маргаритками на шафранном фоне. Свежесть и явная забота о благообразии и удобстве. Хэйдок и Саймонс... Хэйдок... Какой-то Хэйдок встречал ее на станции – Гарри Хэйдок, подвижный человек лет тридцати пяти. Теперь он казался ей великим и чуть ли не святым. В его магазине было чисто!

Универсальный магазин Эксела Эгге, обслуживающий фермеров скандинавского происхождения. В узком и темноватом окне лежат ворохи реденького сатина и дрянного драпа, парусиновые башмаки, рассчитанные на женщин с толстыми щиколотками, серые стальные и красные стеклянные пуговицы на кусках обкромсанного картона, тканьевое одеяло; могучая, словно из гранита, сковорода, покоящаяся на выгоревшей шелковой блузке.

Скобяная лавка Сэма Кларка. Сразу видно, что здесь имеют дело с металлом. Ружья, маслобойки, гвозди в бочонках и великолепные сверкающие кухонные ножи.

Ателье мебели Честера Дэшуэя. Хмурый, сонный ряд тяжелых дубовых качалок с кожаными сиденьями.

Закусочная Билли. Толстые кружки без ручек на прилавке, покрытом мокрой клеенкой. Густой запах лука, чадный дух от подгоревшего свиного сала. В дверях молодой человек громко сосет зубочистку.

Склад скупщика молока и картошки. Кислый запах фермы.

Гаражи фирмы Форда и Бьюика, деловитые одноэтажные кирпичные постройки, одна против другой. Старые и новые автомобили на почерневших от масла бетонных полах. Рекламы шин. Гул испытываемого мотора. Бьющая по нервам трескотня выхлопов. Угрюмые молодые люди в комбинезонах цвета хаки. Эти гаражи – средоточие жизненной энергии и предприимчивости города.

Большой склад земледельческих орудий. Внушительная баррикада из зеленых и золотистых колес, валов и тряских сидений, принадлежащих машинам, о которых Кэрол ничего не знала: картофелесажалкам, туковым сеялкам, соломорезкам, дисковым боронам, многолемешным плугам.

Фуражная лавка с окнами, потемневшими от пыли отрубей. На крыше намалевана реклама патентованного лекарства.

Магазин художественных изделий миссис Мэри Эллен Уилкс и бесплатная библиотека общества «Христианская наука» открыты ежедневно. Как трогательна эта робкая тяга к прекрасному! Дощатая однокомнатная хибарка, лишь недавно грубо оштукатуренная. Наивно пышная витрина: вазы, снизу похожие на древесные стволы, но увенчанные позолоченными шарами; алюминиевая пепельница с надписью «Привет из Гофер-Прери»; номер журнала «Христианская наука»; диванная подушка с набивным рисунком, изображающим огромный бант, нацепленный на крохотный мак; на подушке лежат соответственно подобранные моточки шелка. В глубине лавки виднеются скверные фотокопии неизвестных и знаменитых картин, полки с граммофонными пластинками и катушками фото пленки, деревянные игрушки, и посреди всего этого – озабоченная маленькая женщина, сидящая в мягкой качалке.

Парикмахерская и при ней бильярдная комната. Мужчина без пиджака, по-видимому хозяин ее Дэл Снэфлин, брест клиента с большим кадыком.

Портняжная мастерская Нэта Хикса в переулке, отходящем от Главной улицы. Одноэтажное строение. Модная картинка, на которой изображены люди-вешалки в жестких, словно стальных, одеяниях. В другом переулке красная кирпичная католическая церковь с желтой полированной дверью.

Почта – просто задняя половина заплесневелой комнаты, очевидно, бывшей лавки, отделенная перегородкой из стекла и меди. Покатая конторка у грязной, истертой стены, покрытой там и сям официальными сообщениями и объявлениями о наборе на военную службу.

Желтое сырое кирпичное здание школы посреди засыпанного шлаком двора.

Отделение государственного банка – штукатурка, скрывающая дерево.

Национальный фермерский банк. Мраморный ионический храм. Чистый, изысканный, пустынный. На медной доске надпись: «Председатель Эзра Стоубоди».

Десятки таких же магазинов и учреждений.

Позади и попеременно с ними – жилые дома, то скромные коттеджи, то большие, удобные, скучно трезвые строения – символы зажиточности владельцев.

Во всем городе ни одного здания, кроме ионического банка, которое порадовало бы глаз Кэрл. И едва ли найдется десять домов, чей внешний вид говорил бы о том, что за полвека существования Гофер-Прери его жители наконец ощутили необходимость придать родному городу хоть немного более приятный облик.

Кэрл подавляли не только беспощадное, беззастенчивое уродство и грубая прямолинейность зданий, но также отсутствие общего плана, какой-то временный характер всего, тусклые, неприятные краски. На улице было тесно от фонарей и телеграфных столбов, бензоколонок, ящиков с товарами. Каждый строил с величайшим пренебрежением к остальным. Между большим новым кварталом двухэтажных кирпичных магазинов и гаражом Оверленда из огнеупорного кирпича был втиснут одноэтажный домишко – лавочка модистики. В белый храм фермерского банка упиралась сбоку огненно-желтая лавка бакалейщика. У одного складского здания карниз был из оцинкованного железа, весь в заплатах; крышу соседнего увенчивали кирпичные зубцы и пирамиды, приплюснутые сверху плитами из красного песчаника.

Спасаясь от Главной улицы, Кэрл бросилась домой.

Все это было бы еще ничего, повторяла она себе, если бы люди оказались симпатичными. Она запомнила молодого человека, который глазел по сторонам перед лавкой, держась немытой рукой за веревку от тента; пожилого мужчину, пялившего глаза на женщин с таким видом, будто он слишком давно и слишком прозаически женат; старого фермера, крепкого и здорового, но неопрятного, с лицом как залежавшаяся картофелина. Все трое были небриты уже по крайней мере три дня.

«Может, они тут, в прерии, не в состоянии возводить храмы, но уж бритву-то купить они могли бы!» – негодовала Кэрл.

И тут же одернула себя:

«Наверное, я не права. Ведь живут же здесь люди. Не может же все это быть так безобразно, как... как оно есть! Конечно, я ошибаюсь. Но я не могу этого видеть, не могу с этим примириться».

Она пришла домой слишком удрученная для истерики. Кенникот, ожидавший Кэрл, встретил ее восклицанием:

– Гуляла? Ну что, понравился город? Хороши газоны и деревья, а?

Кэрл овладела собой и с новой для нее самой солидностью сдержанно ответила:

– Очень интересный город.

III

Поезд, привезший в Гофер-Прери Кэрл, привез также и мисс Би Серенсон.

Мисс Би была крепкая загорелая смешливая девушка, которой надоела работа на ферме. Она стремилась к прелестям городской жизни и поэтому решила поехать в Гофер-Прери и наняться в прислуги. С довольным видом тащила она со станции свою картонку с вещами к двоюродной сестре Тине Малмквист, служившей «прислужгой за все» в резиденции миссис Люк Доусон.

– Вот как, и ты, стало быть, подалась в город! – сказала Тина.

– Ага. Хочу найти место, – сказала Би.

– Та-ак... А ухажер у тебя есть?

– Ага, Джим Джекобсон.

– Та-ак. Рада тебя видеть. Сколько ты хочешь в неделю?

– Шесть долларов.

– Ну, столько никто не даст. Погоди!.. Доктор Кенникот, говорят, женился на барышне из Сент-Пола. Она, может, и заплатит столько. Ну ладно. Пойди теперь погуляй.

– Ага, – сказала Би.

Так вот и вышло, что Кэрол Кенникот и Би Серенсон в одно и то же время осматривали Главную улицу.

Би никогда раньше не видела города больше, чем полустанок Скандия, где было шестьдесят семь жителей.

Идя по улице, Би рассуждала о том, как невероятно, что в одном месте сразу столько народу. Ну и ну! За год со всеми не перезнакомишься. И богачи какие! Ишь важный какой господин – новая розовая рубашка и бриллиант в галстук! Это тебе не какая-нибудь вылинявшая синяя рабочая блуза. А дама какая красивая, и платье шикарное (вот, верно, трудно стирать такое!). А лавки-то!

Не три лавчонки, как в Скандии, а целых четыре квартала!

А вот еще какой магазин – длиной в четыре амбара. И чем в нем только не торгуют! Даже войти жутко, когда на тебя таращатся семь или восемь приказчиков. А костюмы-то на куклах – ну точно на живых людях!

А вот лавка Эксела Эгге. Тут совсем как дома – все шведы да норвежцы, и в окошке на картоне шикарные пуговицы, прямо рубины!

Аптекарский магазин с сифонами для содовой воды. Всюду мрамор, мрамор! А на нем большущая лампа с преогромным колпаком! И весь он из цветных стеклышек! А краны-то, верно, серебряные. А за стойкой стеклянные полки, и на них видимо-невидимо всяких вин в бутылках. У нас о таких напитках никто и не слыхал. Вот бы кто-нибудь сводил меня сюда!

А эта высоченная гостиница – выше нового красного сарая Оскара Толлефсона! Три этажа, один на другом; надо во как задрать голову, чтобы увидеть крышу. А внутри какой-то приезжий. Богатый: верно, сто раз бывал в Чикаго!

Да, завидный народ, ничего не скажешь. Вон прошла дама, едва ли старше самой Би, в новом сером костюме и черных туфельках. Никак, она тоже осматривает город?

Кто ее знает, о чем она думает! Би не прочь бы быть такой, вроде бы строгой. К такой никакой нахал не полезет. И нарядная же!

Лютеранская кирка. Тут, в городе, верно, красивое богослужение, а по воскресеньям даже два раза!

А вот и кино!

Настоящий театр, и каждый вечер, написано, меняют картины. Вот здорово!

В Скандии тоже есть кино, но только раз в две недели, и от Серенсонов туда час езды: отец – такой скряга, все не покупает «форда»! А здесь каждый вечер можно нацепить шляпку да в три минуты очутиться в кино и смотреть на красавцев во фраках, а то и на самого Билла Харта.

А зачем столько лавок? Ну что это: вот лавка, где торгуют только табаком, а вот другая, и какая красивая, все картины да вазы и всякие диковинки! А впереди самая расчудесная ваза, ну просто древесный ствол!

Би остановилась на углу Главной улицы и Вашингтон-авеню. Грохот города начал пугать ее. На улице было пять автомобилей. Один, вон тот, большущий, верно, две тысячи стоит. А вот к поезду подъезжает автобус с пятью нарядными пассажирами. Какой-то человек расклеивает красные листы с красивыми стиральными машинами, а ювелир раскладывает браслетки, часики и всякую всячину на настоящем бархате.

На что ей непременно шесть долларов в неделю? Или даже два? Да она согласна работать хоть даром, лишь бы остаться здесь. А подумать, как тут будет вечером, – все освещено, и не какими-нибудь копилками, а электричеством! И, может быть, какой-нибудь знакомый поведет ее в кино и угостит содовой водой с земляничным мороженым.

Би пошла назад.

– Ну как? Понравилось? – спросила Тина.

– Да-а, ничего себе. Я, пожалуй, останусь здесь, – сказала Би.

IV

Недавно выстроенный дом Сэма Кларка, созвавшего гостей в честь Кэрол, принадлежал к самым большим в Гофер-Прери. Это было приземистое четырехугольное строение, отделанное гладко выструганными, тщательно пригнанными обшивочными досками и украшенное башенкой и крыльцом с навесом. Внутри дом был весь блестящий, твердый и приветливый, как новое дубовое пианино.

Кэрол умоляюще взглянула на Сэма Кларка, когда он вразвалку подошел к двери и закричал:

– Привет юной даме! Примите, сударыня, ключи от города!

Позади него в гостиной она увидела гостей, сидевших широким чинным кругом, словно они пришли на похороны. Итак, они ждали! Ждали ее. Ее решимость пролить на них цветочный дождь любезностей сразу иссякла. Она с тревогой обратилась к Сэму:

– Я боюсь показаться им! Они слишком многого ожидают. Ведь они мигом проглотят меня – ам! – и готово.

– Что вы, милая, они полюбят вас, как я полюбил бы, если бы не боялся, что доктор вздует меня.

– Н-но... мне страшно! Глаза справа, глаза слева – прямо податься некуда!

Она сама себе казалась истеричкой и думала, что Сэм, верно, считает ее сумасшедшей. Но он только усмехнулся:

– Ну, вы спрячетесь под крылышко Сэма, и если кто-нибудь вздумает слишком бесцеремонно разглядывать вас, я ему покажу!.. Вперед! Запомните, мой девиз: «Сэмюел – восторг женщин и гроза мужей».

Обняв Кэрол за талию, он повел ее, провозглашая:

– Леди и менее прекрасные половины, вот новобрачная! Не буду представлять ее каждому в отдельности, так как ей все равно не упомянуть всех ваших корявых имен. Ну, входите в эту звездную палату!

Присутствовавшие вежливо смеялись, но не покидали безопасного положения в кругу и не переставали пялить глаза.

В свой туалет к этому вечеру Кэрол вложила много выдумки. Она скромно, на пробор, причесала волосы, уложила косу. Теперь она жалела, что не взбила их повыше. На ней было узкое шифоновое платье, перехваченное широким золотым поясом. Квадратный вырез обрисовывал шею и линию плеч. Но по тому, как они оглядывали ее, она поняла, что они не одоб-

ряют ее вида. Она то жалела, что не надела закрытого стародаевического платья, то думала о том, как хорошо было бы ошеломить эту публику ярким, кирпично-красным шарфом, купленным еще в Чикаго.

Ее обвели по кругу. Голос ее механически повторял безопасные фразы: «О, я уверена, что мне здесь очень понравится!», или: «Да, в горах Колорадо мы провели время чудесно», или, наконец: «Да, я жила в Сент-Поле несколько лет. Юклид Тинкер? Нет, не припоминаю, чтобы встречалась с ним, но, конечно, слыхала».

Кенникот отвел ее в сторону и шепнул:

– Теперь я представлю тебя им поодиночке.

– Сначала скажи мне два слова о каждом.

– Ладно... Вон та красивая пара – это Гарри Хэйдок и его жена Хуанита. Его отцу почти целиком принадлежит галантерейный магазин, но ведет дело Гарри, все держится на нем. Толковый малый! Вон там – Дэйв Дайер, владелец аптекарского магазина, ты сегодня уже познакомилась с ним, замечательный стрелок! А этот сухопарый за ним – Джек Элдер: у него лесопилка, «Минимеши-хаус» и крупный пай в Национальном фермерском банке. Он и его жена – компанейские люди; с ним и с Сэмом я часто хожу на охоту. А вон тот старикашка – Люк Доусон, первый богач в городе. Следующий за ним – портной Нэт Хикс.

– Серьезно? Портной?

– Конечно! Почему же нет? Может быть, мы немного отстали, но мы демократичны. Я хожу с ним на охоту так же, как с Джеком Элдером.

– Я очень рада. Никогда еще не встречала портных в обществе. Должно быть, замечательно приятно видеть портного и не думать о том, сколько ты ему должен. А скажи... с твоим парикмахером ты тоже пошел бы на охоту?

– Нет, но... не надо смеяться над демократизмом! Кроме того, я знаю Нэта уже много лет, и... кроме того, он замечательный стрелок, и... так уж тут принято! Сразу за Нэтом – Чет Дэшуэй. Вот болтун! Как пойдет рассуждать о религии, или о политике, или о книгах – до смерти заговорит.

Кэрол с вежливым интересом посмотрела на мистера Дэшуэя – смуглую личность с широким ртом.

– Да-да, я знаю! У него мебельный магазин!

Она была очень довольна собой.

– Верно, и он также гробовщик. Он тебе понравится, пойдем, поздороваемся с ним!

– Нет-нет, что ты! Он... он... неужели он сам бальзамирует трупы и все такое?.. Я не могла бы пожалить руку гробовщику!

– Отчего же? Ты ведь с гордостью пожала бы руку знаменитому хирургу, после того как он только что вспорол кому-нибудь живот?

Кэрол старалась вернуть себе солидную уравновешенность зрелой женщины.

– Да. Ты прав. Я хочу... О дорогой мой, если бы ты знал, как я хочу полюбить приятных тебе людей! Я хочу видеть их такими, какие они есть!

– Да, но надо уметь видеть людей такими, какими их видят другие. Это все дельный народ. Ты знаешь, что Перси Брэзнаган родом отсюда? Родился и вырос здесь.

– Брэзнаган?

– Да, ты знаешь – председатель «Велвет мотор компани» в Бостоне. Это самый крупный автомобильный завод в Новой Англии.

– Кажется, я слыхала о нем.

– Ну конечно! Он архимиллионер. Так вот, Перси почти каждое лето приезжает сюда удить окуней. Он говорит, что если бы он мог уйти от дел, то предпочел бы жить здесь, а не где-нибудь в Бостоне или Нью-Йорке. Он не брезгает знакомством с Четом из-за того, что тот гробовщик.

– Ах, оставь! Я... я буду хорошо относиться ко всем. Я буду для всех них солнечным лучом!

Он подвел ее к Доусонам.

Люк Доусон, дававший ссуды под залог и владевший множеством отобранных у владельцев участков в северной части округа, был медлительный человек с глазами навывкате и молочно-белым лицом, одетый в мягкий серый плохо отутюженный костюм. На жене его, женщине с поблекшими щеками, поблекшими волосами, поблекшим голосом и вялыми движениями, было дорогое зеленое платье с пышно расшитым бисером корсажем, бисерными кистями и довольно странными просветами между пуговицами на спине. Она носила это платье с таким видом, будто купила его подержанным и боялась встретиться с прежней владелицей. Супруги были люди робкие.

Первым, приветствуя жену доктора, пожал ей руку «профессор» Джордж Эдвин Мотт, инспектор учебных заведений, похожий на очень загорелого китайского мандарина.

После того как Доусоны и мистер Мотт засвидетельствовали, что они «рады познакомиться» с Кэрол, говорить, по-видимому, стало больше не о чем. Тем не менее разговор автоматически продолжался.

– Как вам понравился Гофер-Прери? – плаксиво протянула миссис Доусон.

– О, я уверена, что буду чувствовать себя здесь прекрасно!

– Тут столько милых людей! – Миссис Доусон взглядом призвала на помощь мистера Мотта. Тот наставительным тоном начал:

– Здесь весьма симпатичное население. Я недолюбливаю кое-кого из бывших фермеров, приезжающих провести тут на покое остаток своих дней, особенно немцев. Они так неохотно платят школьный налог. Вообще, им жаль истратить лишний цент. Но остальное население очень симпатично. Вы знаете, что Перси Брэзнаган родом отсюда? Учился тут в нашей старой школе.

– Я слыхала об этом.

– Да, это орел! Мы с ним ходили вместе удить рыбу во время его последнего приезда.

Доусоны и мистер Мотт устало переминались с ноги на ногу и улыбались, подчеркнуто внимательно глядя на Кэрол в упор. Она спросила:

– Скажите, мистер Мотт, вы не пробовали ввести новые методы воспитания? Например, модную теперь систему детских садов или систему Гэри?

– Ах, вы об этом! Большинство этих мнимых новаторов просто гонятся за сенсацией. Я признаю ручной труд, но латынь и математика всегда будут основой здорового американизма, чего бы ни требовали эти чудачки. И чего они, собственно, хотят: ввести уроки вязания или движения ушами?

Доусоны одобрительно улыбались мудрым словам ученого. Кэрол ждала, чтобы Кенникот выручил ее. Остальные, как чуда, ждали развлечения.

Гарри и Хуанита Хэйдок, Рита Саймонс и доктор Терри Гулд являли в своем лице светскую молодежь Гофер-Прери. Кэрол представили им. Хуанита Хэйдок тотчас закудаhtала пронзительно и ласково:

– Ну, мы очень рады, что вы войдете в нашу компанию! У нас предполагаются интересные вечеринки с танцами и всякой всячиной. Вы должны присоединиться к «Веселым семнадцати». Мы играем в бридж и раз в месяц устраиваем ужины. Вы, конечно, играете?

– Н-нет, не играю.

– Неужели? Живя в Сент-Поле!

– Я всегда была безнадежным книжным червем.

– Мы непременно научим вас. Бридж – это половина радостей жизни.

Хуанита приняла теперь покровительственный тон и презрительно смотрела на золотой пояс Кэрол, который перед этим вызывал ее восхищение.

Гарри Хэйдок вежливо осведомился:

– Как вы думаете, вам понравится наш городок?

– Я уверена, что буду очень, очень любить его!

– Здешние люди – лучшие люди на свете. И такие деляги! У меня, скажу вам, было много случаев переехать в Миннеаполис, но нам нравится здесь. Это город с будущим. Вы знаете, что Перси Брэзнаган родом отсюда?

Кэрол почувствовала, что неумение играть в бридж ослабляет ее позиции в борьбе за существование. Охваченная нервным желанием восстановить свое положение, она обратилась к доктору Терри Гулду, молодому любителю бильярда и конкуренту ее мужа. Сделав ему глаза, она быстро заговорила:

– Я непременно научусь играть в бридж. Но гораздо больше я люблю проводить время на свежем воздухе. Нельзя ли устроить прогулку на лодках, с удочками, а потом закусить где-нибудь на берегу?

– Ну еще бы! – заверил ее доктор Гулд; он очень внимательно разглядывал гладкую нежно-смуглую покатость ее плеча. – А вы любите удить? Я помешан на рыбной ловле! А бридж – я берусь научить вас. Вы вообще любите карты?

– Когда-то я прилично играла в безик.

Кэрол помнила, что безик – какая-то игра, как будто карточная. А может быть, вид рулетки. Но ее ложь имела блестящий успех. Немного лошадиное, но все-таки красивое, румяное лицо Хуаниты выразило сомнение. Гарри почесал нос и смиренно произнес:

– Безик? Это, кажется, изрядно азартная игра, так, что ли?

К их группе стали подходить другие. Кэрол всецело завладела разговором. Она смеялась, была легкомысленна, а сердце у нее замирало. Она не различала отдельных людей вокруг себя. Они были для нее словно зрители в театре, перед которыми она, пересиливая смущение, разыгрывала роль «молодой жены доктора Кенникота – такой умницы!».

– Знаменитые здешние просторы – вот что меня влечет! Я никогда больше не буду читать ничего, кроме спортивных разделов в журналах. Уилл обратил меня в свою веру во время нашей поездки по Колорадо. Там было множество горе-туристов, которые боялись нос высунуть из автобуса. А я купила себе кричащего цвета короткую юбку, выше щиколоток, и под негодующими пресвитерианскими взорами всех этих школьных начальниц из Айовы прыгала со скалы на скалу, как быстрая серна, и... По-вашему, вот доктор Кенникот – завзятый охотник, а вы бы поглядели, как он смело раздевался и нырял в ледяную горную речку, мне ничего не стоило подбить его на это!

Она чувствовала, что они колеблются, не возмутиться ли, но Хуанита Хэйдок – та все-таки восхищенно рассмеялась. Кэрол продолжала болтать:

– Я уверена, что распугаю чинных пациентов моего мужа. Скажите, доктор Гулд, он хороший врач?

Соперник Кенникота захлебнулся от такого нарушения профессиональной этики и не сразу нашелся:

– Я сейчас отвечу вам, миссис Кенникот. – Он улыбнулся ее мужу, давая понять, что все, что он скажет из желания быть остроумным, не должно быть обращено против него в медицинско-коммерческой войне. – Кое-кто в городе говорит, что доктор не последний диагност и мастер выписывать рецепты, но позвольте мне шепнуть вам – только, ради бога, не говорите ему, что я это сказал! – никогда не обращайтесь к нему с чем-нибудь более серьезным, чем аппендектомия левого уха и страбизм кардиографа!

За исключением Кенникота, никто не понял, что это значит, но все рассмеялись. В воображении Кэрол гостиная Сэма Кларка наполнилась лимонным отсветом парчовых панелей, шампанского, прозрачных драпировок, хрустальных канделябров и веселящихся герцогинь. Только Джордж Эдвин Мотт и бледнолицые мистер и миссис Доусон еще не были покорены.

Казалось, они соображали, не следует ли им показать, что они не одобряют всего этого. Она сосредоточила свое внимание на них.

– А вот с кем бы я не решилась отправиться в Колорадо, так это с мистером Доусоном! Я убеждена, что он опасный сердцеед. Когда нас познакомили, он так страшно сжал мне руку!

– Ха-ха-ха!

Все пришли в восторг. Мистер Доусон таял от блаженства. О нем говорили разное: что он ростовщик, хищник, жмот, скряга, но никто еще не называл его ловеласом.

– Он страшный человек, не правда ли, миссис Доусон? Вы, наверно, держите его взаперти?

– О нет, но, может быть, следовало бы! – слегка краснея, отозвалась миссис Доусон.

В течение четверти часа Кэрол бодро вела разговор. Она успела сообщить, что намерена организовать музыкальные спектакли, что она предпочитает кафе-парфэ бифштексу, что она хотела бы, чтобы доктор Кенникот никогда не разучился ухаживать за интересными женщинами, и что у нее есть пара золотистых чулок. Они тупо ждали продолжения. Но она больше не могла выдержать и спряталась на стуле за широкой спиной Сэма Кларка. Морщинки улыбок разгладились на постных лицах всех участников вечеринки, и вот они уже снова стояли в разных местах комнаты в безнадежном ожидании веселья.

Кэрол прислушивалась. Она увидела, что в Гофер-Прери не умеют общаться. Даже теперь, когда сошлась вместе светская молодежь, любители охоты, почтенные умы и солидные финансисты, они веселились так, словно среди них сидел мертвец.

Хуанита Хэйдок много тараторила своим трескучим голосом, но все это касалось только ее знакомых: говорят, что Рэйми Вузерспун собирается выписать пару лакированных ботинок на пуговицах, с серым верхом; а у Чэмпа Перри ревматизм; Гай Поллок еще не оправился от гриппа, а Джим Хоулэнд просто спятил – выкрасил свой забор в оранжевый цвет.

Сэм Кларк беседовал с Кэрол об автомобилях, но он не забывал и о своих обязанностях хозяина. Разговаривая, он все время подымал и опускал брови. Вдруг он прервал себя:

– Надо расшевелить их! Как ты думаешь, – озабоченно обратился он к жене, – надо, пожалуй, расшевелить их?

Он протиснулся на середину комнаты и закричал:

– Друзья, давайте устроим концерт!

– Да-да, давайте! – завизжала Хуанита Хэйдок.

– Послушайте, Дэйв, изобразите нам, как норвежец ловит курицу!

– Вот-вот! Это забавная штука. Покажите-ка, Дэйв! – поддержал Чет Дэшуэй.

Мистер Дэйв Дайер любезно исполнил номер.

Все гости шевелили губами, готовясь к тому, что их вызовут исполнить их коронные номера.

– Элла, прочтите-ка нам «Мою старую любовь»! – потребовал Сэм.

Мисс Элла Стоубоди, старая дева, дочь председателя ионического банка, потирала сухие руки и краснела:

– О, вам, верно, уже надоело слушать эту старую вещь!

– Что значит «надоело»? Даже и не думайте! – настаивал Сэм.

– Я сегодня совсем не в голосе.

– Бросьте! Начинайте!

Сэм громко объяснял Кэрол:

– Элла у нас по декламации первая! У нее специальная подготовка. Она целый год изучала в Милуоки пение, и красноречие, и драматическое искусство, и стенографию.

Мисс Стоубоди прочла «Мою старую любовь». На бис она продекламировала чрезвычайно оптимистическое стихотворение о могуществе улыбки.

Было исполнено еще четыре номера: один еврейский анекдот, один ирландский, один датский и пародия Нэта Хикса на надгробную речь Марка Антония.

За зиму Кэрол пришлось семь раз видеть и слышать ловлю курицы Дэйвом Дайером, девять раз слышать «Мою старую любовь» и дважды еврейский анекдот и надгробную речь.

Но сейчас она развеселилась, и ей так хотелось быть веселой и простодушной, что она была огорчена не менее других, когда программа была исчерпана и общество мгновенно погрузилось в прежнее оцепенение.

Вскоре гости отказались от попыток поддерживать праздничный тон и начали болтать непринужденно, как у себя в лавках или дома.

Мужчины и женщины разделились; стремление к этому обнаружилось с самого начала вечера. Покинутая мужчинами, Кэрол была предоставлена группе матрон, упорно толковавших о детях, болезнях и стряпне: это был их профессиональный разговор.

Что-то кольнуло ее. Ей вспомнилось, как она воображала себя изящной молодой замужней дамой в салоне, занятой разговором с интересными и остроумными мужчинами. Она стряхнула уныние и решила узнать, о чем могут говорить мужчины, толпившиеся в углу между пианино и граммофоном. Поднимаются ли они над этими бабыми сплетнями в более широкий мир абстракций и деловых интересов?

Сделав миссис Доусон изящный реверанс, она прошептала:

– Что это мой муж бросил меня? Пойду надеру негоднику уши.

Она была вполне довольна собой, так как уловила необходимый сентиментальный тон.

Кэрол важно проплыла через комнату и, возбуждая интерес и одобрение зрителей, уселась на ручке кресла Кенникота.

Он беседовал с Сэмом Кларком, Люком Доусоном, Джексонем Элдером – владельцем лесопилки, Четом Дэшуэем, Дэйвом Дайером, Гарри Хэйдоком и Эзрой Стоубоди – председателем ионического банка.

Эзра Стоубоди был человек первобытный. В Гофер-Прери он поселился с 1865 года. Он был очень похож на хищную птицу: тонкий крючковатый нос, плоский рот, нависшие брови, густо-красные щеки, голова, покрытая белым пухом, и надменный взгляд. Он был недоволен социальными переменами последних тридцати лет. Три десятилетия назад доктор Уэстлейк, адвокат Фликербо, пастор-конгрегационалист Мерримен Пиди и он сам были законодателями Гофер-Прери. В те дни изящные искусства – медицина, юриспруденция, религия, финансы – признавались, как и следовало, областью аристократической. Четверо янки демократически болтали с остальными гражданами, но фактически правили этими выходцами из Огайо и Иллинойса, этими шведами и немцами, которые последовали за ними сюда. Теперь Уэстлейк состарился и почти не появлялся в обществе. Джулиус Фликербо должен был уступить значительную часть практики более проворным молодым юристам. Преподобный Пиди умер. И больше уже ни на кого не производила впечатления в этот испорченный век автомобилей пара рослых серых, на которых все еще разъезжал Эзра. Город стал таким же разношерстным, как Чикаго. Норвежцы и немцы владели магазинами. В обществе задавали тон простые купцы. Торговля гвоздями была так же священна, как профессия банкира. У всех этих выскочек – разных Кларков, Хэйдоков – не было чувства собственного достоинства. Они были трезвы и осторожны в политике, но они болтали об автомобилях, духовых ружьях и бог знает еще о каких новомодных затеях. Мистер Стоубоди чувствовал, что он тут не ко двору. Однако его кирпичный дом с мансардой был все еще самым большим в городе, и Стоубоди поддерживал свое аристократическое положение тем, что изредка показывался среди более молодых людей и ледяным взглядом напоминал им, что без банкира никто из них не мог бы продолжать свои вульгарные занятия.

Когда Кэрол, нарушив приличия, под села к мужчинам, мистер Стоубоди пискливым голосом говорил, обращаясь к Доусону:

– Послушайте, Люк, когда Биггинс поселился в Уиннебаго? Кажется, это было в тысяча восемьсот семьдесят девятом?

– Ничего подобного! – возмутился мистер Доусон. – Он приехал из Вермонта в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом, или нет, погодите, это было, кажется, в шестьдесят восьмом году, и взял участок на Рам-Ривер, намного выше Аноки.

– Вот и нет! – надсаживался Стоубоди. – Он и его отец поселились сперва на Синей Земле!

– О чем, собственно, они спорят? – шепотом осведомилась у мужа Кэрол.

– О том, был ли у этого старого болвана Виггинса английский сеттер или пойнтер. Они спорят об этом уже весь вечер.

Дэйв Дайер вмешался, чтобы сообщить новость:

– Говорил я вам, что Клара Виггинс дня два назад была в городе? Она купила грелку, и довольно дорогую – два доллара тридцать центов!

– Ну конечно, ну конечно! – забрызжал мистер Стоубоди. – Она совсем как ее дед. Не умеет отложить ни гроша. Два доллара и тридцать центов за грелку! Нагретый кирпич, завернутый в шерстяную юбку, ничуть не хуже!

– Как гланды Эллы, мистер Стоубоди? – зевая, спросил мистер Чет Дэшуэй.

В то время, как мистер Стоубоди давал физиологическую и психологическую характеристику состояния гланд своей дочери, Кэрол думала: «Неужели они все так страшно заинтересованы гландами Эллы или даже ее пищеводом? Хотелось бы знать, можно ли их заставить говорить о чем-нибудь более общем! Рискну!»

– В ваших местах не было больших неприятностей с рабочими, мистер Стоубоди? – невинно спросила она.

– Нет, слава богу, мы были от этого избавлены, если не считать прислугу и рабочих на фермах. У нас довольно хлопот и с пришлыми фермерами. С этими шведами не успеешь оглянуться, как они становятся социалистами, популистами или черт знает еще чем. Правда, когда за ними числится ссуда, с ними можно разговаривать по-человечески. Тогда я вызываю их в банк и говорю им несколько теплых слов. По мне, пусть они будут демократами, пожалуйста, но я не терплю вокруг себя социалистов. Во всяком случае, у нас нет таких неприятностей с рабочими, как в больших городах. Даже Джеку Элдеру спокойно работается на своей лесопилке, верно, Джек?

– Да, конечно. В моем деле почти не требуется опытных рабочих, а ведь вся беда в этих вечно недовольных механиках-недоучках, которые все время требуют прибавки и читают всякую там анархистскую и профсоюзную литературу.

– Вы одобряете рабочие союзы? – спросила Кэрол у мистера Элдера.

– Я?! Ну уж нет! Дело вот в чем. Я ничего не имею против того, чтобы поговорить с моими людьми, когда они чем-нибудь недовольны, – хотя бог знает что такое нашло на рабочих – они теперь совершенно не ценят хорошего места. Но все же, если кто-нибудь из них придет ко мне как человек к человеку, я всегда готов пойти ему навстречу. Но я не хочу, чтобы ко мне являлись посторонние, какие-то «делегаты» или как там они еще себя называют, шайка паразитов, живущих за счет невежества рабочих. Я не позволю, чтобы они совали всюду свой нос и учили меня, как вести мое дело!

Мистер Элдер разгорячился и переходил на все более воинственный и патриотический тон.

– Я стою за свободу и конституционные права. Если кому-нибудь у меня не нравится, он может взять расчет. Точно так же, если он не нравится мне, я могу дать ему расчет. Вот и все! Не понимаю, к чему все эти осложнения и фокусы, и правительственные отчеты, и тарифные сетки, и все прочее, что еще пристегивают к рабочему вопросу, когда он совершенно прост. Кому не нравится плата, тот может уйти, вот и вся недолга!

– А как вы относитесь к участию рабочих в прибылях?

В ответ мистер Элдер разразился громовой речью, а остальные уныло закивали в лад, как игрушки в витрине, – смешные мандарины и судьи, болванчики и клоуны, когда их качнет струя ветра из открытой двери.

– Все это участие в прибылях, и улучшение быта, и страхование, и пенсии для стариков – просто брехня. Только ослабляет независимость рабочего и урезывает честные прибыли. Всякие скороспелые мудрецы, у которых молоко на губах не обсохло, и эти суффражистки, и разные проходимцы, желающие учить делового человека, как ему вести свое дело, и кое-какие профессора из колледжей – те тоже не лучше! – вся эта свора не что иное, как переряженные социалисты. И мой долг как предпринимателя противостоять всякому покушению на неприкосновенность американской промышленности. Да, милостивые государи!

Мистер Элдер вытер вспотевший лоб.

– Верно! Правильно! – добавил Дэйв Дайер. – Перевешать бы всех этих агитаторов, и делу конец! Как вы думаете, доктор?

– Ну, понятно, – согласился Кенникот.

Этим вмешательство Кэрол было пресечено, и собеседники занялись вопросом о том, на десять или на двенадцать дней отправил мировой судья в тюрьму пьяного бродягу. Выяснить это оказалось не так просто. Потом Дэйв Дайер начал рассказывать о какой-то своей поездке на автомобиле.

– Да, я неплохо использовал эту развалину. На прошлой неделе я великолепно прокатился в Нью-Йортемберг. Туда сорок три... нет, погодите-ка, семнадцать миль до Беллдейла, и примерно шесть и три четверти, ну, скажем, семь до Торгенквиста, и добрых девятнадцать миль оттуда до Нью-Йортемберга, – семнадцать, и семь, и девятнадцать, это будет... сейчас сосчитаем: семнадцать и семь – двадцать четыре, плюс девятнадцать или, скажем, плюс двадцать, это будет сорок четыре. Ну вот, так и выходит: отсюда до Нью-Йортемберга сорок три или сорок четыре мили. Мы выехали около четверти восьмого, вероятно, было семь двадцать, так как мне пришлось остановиться, чтобы залить воды в радиатор. Все время мы шли довольно хорошим ходом и...

Наконец мистер Дайер, отметив все уважительные причины задержек, добрался до Нью-Йортемберга.

Только один мужчина один раз за все время обратился к Кэрол. Чет Дэшуэй нагнулся к ней и задыхающимся голосом просипел:

– Скажите, вы читали этот рассказ «Оба уходят», который печатался в «Увлекательных историях»? Презанятно написано! Наверно, его написал какой-нибудь знаток бейсбола!

Остальные попытались поддержать разговор о литературе. Гарри Хэйдок заявил:

– Хуанита – большая любительница шикарных романов, вроде «Среди магнолий» этой, как ее, Сары Хетвиггин Баттс или «Лихих наездников на ранчо». Книжница. Но я, – он с важным видом огляделся кругом, как человек, убежденный, что до него ни один герой еще не был в такой переделке, – я так чертовски занят, что у меня нет времени читать.

– Я никогда не читаю того, в чем плохо разбираюсь, – сказал Сэм Кларк.

Этим окончилась литературная часть разговора, а затем Джексон Элдер в течение нескольких минут излагал свои соображения, почему он считает, что шука лучше ловится у западного берега озера Минимеши, чем у восточного, хотя именно у восточного берега Нэт Хикс и поймал замечательную шуку.

Разговор продолжался. Продолжался, как это ни странно. Голоса звучали монотонно, хрипло, настойчиво. Все говорили самоуверенно и резко, как пассажиры в отделении для курящих пульмановского вагона. Кэрол было не скучно. Ей было страшно. «Они любезны со мной, потому что мой муж принадлежит к их племени, – думала она, тяжело дыша. – Но горе мне, если бы я была чужой!»

Кэрол сидела с застывшей улыбкой, словно фигурка из слоновой кости. Она старалась не думать и осматривалась в этой гостиной, которая свидетельствовала о достатке, но также о полном отсутствии воображения.

– Элегантная обстановка, а? – сказал Кенникот. – Так, по-моему, и должна обставляться квартира – в духе времени.

Кэрол вежливо оглядела воощенные полы, деревянную лестницу, камин, которым не пользовались, с кафелями, похожими на коричневый линолеум, граненые вазы и салфеточки под ними, и заставленный, запертый, непрístupный шведский книжный шкаф, наполовину заполненный бульварными романами и, по-видимому, нечитаными собраниями сочинений Диккенса, Киплинга, О. Генри и Элберта Хаббарда.

Кэрол заметила, что даже сплетни не давали достаточной пищи для разговора. Молчание, словно туман, заволакивало комнату. Гости откашливались и старались подавить зевоту. Мужчины оправляли манжеты, женщины глубже втыкали в волосы гребни.

Но вот раздается звяканье посуды, в глазах у всех зажигается надежда, распаивается дверь, доносится запах крепкого кофе, и слышен радостно мяукающий голос Дэйва Дайера: «Ужин!» Все начинают болтать. Теперь у них есть занятие. Теперь они могут уйти от самих себя. Все усердно принимаются за еду – сэндвичи с курятиной, кекс, покупное мороженое. Даже покончив с едой, они остаются в хорошем настроении. Теперь в любую минуту можно уйти домой и лечь спать. Шорох пальто, шелковых шарфов, последние рукопожатия.

Кэрол и Кенникот брели домой.

– Как они тебе понравились? – спросил он.

– Все были со мной страшно любезны.

– Гм, Кэрри... ты должна быть поосторожнее и не шокировать публику. Ты болтала о золотистых чулках, о том, как ты показывала учительницам свои щиколотки, знаешь ли. Конечно, им было весело, – более мягко продолжал он, – но я бы на твоём месте все-таки не рисковал. Хуанита Хэйдок такая язва! Не давай ей повода сплетничать на твой счет.

– О, бедные мои попытки оживить общество! Неужели нехорошо, что я немного растормошила их?

– Нет-нет, радость моя, я не то хотел сказать. Ты одна только и вносила оживление... Но я хочу сказать... Не касайся ног и всяких там безнравственных тем. Это все крайне консервативная публика.

Она замолкла с мучительным чувством стыда при мысли о том, что слушающий ее кружок, может быть, теперь разбирал ее по косточкам и смеялся над ней.

– Брось, не надо огорчаться! – просил он.

Молчание.

– Ерунда! Я жалею, что заговорил об этом. Я только хотел сказать... Да они все от тебя без ума. Сэм сказал мне: «Ваша маленькая леди – самая тонкая штучка, какая только попадала в наш город!» – так и сказал. А мамаша Доусон – я не был уверен, понравишься ли ты ей, это такая сушеная рыба, – но она сказала: «Ваша молодая жена очень живая и веселая, и, право, я с ней чувствую себя бодрее».

Кэрол любила похвалы, их аромат и вкус, но она так жалела себя, что не могла наслаждаться этим комплиментом.

«Будет тебе! Довольно! Улыбнись!» – сказали его губы, его прижавшееся к ней плечо, его охватившая ее рука, когда они остановились на темном крыльце своего дома.

– Тебе будет неприятно, если они сочтут меня ветреной, Уил?

– Мне? Да мне совершенно все равно, пусть весь свет считает тебя какой угодно! Ты – моя... ты – моя душа!

Он возвышался над ней огромной горой и казался надежным, как скала. Она нашла его рукав, уцепилась за него и воскликнула:

– Я счастлива! Так сладко быть желанной! Ты не должен бранить меня за легкомыслие. Ты все, что у меня есть.

Он поднял ее, внес в дом, и, обвив руками его шею, Кэрол забыла Главную улицу.

Глава пятая

I

– Мы улизем на весь день и поохотимся. Я хочу показать тебе окрестности, – объявил за завтраком Кенникот. – Я взял бы машину, мне хочется показать тебе, какой у нее теперь великолепный ход, когда я поставил новый поршень. Но мы поедем лошадьми, напрямик через поля. Куропаток осталось уже немного, но, может быть, мы наткнемся все-таки на небольшой выводок.

Он возился с охотничьим снаряжением. Натянул болотные сапоги и осмотрел, нет ли в них дыр. Лихорадочно пересчитывал патроны и объяснял Кэрол преимущества бездымного пороха. Вынул из толстого кожаного чехла новое бескурковое дробовое ружье и заставил ее взглянуть в стволы: как они ослепительно сверкают, ни пятнышка ржавчины!

Мир походного охотничьего снаряжения и рыболовных снастей был для нее нов, и в том интересе, который проявлял к нему Кенникот, она находила что-то творческое и радостное. Она осматривала гладкое ложе и отделанный эбонитом с насечкой приклад ружья. Длинные зеленые гильзы с медными капсюльными втулками и иероглифами на пыжах были прохладны и приятно тяжелы в руке.

На Кенникоте была коричневая парусиновая охотничья куртка с огромными внутренними карманами, вельветовые брюки, пузырившиеся на коленях, потрепанные, поцарапанные сапоги и устрашающего вида мягкая шляпа. В этом одеянии он чувствовал себя особенно мужественным. Громко восторгаясь погодой, они взобрались в нанятый шарабан и уложили ягдташ и ящик с провизией.

Кенникот взял у Джексона Элдера его бело-рыжего сеттера, добродушного пса, который все время вилял пушистым, серебрившимся на солнце хвостом. Когда они тронулись, пес стал лаять и кидаться на лошадей, пока Кенникот не взял его в шарабан, где он уткнулся мордой в колени Кэрол и высовывался только для того, чтобы поиздеваться над фермерскими дворнягами.

Серые лошади выбивали копытами такт по твердой проселочной дороге: та-та-та-там! та-та-та-там! Час был ранний, свежий воздух звенел, изморозь сверкала на золотистых плетнях. Когда теплые лучи солнца превратили жнивье в сплошной желтый ковер, они свернули с дороги на поле через ворота одной из ферм. Шарабан неторопливо подпрыгивал по неровной земле. Скатившись под уклон, они потеряли из виду дорогу. Было тепло и тихо. В сухой стерне стрекотали кузнечики; над шарабаном мелькали блестящие мушки. Умиротворенное жужжание наполняло воздух. Вороны медленно летали и перекликались в небе.

Спустили собаку, и, попрыгав от восторга, она принялась рыскать взад и вперед, взад и вперед по полю, опустив нос к земле.

– Это ферма Пита Рустада, и он говорил мне, что видел на прошлой неделе небольшой выводок ярдах в сорока к западу от дома. Может быть, и нам повезет! – блаженно улыбнулся Кенникот.

Затаив дыхание, Кэрол следила за собакой и вздрагивала, как только та останавливалась. У нее не было желания убивать птиц, но она хотела войти в мир Кенникота.

Собака сделала стойку.

– Ей-богу, она взяла след! Идем! – крикнул Кенникот.

Он выпрыгнул из шарабана, закрутил вожжи за гнездо для кнута на козлах, одним рывком спустил на землю Кэрол, схватил ружье, вложил в него два патрона и большими шагами

поспешил к неподвижно застывшей собаке. Кэрол торопилась за ним. Сеттер, подрагивая хвостом, стал красться вперед, почти касаясь брюхом жнивья. Кэрол волновалась. Она ожидала, что вот-вот взлетят тучи больших птиц, и напряженно смотрела вперед. Но пришлось пройти за собакой около четверти мили. Они поворачивали, возвращались, вскарабкались на два невысоких пригорка, перебрались через поросшее травой болотце, пролезли сквозь изгородь из колючей проволоки. У Кэрол, привыкшей ходить по тротуарам, очень устали ноги. Земля была кочковатая, жнивье – колючее, с пробивающейся травой, чертополохом, кустиками клевера. Кэрол еле плелась и часто спотыкалась.

– Смотри! – долетел до нее голос Кенникота.

Над жнивьем поднялись три серые птицы. Круглые, пушистые, как огромные шмели. Кенникот прицеливался, поднимая ствол. Она страшно заволновалась: почему он не стреляет? Птицы сейчас улетят. Вдруг раздался грохот, еще раз, и две птицы, перевернувшись в воздухе, мягко упали на землю.

Когда Кенникот показал ей птиц, она не увидела и не ощутила крови. Эти кучки перьев были так нежны и совсем не помяты, ничто в них не говорило о смерти. Кэрол смотрела, как ее победоносный супруг сунул их во внутренний карман, и пошла за ним назад, к шарабану.

В это утро они больше не нашли куропаток.

В полдень они въехали на ферму. Кэрол впервые в жизни побывала в деревне на одну семью. Ферма представляла собою белый дом без крыльца, если не считать низкого и очень грязного входа с задней стороны, красный с белыми углами овин, силосную яму из глазурованного кирпича, бывший каретный сарай, обращенный теперь в гараж для «форда», некрашеный хлев, птичник, загон для свиней, конюшню, амбар и решетчатую оцинкованную железную вышку ветряной мельницы. Двор был покрыт плотно утрамбованной желтой глиной. На нем не росло ни деревьев, ни травы; повсюду валялись ржавые лемехи плугов и колеса отслуживших свой век культиваторов. Затвердевшая, истоптанная грязь, как лава, заполняла свинной закуток. Дверь дома была покрыта засохшей грязью. Крыша по углам и вдоль стрех проржавела, и рожица ребенка, глазевшего на приезжих из кухонного окна, была вся перепачкана. Но за забором виднелась клумба пурпурной герани. Степной ветер был словно струящийся солнечный свет. Сверкающие металлические крылья ветряка вращались с веселой песенкой. Где-то ржала лошадь, кукарекал петух, стрижи влетали и вылетали из хлева.

Из дома вышла маленькая худенькая женщина с белыми, как лен, волосами. Она произносила слова со шведским акцентом, не монотонно, как англичане, а растягивая их с каким-то лирическим припевом.

– Пит говорил мне, что вы скоро приедете охотиться, доктор. Вот и хорошо, что вы собрались! Это ваша молодая жена? О-о-о-о! Мы как раз вчера вечером говорили, что, может, скоро увидим ее здесь. Ай, ах, какая красивая леди! – Миссис Рустад вся сияла радушием. – Ну и ну, ну и ну! Как вам нравится в наших краях? Не останетесь ли пообедать, доктор?

– Нет, но я был бы рад, если бы вы дали нам по стакану молока, – снизошел Кенникот.

– Ну конечно, конечно! Обождите минутку, я сейчас!

Она поспешно засеменила к маленькому красному строению рядом с ветряком и сейчас же вернулась с кувшином молока, из которого Кэрол наполнила термос.

Когда они поехали, Кэрол с восхищением сказала:

– Удивительно милая женщина! И она обожает тебя, ты тут, видно, самый почитаемый человек.

– Ну что ты! – Кенникот был польщен. – Впрочем, они советуются со мной о чем угодно. Беспокойный народ эти скандинавские фермеры. И, надо сказать, очень зажиточный. Хельга Рустад все еще не обжилась в Америке, но ее дети будут здесь докторами, юристами, правителями штата и чем только они захотят.

– Я думаю... – Кэрол опять впала в свою вчерашнюю мировую скорбь, – я думаю, что эти фермеры, может быть, выше нас! Они так простодушны и трудолюбивы... Город живет за их счет. Мы, горожане, – паразиты, а смотрим на них свысока. Вчера мистер Хэйдок с насмешкой говорил о них. По-видимому, он презирует фермеров за то, что они не достигли еще социальных высот торговли нитками и пуговицами.

– Паразиты? Мы?! А что фермеры стали бы делать, если бы не город? Кто ссужает их деньгами? Кто... О, да мы их снабжаем решительно всем!

– Но некоторые фермеры, кажется, полагают, что услуги города обходятся им слишком дорого.

– Ну конечно, среди фермеров встречаются горланы, как и во всяком другом классе. Послушать таких крикунов, так фермеры должны править всем штатом и вершить все дела. Если бы они добились своего, они заполнили бы законодательные учреждения фермерами в навозных сапожищах – будь покойна! Да, тогда они явились бы ко мне и заявили, что я у них на жалованье и не смею назначать плату за лечение! Хорошо бы тебе тогда пришлось?

– Но разве это было бы не справедливо?

– Что?! Чтобы эта шайка... чтобы они указывали мне... Ох, ради создателя, прекратим этот спор! Все эти дискуссии хороши в гостях, но... Забудем их, пока мы на охоте.

– Ты прав. Стремление все узнать – это еще худшая болезнь, чем стремление везде побывать. Но я только хотела знать...

Кэрол твердила себе, что у нее есть все, чего можно желать на свете. И после каждого упрека себе она опять спотыкалась на своих «я хотела бы знать...».

Они закусили бутербродами у озерца среди прерии. Длинные стебли осоки тянулись из прозрачной воды. Мшистые кочки, краснокрылые дрозды и золотисто-зеленый отлив водорослей. Кенникот курил трубку, а Кэрол откинулась в шарабане и отдыхала, утопая взором в нирване чистого неба.

Потом они шагом выехали на дорогу и очнулись от стука копыт по твердой земле. В поисках дичи они останавливались в небольших рощах, солнечных и веселых, с серебристыми березами и зелеными стволами тополей, окружавших небольшие озера с песчаным дном, – мирный приют в океане знойной прерии.

Кенникот подбил жирную рыжую белку, а потом с волнением палил по стае уток, которые шумно слетели с выси к озеру, скользнули над ним и вмиг исчезли снова.

Домой поехали на закате. Стога сена и скирды пшеницы, похожие на улы, вдруг озарились розовым и золотым светом. Зеленое жнивье блестело. По мере того как меркнул гигантский алый пояс неба, поля, свершившие свое дело, по-осеннему расцвели всеми оттенками темно-красного и коричневого. Черная дорога впереди шарабана стала лиловой, а потом расплывчато-серой. Скот длинной лентой тянулся к закрытым воротам ферм, и над отдыхающей землей стояло тусклое зарево.

Здесь Кэрол увидела то величие, которого ей не хватало на Главной улице.

II

Пока у них не было прислуги, Кенникоты обедали в полдень и ужинали в шесть в пансионе миссис Гэрри.

Миссис Элайша Гэрри, вдова хлеботорговца и церковного старосты Гэрри, была востроногая женщина с бессмысленной улыбкой и железно-серыми волосами, стянутыми так туго, что казалось, будто ее голова покрыта грязным носовым платком. Но она была гораздо веселее, чем можно было предположить, и ее столовая с реденькой скатертью на длинном сосновом столе производила впечатление вполне почтенной бедности.

Среди сосредоточенных, методически жующих, словно лошади у кормушки, пансионеров Кэрол обратила внимание на бледное длинное лицо, очки и песочно-серые зачесанные назад волосы мистера Рэймонда Вузерспуна, известного под именем Рэйми, закоренелого холостяка и старшего приказчика обувного отделения галантерейного магазина.

– Вам очень понравится Гофер-Прери, миссис Кенникот! – умоляющим тоном говорил Рэйми.

У него были глаза как у собаки, ожидающей на холоде, чтобы ее впустили в дом. Он порывисто передал ей абрикосовый компот.

– Здесь очень много умных и культурных людей. Миссис Уилкс, которая читает лекции о «Христианской науке», очень умная женщина, впрочем, я сам не принадлежу к их организации, я пою в епископальном хоре. А мисс Шервин, преподавательница средней школы, – это такая милая, живая девушка. Я подобрал ей вчера пару коричневых гамаш и могу сказать: это было прямо удовольствие!

– Передай мне масло, Кэрри, – вмешался Кенникот.

В пику мужу она продолжала разговаривать с Рэйми:

– Бывают ли у вас тут любительские спектакли?

– О да! Город полон талантов. «Рыцари пифий» организовали в прошлом году прекрасный вечер песен.

– Как хорошо, что вы так увлекаетесь!

– О, вы вправду так думаете? Многие высмеивают меня за то, что я пытаюсь устраивать спектакли и всякие такие дела. Я постоянно твержу моим знакомым, что у них больше артистических талантов, чем они сами предполагают. Только вчера я говорил Гарри Хэйдоку, что ему следовало бы читать стихи, например Лонгфелло, или играть в оркестре. Я сам получаю много удовольствия от игры на корнете, а наш дирижер Дэлл Снэфлин такой прекрасный музыкант, что я постоянно советую ему бросить парикмахерскую и стать профессиональным музыкантом. Он мог бы играть на кларнете в Миннеаполисе или в Нью-Йорке. Однако мне никак не убедить Гарри... Говорят, вы с доктором ездили вчера на охоту? Прелестные окрестности, не правда ли? А визиты вы делали? Торговая деятельность не дает такого удовлетворения, как медицина. Должно быть, приятно, доктор, видеть, как доверяют вам пациенты?

– Гм! Это мне приходится все время доверять им. Было бы несравненно приятнее, если бы они платили по счетам, – проворчал Кенникот, и, наклонившись к Кэрол, он шепнул что-то, звучавшее вроде «курица в штанах».

Но бледные глаза Рэйми влажным взглядом смотрели на нее. Она помогла ему:

– Так вы любите стихи?

– О да, очень! Но, сказать по правде, у меня не так-то много времени для чтения. В магазине всегда много работы, и вообще... Но прошлой зимой у нас тут одна артистка великолепно декламировала стихи.

Кэрол услышала, как коммивояжер в конце стола что-то проворчал. Да и Кенникот сделал локтем резкое движение, ясно выражавшее то же настроение. Но она продолжала свое:

– Вы часто бываете в театре, мистер Вузерспун?

Он просиял, как мутно-голубой мартовский месяц, и вздохнул:

– Нет, но я люблю кино. Бываю на всех кинофильмах. За книгами, к сожалению, не следят, как за фильмами, разумные цензоры, и, когда вы приходите в библиотеку и выбираете книгу, вы никогда не знаете, на что потратите время. В книгах я люблю здоровое, облагораживающее повествование, но иной раз... Да вот хотя бы, начал я раз роман этого Бальзака – о таком писателе я и раньше что-то слышал, – и там говорилось о даме, которая не жила со своим мужем, я хочу сказать, она не была его женой. Множество отвратительных подробностей. И язык-то никуда не годный. Я заявил об этом в библиотеке, и книжку убрали с полки. Я не фарисей, но должен сказать, что не вижу смысла в этом постоянном смаковании безнрав-

ственных тем! Жизнь сама так полна соблазнов, что в литературе хочется только чистого и возвышающего.

– Как называется эта бальзаковская книжица? Где ее можно раздобыть? – хихикнул коммивояжер на другом конце стола.

Рэйми не удостоил его внимания.

– Но кинофильмы большей частью чисты и полны юмора... Не находите ли вы, что чувство юмора чрезвычайно важно в человеке?

– Не знаю, право... У меня самой его немного, – сказала Кэрл.

Он погрозил ей пальцем.

– Ну-ну, вы слишком скромны! Я уверен, что у вас прямо кипучий юмор! Да доктор Кенникот и не женился бы на особе, лишенной юмора. Мы все знаем, что он всегда не прочь пошутить.

– Ну конечно! Одним словом, старый зубоскал! Пойдем, Кэрри, хватит! – буркнул Кенникот.

Но Рэйми продолжал умоляюще:

– А что больше всего интересует вас, миссис Кенникот, в области искусства?

Услышав, что коммивояжер процедил: «Зубоврачевание», Кэрл наугад выпалила: «Архитектура!»

– Да, это прекрасное искусство. Когда Хэйдок и Саймонс отделяли заново фасад своего магазина, старик Хэйдок, отец Гарри, хотел оставить фасад совсем плоским. Но я сказал старику: «Конечно, хорошо, что у вас современное освещение и большие витрины. Но раз вы устраиваете все это, вам и без архитектурных украшений не обойтись». Тогда старик рассмеялся, сказав, что я, пожалуй, прав, и велел поставить карниз.

– Жестяной! – заметил коммивояжер.

Рэйми оскалил зубы, как воинственная мышь.

– Что с того, если и жестяной? Это не моя вина. Я сказал старику Хэйдоку, чтобы он сделал его из полированного гранита. Надо же понимать, в конце концов!

– Пойдем! Нам пора, Кэрри, пойдем! – тащил ее Кенникот.

Рэйми подстерег их в передней и шепнул Кэрл, чтобы она не обращала внимания на невоспитанность коммивояжера, «этой бродячей швали».

Кенникот хмыкнул:

– Ну как, малютка? Ты, может быть, предпочитаешь артистического болвана, вроде Рэйми, таким простакам, как Сэм и я?

– Дорогой мой! Пойдем-ка домой и сыграем в карты, посмеемся, подурачимся, заберемся в постель и уснем без снов! Хорошо быть солидной дамой!

III

Из еженедельной газеты Гофер-Прери под названием «Неустрашимый»:

«Один из очаровательнейших вечеров сезона состоялся во вторник в изящном новом особняке мистера и миссис Кларк, где многие видные граждане собрались приветствовать молодую жену нашего известного врача, доктора Уила Кенникота. Все присутствовавшие были очарованы новобрачной, урожденной мисс Кэрл Милфорд из Сент-Пола. Игры и декламация чередовались с веселой и непринужденной беседой. Поздно вечером гостям было предложено изысканное угощение, после чего все разошлись, выражая свое удовольствие по поводу приятно проведенного времени. Среди присутствовавших были госпожи Кенникот, Элдер...»

«Доктор Уил Кенникот, ставший за последние годы одним из наших известнейших и искуснейших терапевтов и хирургов, сделал городу приятный сюрприз, вернувшись на этой неделе из продолжительного свадебного путешествия по Колорадо со своей очаровательной

молодой женой, урожденной мисс Кэрол Милфорд из Сент-Пола, семья которой занимает видное положение в обществе Миннеаполиса и Манкейто. Миссис Кенникот отличается не только обворожительной внешностью; она блестяще окончила одно из учебных заведений на Востоке и в прошлом году занимала видный и ответственный пост в публичной библиотеке Сент-Пола, где „доктор Уил“ и познакомился с ней. Гофер-Прери приветствует ее и предрекает ей долгие счастливые годы в деятельном городе озер-близнецов и большой будущности. Доктор и миссис Кенникот временно поселились на Поплар-стрит в доме доктора, где до сих пор вела хозяйство его всеми уважаемая матушка, вернувшаяся теперь в собственный дом в Лак-ки-Мер и оставившая здесь много друзей, сожалеющих об ее отсутствии и не теряющих надежды вскоре снова увидеть ее».

IV

Кэрол знала, что для осуществления каких-либо задуманных ею «реформ» ей нужна будет отправная точка. В течение трех или четырех первых месяцев замужества ее удерживал не недостаток целеустремленности, но безоблачное блаженство первого «своего дома».

Гордость новым положением хозяйки дома заставила ее полюбить каждую мелочь – парчовое кресло с шаткой спинкой и даже медный кран котла для горячей воды, как только она освоилась с ним, пытаясь начистить его до блеска.

Она нашла служанку – сияющую толстушку Би Серенсон с полустанка Скандия. Би очень забавляла ее, пытаясь быть почтительной служанкой и в то же время наперсницей своей госпожи. Они обе хохотали, когда в плите не было тяги или рыба выскальзывала из рук в кастрюлю.

Как девочка, которая надела волочащуюся юбку, чтобы изображать бабушку, шествовала Кэрол в город за покупками, каждую минуту обмениваясь приветственными возгласами с другими хозяйками. Ей кланялись все, даже чужие, и она чувствовала, что приятна им, что она «своя» среди них. В магазинах Сент-Пола она была просто покупательница – шляпка и голос, требующие внимания усталого приказчика. Здесь же она была докторша Кенникот, и ее пристрастие к грейпфруту и хорошим манерам знали, помнили, обсуждали... хотя и не всегда с ними сообразовались.

Хождение по магазинам было приятно мимолетными разговорами. Те самые торговцы, которых она находила невероятно скучными в обществе, оказывались милейшими людьми, как только у них появлялась тема для разговора, будь то лимоны, вуали или воск для полов. С этим выскочкой Дэйвом Дайером, владельцем аптекарского магазина, она всегда разыгрывала шуточную ссору. Она утверждала, будто он надувает ее на журналах и леденцах, а он в ответ называл ее сент-польской сыщицей. Он прятался за конторку и, когда она топала ножкой, вылезал, причитая:

– Честное слово, я сегодня ни разу не смошенничал, ей-богу, еще не успел!

Она никогда не вспоминала своего первого впечатления от Главной улицы... Никогда больше не приходила в такое отчаяние от ее безобразия. После второго похода по магазинам все изменило свои пропорции. Она никогда не переступала порога «Минимеша-хауса», и поэтому он перестал для нее существовать. Зато магазин скобяных товаров Кларка, аптекарский магазин Дайера, бакалейная Оле Йенсона и Фредерика Луделмайера, а также Хоуланда и Гулда, мясной рынок и галантерейная лавка выросли и заслонили собой все другие здания. Когда она входила в лавку мистера Луделмайера и он, задыхаясь, сипел: «Доброго утра, миссис Кенникот! Какая чудесная погода!» – Кэрол не замечала пыли на полках и тупой физиономии продавщицы; не вспоминала, как мысленно разговаривала с этим бакалейщиком во время своего первого посещения Главной улицы.

Она не находила и половины того, что хотелось купить к обеду или ужину, но это только делало хождение по лавкам еще интереснее. Когда в мясной Даля и Олсена ей удавалось достать телячьи почки, ее торжество не имело границ и даже сам мистер Даль, здоровенный рассудительный мясник, казался ей восхитительным. Она оценила уют и простоту этой жизни. Ей нравилось, как старые фермеры, словно отдыхающие индейцы, присаживались на корточки поболтать и задумчиво сплевывали через край тротуара.

Она находила красоту в детях.

Ей казалось, что ее замужние подруги преувеличивали свое чувство к детям. Но когда она работала в библиотеке, дети стали для нее индивидуальностями, гражданами, предъявляющими свои права и одаренными своим, особым чувством юмора. В библиотеке она не могла уделять им много времени, зато теперь узнала, какое изумительное чувство испытываешь, серьезно осведомляясь у Бесси Кларк, оправилась ли ее кукла от ревматизма, или беседуя с Оскаром Мартинсенем о том, как занятно было бы отправиться ставить капканы на мускусных крыс. Порой у нее мелькала мысль: «Как чудесно было бы иметь своего ребеночка! Я хочу ребеночка. Малюсенького!.. Но нет, не теперь! У меня еще столько дела! И я все еще не отдохнула от работы».

Она сидела дома. Прислушивалась к сельским звукам, везде на свете одним и тем же – и в джунглях и в прерии; звукам простым и полным таинственности: лаю собак, самодовольному кудахтанью кур, крикам резвящихся детей, хлопанью выбивалки по ковру, шуму ветра в тополях, стрекотанию кузнечиков, шагам на тротуаре, задорным голосам Би и рассыльного из бакалейной лавки на кухне, ударам молота по звонкой наковальне и отдаленным аккордам рояля.

Не меньше двух раз в неделю она выезжала с Кенникотом за город стрелять уток на позолоченных закатах озерах или навещать пациентов, которые смотрели на нее как на важную даму и благодарили за журналы и детские игрушки. По вечерам она ходила с мужем в кино, где их бурно приветствовали другие пары; или, пока не похолодало, они сидели на крыльце, переключаясь со знакомыми, проезжавшими мимо в автомобилях, или с соседями, стргавшими листья. Пыль золотилась в лучах заходящего солнца; улица наполнялась горьковатым запахом сжигаемых листьев.

V

Но она смутно жаждала иметь кого-нибудь, с кем она могла бы делиться мыслями.

Однажды, когда она коротала за шитьем послеобеденные часы и, сучая, ждала, не зазвонит ли телефон, Би доложила о приходе мисс Вайды Шервин.

Если бы вы пристально взгляделись в Вайду Шервин, то заметили бы, что хотя у нее живые голубые глаза, но на лице уже появились тонкие морщинки, что кожа пожелтела или, вернее, выцвела; вы заметили бы, что грудь у нее плоская, а пальцы огрубели от иглы, мела и пера; что блузка и платье у нее самые будничные, из простой материи, а шляпа, слишком сдвинутая на затылок, открывает сухой лоб. Но в Вайду Шервин никто не вглядывался пристально. Да это и невозможно было. Ее необычайная подвижность скрывала ее словно дымкой. Она была проворна и деятельна, точно белка. Пальцы у нее так и порхали. Ее симпатия проявлялась бурными вспышками. Она всегда сидела на самом краешке стула, стремясь быть ближе к слушателю, чтобы заражать его своим энтузиазмом и оптимизмом.

Влетев в комнату, она выпалила залпом:

– Боюсь, вы считаете некрасивым со стороны учителей, что они как будто не проявили желания сблизиться с вами. Но мы хотели дать вам немного освоиться здесь. Я Вайда Шервин и в меру сил преподаю французский, английский и еще некоторые предметы в средней школе.

– Я была бы рада познакомиться с учителями. Я ведь была библиотекаршей...

– О, вам незачем рассказывать! Я знаю о вас решительно все! Просто ужас, как много знаешь в этом городишке, начиненном сплетнями. Вы нам очень-очень нужны. Это милейший и честнейший городок (а разве честность не лучшая вещь на свете?), но это сырой алмаз, и вы должны его отшлифовать, а мы смиренно...

Она остановилась перевести дух и закончила свой комплимент улыбкой.

– Если бы я хоть чем-то могла помочь вам... Не совершу ли я непростительный грех, если скажу шепотом, что нахожу Гофер-Прери не очень красивым?

– Конечно, он безобразен. Страшно безобразен! Впрочем, я, вероятно, единственный человек в городе, кому вы можете без опасения сказать такую вещь. (За исключением, пожалуй, адвоката Гая Поллока – вы уже знакомы с ним? – о, вам необходимо познакомиться! Он страшно мил – умница, интеллигентный и такой деликатный!) Но меня не особенно смущает безобразие города. Это все изменится. Дух жителей внушает мне надежду. Это здоровый, трезвый дух, но робкий. Его нужно пробудить, а это могут сделать живые люди вроде вас. И я буду вас подгонять!

– Великолепно! Что же я должна делать? Я подумывала, нельзя ли пригласить сюда хорошего архитектора прочесть несколько лекций.

– Да-а, но не находите ли вы, что лучше использовать имеющиеся средства? Может быть, это покажется вам слишком медленным, но я думала... было бы так мило, если бы нам удалось привлечь вас к преподаванию в воскресной школе.

Кэрол сразу почувствовала себя так, как бывает, когда заметишь, что сердечно расклялся с совершенно незнакомым человеком.

– Да, пожалуй... Но боюсь, что я для этого не гожусь. У меня очень туманная вера.

– Я понимаю. У меня тоже. Меня нисколько не интересуют догматы. Но я твердо верю в то, что бог – наш отец, что люди – братья и что Иисус Христос – наш учитель. С этим и вы, несомненно, согласны.

Кэрол напустила на себя солидность и начала хлопотать насчет чая.

– А это все, чему вы должны учить в воскресной школе. Все дело в личном влиянии. Потом, здесь есть библиотечный совет. Вы были бы там чрезвычайно полезны. А потом, у нас есть еще женский образовательный клуб – Танатопсис-клуб¹.

– И в нем что-нибудь изучают? Или читают рефераты, надерганные из энциклопедии?

Мисс Шервин пожала плечами.

– Возможно! Но, во всяком случае, у них вполне серьезные намерения. Они откликнутся, если вы внесете в эту работу более живую струю. И, кроме того, клуб развернул большую деятельность по благоустройству города: ведь это он заставил город посадить столько деревьев и именно он содержит комнату отдыха для приезжающих в город фермерских жен. Клуб интересуется всяким прогрессом и усовершенствованием. Это, безусловно, единственное в своем роде учреждение.

Кэрол упала духом, но отчего – ей и самой трудно было уловить.

– Я подумаю обо всем этом, – вежливо сказала она. – Мне необходимо сначала немного оглядеться.

Мисс Шервин подскочила к ней, погладила по волосам и устала на нее.

– О, моя милая, вы думаете, я не понимаю! Эти первые, нежные дни замужества – они для меня священны. Дом, дети! Вы нужны этим малюткам, от вас зависит их жизнь, они улыбаются вам своими маленькими сморщенными личиками! И очаг и...

Она отвернулась и начала нервно гладить подушку кресла, но затем продолжала с прежней торопливостью:

¹ Танатопсис – созерцание смерти (греч.).

– Вы поможете нам, когда освободитесь... Вы, вероятно, считаете меня консервативной. Я действительно консервативна! Так много старого нужно оберегать! Неоценимые американские идеалы! Бодрость, демократизм, предприимчивость! У меня есть одно хорошее качество – вера в ум и сердце нашей нации, нашего штата, нашего города. Она так сильна во мне, что и я иной раз способна оказывать некоторое влияние на наши «высшие круги». Я торможу их, я заставляю их поверить в идеалы, поверить в самих себя. Но я уже сбилась на поучительный тон. Мне нужны молодые критические умы, как вы, которые немного отрезвляли бы меня. Скажите, что вы читаете?

– Я перечитываю «Осуждение Тэрона Уэйра». Вы знаете эту книгу?

– Да. Умно написано. Но жестоко! Человек, который хотел разрушать, а не созидать. Что за цинизм! Я вовсе не считаю себя сентиментальной, но я не вижу толку во всех этих произведениях высокого искусства, которые не ободряют нас, незаметных тружеников, в повседневной работе.

Последовал пятнадцатиминутный спор на самую старую в мире тему: «Должно ли художественное быть непременно красивым?». Кэрол красноречиво отстаивала честное изложение фактов. Мисс Шервин была за деликатность и осторожность при освещении темных сторон жизни. В конце концов Кэрол воскликнула:

– Пусть мы расходимся во взглядах – это мне все равно! Я так рада, что могу поговорить не только об урожае! Давайте потрясем до основания Гофер-Прери: выпьем послеобеденного чая вместо послеобеденного кофе!

Би с восторгом помогла своей хозяйке принести прабабушкин складной рабочий столик, его черно-желтую столешницу, испещренную щербинами и порезами закройного колеса, застлали вышитой чайной скатертью и расставили сиреневый глазурированный японский сервиз, купленный Кэрол еще в Сент-Поле. Мисс Шервин поделилась с ней своим последним планом – организовать на фермах показ нравоучительных кинокартин. Ток можно было бы брать от динамо, соединенного с двигателем автомобиля. Би дважды наполняла чайник кипятком и поджаривала гренки с корицей.

Когда к пяти часам вернулся Кенникот, он постарался быть любезным, как подобает супругу хозяйки дома, хлопочущей за послеобеденным чаем. Кэрол настояла на том, чтобы мисс Шервин осталась к ужину, и попросила мужа пригласить Гая Поллока, расхваливаемого всеми адвоката, старого холостяка и любителя стихов.

Да, Поллок может прийти. Да, он уже оправился от гриппа, который в тот раз помешал ему быть у Кларков.

Кэрол уже жалела, что поддалась минутному порыву. Это, несомненно, самоуверенный политикан, который станет отпускать тяжеловесные шутки на тему о молодоженах. Но как только вошел Гай Поллок, она сразу увидела, что перед ней индивидуальность. Поллок был человек лет тридцати восьми, худощавый, молчаливый, почтительный. Голос у него был низкий.

– С вашей стороны было очень любезно пригласить меня, – сказал он, не прибавив к этому никаких юмористических замечаний и не спросив Кэрол, не находит ли она Гофер-Прери «самым оживленным городком на свете».

Она подумала, что под ровным серым тоном могут скрываться тысячи оттенков лилового, и голубого, и серебряного.

В разговоре за ужином выяснилось, что он любит сэра Томаса Брауна, Торо, Агнессу Реплие, Артура Саймонса, Клода Уошберна, Чарлза Фландро. О своих кумирах он говорил сдержанно, но его охотно слушали и книжница Кэрол, и не жалевавшая для него похвал мисс Шервин, и Кенникот, снисходительный к тем, кто развлекает его жену.

Кэрол недоумевала, почему Гай Поллок тянет лямку нудных судебных дел, почему он остается в Гофер-Прери. Спросить об этом ей было некого. Ни Кенникот, ни Вайда Шервин

не поняли бы, почему такому человеку, как Поллок, не место в Гофер-Прери. Кэрол упивалась этим налетом таинственности. Она торжествовала, что у нее уже есть свой кружок с определенными литературными устремлениями. Теперь не за горами то время, когда она обогатит город веерообразными окнами и знакомством с Голсуорси. Она не сидела сложа руки. Подавая наскоро приготовленный десерт – из кокосового ореха и апельсиновых долек, – она воскликнула, обращаясь к Поллоку:

– Как вы думаете, не создать ли нам драматический кружок?

Глава шестая

I

Когда первый, еще нерешительный ноябрьский снежок мелкой крупкой запорошил голые комья на вспаханных полях, когда первый огонь запылал в топке центрального отопления – святая святых каждого жилища в Гофер-Прери, – Кэрол начала устраивать дом по-своему.

Она выбросила из гостиной старую мебель – дубовый стол с медными шишками, вылинявшие парчовые кресла и картину «Врач». Она отправилась в Миннеаполис и долго бегала по большим магазинам и антикварным лавчонкам Десятой улицы. Ей пришлось отправить свои сокровища багажом, хотя она, кажется, готова была повезти их с собой, в руках.

Плотники выломали перегородку между передней и задней гостиной, обратив их в одну длинную комнату, отделанную в желтых и синих тонах. На палевую стену Кэрол повесила широкий японский пояс с золотой вышивкой по ультрамариновому фону. Затем появились диван с голубыми подушками и золотыми шнурами и стулья, которые в Гофер-Прери казались слишком легкомысленными. Она вынесла священный семейный граммофон в столовую и поставила на его место шкафчик, а на нем – приземистый синий кувшин между двух желтых свечей.

Кенникот не согласился строить камин: «Через два-три года у нас все равно будет новый дом».

Кэрол обставила только одну комнату. Муж дал ей понять, чтобы остального она не трогала, пока ему не выпадет какой-либо «крупный куш».

Коричневый куб дома встрепенулся, ожил. Теперь он приветствовал Кэрол, когда она возвращалась с покупками. Он больше не угнетал своей затхлостью.

Верховный приговор Кенникота гласил:

– По правде сказать, я боялся, что новые вещи будут неудобны, но этот диван, или как он там называется, и в самом деле лучше нашей прежней ухабистой кушетки, и вообще, как я посмотрю... Ну что ж, я полагаю, все это стоит затраченных денег!

Весь город интересовался отделкой квартиры. Плотники и маляры, не принимавшие непосредственного участия в работах, переходили через лужайку, чтобы заглянуть в окна, и восклицали: «Здорово! Вот так шик!» Дэйв Дайер, Гарри Хэйдок и Рэйми Вузерспун ежедневно осведомлялись: «Ну, как подвигается работа? Говорят, дом будет шикарнейший!»

Заинтересовалась даже миссис Богарт.

Миссис Богарт жила через улицу, за домом Кэрол. Она была вдова, видная баптистка и «образец добродетели». Она так тщательно воспитывала своих сыновей добрыми христианами, что один из них сделался содержателем бара в Омахе, другой – преподавателем греческого языка, а третий – Сайрус Богарт, мальчуган четырнадцати лет, который сидел еще дома, – был одним из самых отчаянных городских озорников.

Миссис Богарт принадлежала не к злобной разновидности «образцов добродетели» – то была ласковая, рыхлая, слезливая, вечно охающая, невыносимо скучная, нагоняющая тоску, неумоимо назойливая добродетель. В каждом большом птичнике можно найти таких старых негодующих кур, похожих на миссис Богарт, и даже на столе, когда их подают к воскресному обеду в жареном виде, с пышками, они не теряют этого сходства.

Кэрол заметила, что миссис Богарт наблюдает из своего бокового окна за ее домом. Кенникоты и миссис Богарт вращались в различных кругах, а это в Гофер-Прери означает совер-

шенно то же самое, что на Пятой авеню или на Мэйфере. Тем не менее почтенная вдова пришла с визитом.

Тяжело дыша, она вплыла в гостиную, вздохнула, подала Кэрол пухлую руку, вздохнула, метнула острый взгляд на приподнявшийся край юбки Кэрол, когда та заложила ногу за ногу, вздохнула, осмотрела новые голубые кресла, улыбнулась со смиренным придыханием и начала:

– Я давно уже собиралась к вам, дорогая, – мы ведь соседи, – но я хотела подождать, пока вы устроитесь... Вы должны непременно забежать ко мне... Сколько стоит такое кресло?

– Семьдесят семь долларов.

– Семье... господи помилуй! Ну что ж, я полагаю, если средства позволяют... Хотя мне иной раз кажется... как сказал однажды наш пастор в баптистской церкви... Кстати, мы еще не видели вас там, а между тем ваш муж вырос в баптизме, и я надеюсь, он не станет чуждаться храма: ведь все мы знаем, что ни разум, ни мирские блага, ни что-либо другое не может сравниться с простотой и внутренним величием нашей веры, и пусть говорят что угодно о пресвитерианской евангелической церкви, но, конечно, нет церкви, которая имела бы такую светлую, славную историю или была бы так верна истинному духу христианства, как баптистская церковь, и... В лоне какой церкви выросли вы, миссис Кенникот?

– Гм... девочкой в Манкейто я ходила в конгрегационную церковь, но мой колледж был универсалистский.

– Так! Но поистине, как говорит Библия, – кажется, это в Библии, по крайней мере я слышала это в церкви, – и как всякий признает, молодой жене приличествует принять мужнин сосуд веры; поэтому все мы надеемся увидеть вас в баптистской церкви и... Как я говорила, я вполне согласна с преподобным Зиттерелом в том, что величайшее горе нашего народа – это отсутствие в наше время подлинной веры: в церковь ходят мало, катаются по воскресеньям в машинах и бог знает что еще выдумывают. Все же я полагаю, что главное зло – это ужасное швыряние деньгами. Люди воображают, что им нужны то ванны, то телефоны в их домах... Я слыхала, что вы продаете по дешевке вашу старую мебель?

– Да.

– Ну, вам, конечно, оно виднее, моя милая, но я невольно думаю, что когда матушка Уила жила тут и вела его дом (она заходила ко мне, и даже часто), то для нее это была достаточно удобная мебель. Ну хорошо, хорошо, будет мне ворчать, я только хотела вам сказать, что если вы убедитесь, как мало можно полагаться на эту непоседливую молодежь вроде Хэйдоков и Дайеров – один бог знает, сколько денег спускает за год Хуанита Хэйдок! – тогда, может быть, вам приятно будет вспомнить, что глупая старая тетка Богарт всегда тут, на месте, и господь знает, – зловещий вздох, – надеюсь, у вас, и у вашего мужа все пойдет гладко, без болезней, и ссор, и мотовства, как это часто бывает с молодыми парами, и... Впрочем, мне пора бежать, дорогая! Мне очень приятно и... Непременно загляните ко мне как-нибудь. Как здоровье Уила? Мне казалось, что он немного осунулся.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем миссис Богарт окончательно выползла из входной двери. Кэрол вбежала назад в гостиную и распахнула окна. «От этой женщины остались следы пальцев в воздухе!» – сказала она.

II

Кэрол была расточительна, но она по крайней мере не пыталась оправдываться, как другие, которые ходят и причитают: «Я знаю, что трачу ужасно много, но ничего не могу с собой поделать!»

Кенникот никогда не думал о том, чтобы выдавать ей на расходы определенную сумму. Когда Кэрол девушкой сама зарабатывала себе на жизнь, она говорила своим сослуживцам по библиотеке, что, выйдя замуж, она непременно будет получать определенные «ассигнования»

и будет в этом отношении деловой и современной. Но это была слишком трудная задача – ласково доказать упрямому Кенникоту, что она не только веселый товарищ, но и практичная хозяйка. Она купила прихода-расходную книгу и аккуратно вела ее.

Вначале это было одним из развлечений медового месяца – мило просить и признаваться: «У нас ни цента в доме, дорогой мой!» – и получать в ответ: «Ты маленькая мотовка!» Но прихода-расходная книга показала ей, как шатко ее положение без постоянного прихода. В ней заговорило чувство собственного достоинства. Она негодовала при мысли, что ей постоянно приходится выклянчивать у мужа деньги, чтобы покупать для него же пищу. Ей разонравились его шутки о том, что он спасает ее от богадельни; поначалу они звучали смешно, но, конечно, перестали быть остроумными, когда он вздумал повторять их каждый божий день. И, право, небольшое удовольствие гнаться за ним по улице, если забудешь попросить денег за завтраком!

Однако она считала, что не может «задевать его чувства». Ему нравилось быть щедрым главою дома.

Чтобы просить приходилось реже, Кэрол сделала попытку брать в лавках в кредит, с тем чтобы счета посылались ему. Бакалейные товары, сахар, муку дешевле всего можно было купить в простой лавке Эксела Эгге. Однажды она сказала ему с милой улыбкой:

– Я хотела бы покупать у вас в кредит.

– Я торгую только за наличные, – проворчал Эксел.

Она вспыхнула.

– Вы, верно, не знаете, кто я?

– Ну что вы, конечно, знаю! Доктору я могу поверить. Но у меня такое правило. У меня низкие цены, но я торгую только за наличные.

Она поглядела на его неподвижное красное лицо и ощутила в пальцах постыдное желание ударить его, хотя разумом с ним соглашалась.

– Вы совершенно правы. Вы не обязаны отступать ради меня от своих правил.

Ее гнев не пропал даром. Он обратился на мужа. Ей спешно понадобились десять фунтов сахара, но денег не было. Она взбежала по лестнице в приемную Кенникота. На двери висела реклама какого-то средства от головной боли, а внизу табличка: «Доктора нет, вернется в...». Конечно, пустое место так и осталось незаполненным. Она топнула ногой и сбежала по лестнице вниз, в аптекарский магазин – клуб доктора.

Входя, она услышала голос миссис Дайер:

– Дэйв, мне нужны деньги!

Кэрол увидела своего мужа и еще двух мужчин, которые с улыбкой прислушивались к разговору супругов.

Дэйв Дайер огрызнулся:

– Сколько тебе надо? Доллара хватит?

– Нет, мало. Мне нужно купить кое-что из белья для детей.

– Господи помилуй! У нас этого добра полный шкаф. Все ящики набиты, я на днях искал свои охотничьи сапоги, едва доискался!

– Мало ли что! Белье все в дырах. Хочешь не хочешь, а дай мне десять долларов!

Кэрол видела, что миссис Дайер привыкла к таким унижениям. Она видела, что мужчины, в особенности Дэйв, смотрят на это как на особую забаву. Она ждала, зная, что за этим последует, и не обманулась.

– А где те десять долларов, что я дал тебе в прошлом году? – бросил Дэйв и оглядел остальных. Те расхохотались.

С холодным видом Кэрол подошла к Кенникоту и сказала:

– Поднимись вверх, мне нужно поговорить с тобой.

– Что такое? Случилось что-нибудь?

– Да!

Он поднялся за ней по лестнице в пустую приемную. Прежде чем он успел задать ей вопрос, она заявила:

– Вчера, проходя мимо трактира, я слышала, как немка-фермерша просила у мужа четверть доллара на игрушку для ребенка, и он не дал. Только что такое же унижение перенесла при мне миссис Дайер. И я... я в том же положении. Мне приходится просить у тебя денег. Каждый день! Только что мне сказали, что я не могу получить сахара, раз мне нечем заплатить!

– Кто это сказал? Да я сверну шею всякому, кто...

– Тише! Виноват не он, а ты. И я!.. Сейчас я у тебя смиренно прошу денег на покупку провизии. Но помни! В другой раз я просить не стану. Я лучше с голоду умру. Ты понял? Я не могу быть рабой.

Ее гнев и актерский пафос были исчерпаны.

Плача, прижалась она к его груди.

– Как ты можешь унижать меня?

– Ах, черт возьми! – забормотал Кенникот. – Ведь я хотел дать тебе. Совсем из головы вон! Клянусь, больше этого не будет. Ни в коем случае!

Он заставил ее взять пятьдесят долларов и впоследствии не забывал регулярно давать ей деньги... по крайней мере иногда.

Со дня на день она решала: «Мне необходима точно определенная сумма. Я должна быть более деловой. Нужна система. Я должна что-то предпринять!» И со дня на день ничего не предпринимала.

III

Своими жалобно-язвительными расспросами о новой мебели миссис Богарт навела Кэрол на мысли об экономии. Она обсудила с Би необходимость разумного использования того, что остается от обеда. Перечитала поваренную книгу, как ребенок разглядывая картинки и внимательно изучая разрубку туши быка, который бодро продолжал щипать траву, хотя и был разрезан на куски.

Но она не скупилась на расходы и радостно тратила деньги, готовясь к празднованию новоселья.

Все конверты и клочки бумаги в ее столе были испещрены списками. Она посылала заказы фруктовщикам в Миннеаполис. Переводила узоры и вышивала. Раздражалась, когда Кенникот подтрунивал над ней, говоря, что в доме «ужасный кавардак». Ей хотелось, чтобы ее вечер был первым ударом по убогим развлечениям Гофер-Прери. «Я расшевелю их! Я отучу их сидеть в гостях, как на заседаниях!»

Кенникот обычно смотрел на себя как на главу дома. По его желанию Кэрол сопровождала его на охоту, которую он считал лучшим удовольствием в жизни, по его желанию они ели на завтрак овсяную кашу, которая была в его глазах символом семейной добродетели. Но, вернувшись домой за два часа до празднования новоселья, он почувствовал себя рабом, незванным пришельцем, неловким, нерасторопным. Кэрол кричала:

– Разведи огонь, чтобы тебе не пришлось возиться с этим после ужина! И, ради создателя, убери с крыльца старый половик! И надень нарядную рубашку, ту – коричневую с белым. Почему ты так поздно? Неужели нельзя было поторопиться? Скоро время ужинать, а от этой публики можно ожидать, что они явятся в семь вместо восьми. Пожалуйста, поторопись!

Она нервничала и ничего не слушала, как примадонна в любительском спектакле, и Кенникоту пришлось смириться. Когда она сошла к ужину и остановилась в дверях, он ахнул. Она была как чашечка лилии на серебряном стебле. Волосы, собранные в высокую прическу, блестели черным стеклом. Глаза горели. Она напоминала хрупкий и драгоценный богемский бокал. Кенникот невольно встал из-за стола и пододвинул ей стул. И за ужином он все время

ел сухой хлеб, боясь, что она сочтет его невежей, если он скажет: «Пожалуйста, передай мне масло!»

IV

Она только что заставила себя успокоиться и не думать, понравится ли у нее гостям и сумеет ли Би как следует подавать, когда Кенникот, стоявший у окна в гостиной, крикнул:

– Кто-то уже идет!

Это были мистер и миссис Люк Доусон, явившиеся без четверти восемь. Затем медленной лавиной прибыла остальная аристократия Гофер-Прери: все лица вольных профессий, все, кто зарабатывал больше двух с половиной тысяч в год, все, у кого деда и бабки родились в Америке.

Еще в передней, снимая галоши, они пытались рассмотреть новую отделку квартиры. Кэрол видела, как Дэйв Дайер тайком переворачивал шитые золотом подушки, чтобы найти ярлычок с указанием цены, и слышала, как мистер Джулиус Фликербо, адвокат, захлебываясь, бормотал: «Чтоб мне провалиться!» – когда разглядывал ярко-красную драпировку под японским поясом. Ей стало весело. Но настроение у нее упало, когда она увидела, как парадно разодетые гости широким безмолвным кругом усаживаются вдоль стен гостиной. Она почувствовала себя так, словно какая-то таинственная сила перенесла ее на первый вечер у Сэма Кларка.

«Неужели я должна поднимать их с места одного за другим, как чугунные чушки? Не знаю, удастся ли мне развлечь их, но я, во всяком случае, доведу их до изнеможения!»

Кружась серебряным пламенем в темном кольце и притягивая всех своей улыбкой, она пропела:

– Я хочу, чтобы у меня было шумно и бесцеремонно! Сегодня настоящее крещение моего дома, и я хочу, чтобы мы все оказали на него дурное влияние – пусть это будет «дом вверх дном». Со своей стороны, предлагаю начать со старинных танцев. Мистер Дайер будет дирижировать.

Завели граммофон. Дэйв Дайер, худой, маленький, остроносый, с волосами цвета ржавчины, прыгал посреди комнаты, хлопая в ладоши и выкрикивая:

– Кавалеры направо – дамы налево!

Танцевали даже миллионеры Доусоны, Эзра Стоубоди и «профессор» Джордж Эдвин Мотт, и вид у них был только слегка дурацкий. Летая по комнате и ласково подбадривая всех гостей старше сорока пяти, Кэрол втягивала их в вальс и виргинский хоровод. Но когда она предоставила их самим себе, Гарри Хэйдок поставил уанстеп, и танцевать пошла только молодежь, а все более пожилые с застывшей улыбкой расползлись по креслам, как бы говоря: «Это уж не для меня, но я с удовольствием посмотрю, как пляшет молодое поколение!»

Половина из них молчала, другая возобновила не законченные в лавках разговоры. Эзра Стоубоди ломал себе голову, что бы такое сказать, потом подавил зевок и обратился к владельцу мельницы Лаймену Кэссу:

– Ну как, вы довольны печью, Лайм? А? Так-то.

«Не трогай их, не тормоши. Насильно их не заставишь веселиться», – предостерегала сама себя Кэрол. Но они глядели на нее отовсюду с ожиданием, и она снова убедила себя, что они так же не способны развлекаться сами, как не способны отвлеченно мыслить. Даже танцоры постепенно подчинились несокрушиму влиянию пятидесяти благовоспитанных, неодобрительно настроенных умов: пара за парой они садились у стены. Через двадцать минут гостиная Кэрол опять уже напоминала почтенное молитвенное собрание.

– Надо придумать что-нибудь интересное! – воскликнула Кэрол, обращаясь к своей новой подруге Вайде Шервин. При этом она заметила, как в воцарившейся тишине ее голос разнесся по всей комнате. Нэт Хикс, Элла Стоубоди и Дэйв Дайер сидели, сосредоточенно

глядя перед собою, тихонько шевеля губами и пальцами. И она, вдруг похолодев, поняла, что Дэйв повторяет свой «экспромт» о норвежце, который ловит курицу. Элла пробегает первые строчки «Моей старой любви», а Нэт вспоминает свою знаменитую пародию на речь Марка Антония.

– Этих «выступлений» в моем доме не будет! – шепнула она мисс Шервин.

– Вы правы. Но почему бы не попросить Рэймонда Вузерспуна спеть?

– Рэйми? Что вы, дорогая! Ведь это самый заунывный плакальщик в городе!

– Послушайте, милочка. Вы прекрасно умеете обставить и украсить дом, но о людях судите неправильно. Конечно, Рэйми лебезит перед всеми. Но он, бедняга, стремится к «самовыражению», а между тем у него нет никакой подготовки, он ничего не знает, кроме торговли обувью. Но у него есть голос. И когда-нибудь, уйдя из-под покровительства Гарри Хэйдока, он еще покажет себя.

Кэрол поспешила извиниться. Она вызвала Рэйми и заодно пресекла слишком явные намерения других «исполнителей»:

– Мы хотим послушать вас, мистер Вузерспун! Вы единственный знаменитый артист, которого я приглашаю выступить сегодня.

Рэйми покраснел и пробормотал, что гостям едва ли будет интересно его слушать. Но сейчас же откашлялся, побольше вытянул из верхнего кармана кончик носового платка и засунул пальцы между пуговицами жилетки.

Из симпатии к защитнице Рэйми и из желания «открывать новые таланты» Кэрол приготовилась восхищаться его пением.

Довольно скверным пасторским тенорком Рэйми пропел «Пташкой порхай», «Ты моя голубка» и «Когда ласточка прочь из гнезда улетает...».

Кэрол содрогалась от стыда за него, как бывает у впечатлительных людей, когда они слушают потуги оратора на остроумие или когда не по летам развитый ребенок при них плохо проделывает то, чего детям вообще и не полагается делать. Ей хотелось смеяться, когда Рэйми с важным и блаженным видом прикрывал глаза; ей хотелось плакать над жалким честолюбием, которое подобно ореолу исходило от его бледного лица, оттопыренных ушей и тусклых волос. Все же она старалась изобразить восторг – ради мисс Шервин, этой доверчивой поклонницы всего, что было или могло быть добрым, правдивым и прекрасным.

Когда третья орнитологическая песенка была окончена, мисс Шервин как бы очнулась от своих упоительных грез и, чуть дыша, шепнула Кэрол:

– Ах! До чего хорошо! Конечно, у Рэйми не такой уж необыкновенный голос, но не находите ли вы, что он вкладывает в свое пение удивительно много чувства?

Кэрол ответила наглой и великолепной ложью, хотя и не слишком оригинальной:

– О да, я нахожу, что чувства у него много!

Она увидела, что публика, чинно выслушав певца, совсем пала духом, оставив последнюю надежду на то, что ее позабавят. Тогда она воскликнула:

– А теперь сыграем в одну нелепую игру, которой я научилась в Чикаго! Для начала вам придется снять башмаки. А затем вы, вероятно, переломаете себе лопатки и коленные чашечки!

Недоверчивое внимание. Высоко поднятые брови без слов говорят, что жена доктора неприлично расшумелась.

– Для роли пастухов я отберу самых свирепых, вроде Хуаниты Хэйдок и меня самой. Остальные будут волками. Ваши башмаки – овцы. Волки выходят в переднюю. Пастухи разбрасывают свое стадо по всей комнате. Потом тушат свет, волки выползают из передней и в темноте стараются отнять овец у пастухов, которым разрешается делать что угодно, только не кусаться и не драться палками. Отбитые башмаки волки выбрасывают в переднюю. В игре обязаны участвовать все! Итак, начинаем! Башмаки долой!

Каждый из гостей поглядывал на остальных и ждал, чтобы кто-нибудь начал.

Кэрол сбросила свои серебряные туфельки. Все тотчас стали смотреть на ее ноги, но она не обратила на это внимания. Озадаченная, но преданная Вайда Шервин принялась расстегивать свои высокие черные ботинки. Эзра Стоубоди прокряхтел:

– Вы гроза стариков! Вы как те девушки, с которыми я скакал верхом в шестидесятых годах. Не привык я сидеть в гостях босиком, но что поделаешь!

Крякнув и сделав отчаянное усилие, Эзра стянул свои башмаки на резинках. Другие, пересмеиваясь, последовали этому примеру.

Когда овцы были загнаны, волки трусливо поползли в гостиную, взвизгивая, останавливаясь, неуверенно продвигаясь сквозь пустоту, навстречу скрытому врагу, таинственному и грозному среди этого мрака. Волки вглядывались в темноту, двигались ощупью, схватывали чьи-то руки, которые жили будто сами по себе, без тел, вздрагивали в радостном страхе. Действительность исчезла. Сразу поднялась кутерьма с воем и криками, потом послышался смех Хуаниты Хэйдок и удивленный голос Гая Поллока:

– А-а! Пустите! Вы сдерете с меня скальп!

Миссис Люк Доусон поспешила выбраться на четвереньках в освещенную переднюю и простонала:

– Я, кажется, в жизни никогда еще так не волновалась!

Ее солидность как рукой сняло, и она с восторгом повторяла: «В жизни никогда...» – видя, как сама собой распахивается дверь гостиной и оттуда вылетают башмаки. А из темноты за дверью неслось рычание и топот, и чей-то голос трубил:

– Вот тут много сапог! Волки, сюда! У-у! Чья возьмет?

Когда Кэрол внезапно зажгла свет в комнате, обратившейся в поле битвы, половина гостей сидела кругом, прижавшись к стенам, где они предусмотрительно оставались во все время сражения, но посреди, на полу, Кенникот боролся с Гарри Хэйдоком. Воротнички у них расстегнулись, всклокоченные волосы падали на глаза. Похожий на сову мистер Джулиус Фликербо отступал перед Хуанитой, захлебываясь от непривычного смеха. Скромный коричневый галстук Гая Поллока висел у него на спине. На изящной блузке молоденькой Риты Саймонс не доставало двух пуговиц, отчего полное плечико оказалось открытым больше, нежели это считалось приличным в Гофер-Прери. То ли от неожиданности, то ли от негодования, от боевого пыла или физических усилий, но, так или иначе, со всех слетела многолетняя корка социальных условностей. Джордж Эдвин Мотт хихикал; Люк Доусон теребил свою бороду; миссис Кларк с жаром рассказывала:

– Знаешь, Сэм, я тоже играла! И мне достался башмак! Вот уж никогда не думала, что смогу так яростно драться!

Кэрол чувствовала себя великой реформаторшей.

В порыве милосердия она принесла гребенки, зеркальца, щетки, иголки и нитки. Она позволила гостям восстановить божественную благопристойность пуговиц.

Би, ухмыляясь, принесла груды мягких, сложенных в несколько раз листов бумаги с изображением цветов лотоса, драконов, обезьян, голубых, алых, серых и пурпурных птиц, порхающих среди светло-зеленых деревьев неведомых долин.

– Это настоящие китайские маскарадные костюмы, – объявила Кэрол. – Я выписала их из Миннеаполиса. Наденьте их поверх платьев, забудьте, что вы жители Миннесоты, и превратитесь в мандаринов, кули и... и самураев – кажется, есть такие? – и вообще во что только вам заблагорассудится!

Пока они смущенно шуршали бумажными костюмами, она исчезла. Через десять минут она поглядела с лестницы вниз на их смешные румяные американские лица и восточные одеяния и крикнула:

– Принцесса Винки-пу приветствует свой двор!

Когда они подняли глаза, она увидела в них выражение подлинного восторга. Перед ними была воздушная фигурка в шароварах и кафтане из зеленой парчи с золотыми шнурами. Высокий золотой воротник упирался в гордо поднятый подбородок. В черных волосах сверкали нефритовые шпильки. Вытянутая рука плавно колыхала павлиний веер. Когда она изменила позу и улыбнулась гостям, то увидела, что Кенникот чуть не лопается от супружеской гордости, а седой Гай Поллок глядит на нее умоляющими глазами. С минуту она не различала среди всей розовой и коричневой массы лиц ничего, кроме этих жадных взоров двух мужчин.

Она стряхнула чары и сбежала вниз.

– Теперь мы устроим настоящий китайский концерт! Поллок, Кенникот и хотя бы Стоубоди будут барабанщиками, остальные – певцами и флейтистами.

За флейты сошли гребешки с папиросной бумагой; барабанами служили табуретки и рабочий столик. Лоран Уилер, редактор «Неустрашимого», руководил оркестром с линейкой в руках и без малейшего чувства ритма. Музыка напоминала призывные звуки тамтама перед шатром предсказателя судьбы на миннесотской ярмарке, тем не менее все общество колотило, дудело, свистело с великим усердием.

Не успели гости выбиться из сил, как Кэрол выстроила их словно для торжественного шествия и, приплясывая, повела в столовую, где их ожидали голубые чашки с китайским рагу, орехами и имбирем в сиропе.

Никто, кроме побывавшего в разных городах Гарри Хэйдока, даже не слышал ни о каких китайских блюдах, не считая баранины с соей. С опаской разгребали они побеги бамбука, добываясь до золотисто подрумянившейся лапши, а Дэйв Дайер вместе с Нэтом Хиксом исполнил не слишком остроумный китайский танец. Было много шума и веселой возни.

Кэрол почувствовала себя вдруг страшно утомленной. Ведь она всю тяжесть взвалила на свои хрупкие плечи. Больше она не могла. С грустью вспомнила она о своем отце, таком мастере по части сумасбродных вечеринок. Ей пришлось в голову выкурить папиросу и тем шокировать гостей, но она тотчас же отбросила эту непристойную мысль. «Неужели, – подумала она, – их не заставишь хотя бы пять минут кряду разговаривать о чем-нибудь интересном, а не о том, какой зимний верх для своего „форда“ купил Кнут Стамквист или что сказал Эл Тингли про свою тещу? А ну их! – вздохнула она. – Я достаточно потрудились». Она скрестила ноги в шароварах и, устроившись поудобней, занялась имбирем... Поймав тихую, восторженную улыбку Поллока, она похвалила себя за то, что сумела бросить розовый луч на бледного адвоката, но тут же раскаялась в еретической мысли, что на свете существуют другие мужчины, кроме ее мужа. Вскочила, разыскала Кенникота и шепнула ему:

– Ты доволен, господин мой?.. Не бойся, это стоило недорого!

– Прекрасный вечер. Невиданный. Только... не клади ногу на ногу в этом костюме. Слишком ясно обрисовываются колени.

Кэрол рассердилась. Ее возмутила его бестактность. Вернувшись к Гаю Поллоку, она принялась беседовать с ним о верованиях китайцев. Сама она о китайской религии не знала ничего, зато он читал об этом и вообще, сидя в одинокие вечера в своей конторе, прочел по крайней мере по одной книге обо всем на свете. Тощий, немолодой Гай превратился в ее воображении в румяного юношу, и они вдвоем скрылись на далекий остров в Желтом море болтовни, как вдруг она заметила, что гости начали покашливать. А это на всеобщем бессознательном языке означало, что они хотят уйти домой и лечь спать.

Начались заверения в том, что «ее прием был просто замечательный и самый лучший на свете – о, все было так остроумно и оригинально!». Она прилежно улыбалась, и пожимала руки, и высказывала полагающиеся пожелания насчет детей, и просила всех хорошо закутаться, и хвалила пение Рэйми и ловкость Хуаниты Хэйдок в играх. Потом они с мужем остались одни в доме, полном тишины, крошек и обрывков китайских костюмов, и она устало прильнула к Кенникоту.

– Ну, Кэрри, ты настоящее чудо, – ласково сказал он, – и ты, пожалуй, права, что так тормозишь публику. Теперь, когда ты им показала, как надо веселиться, они уже больше не будут устраивать свои старые вечеринки с «номерами» и прочей скукой. Оставь! Ничего не трогай! Хватит с тебя! Марш в кровать, а я приберу.

Его умные руки хирурга погладили ее по плечу, и досада на его грубоватость растворилась в сознании его силы.

V

Выдержка из «Неустранимого»:

«Одним из самых приятных событий общественной жизни за последние месяцы было новоселье доктора и миссис Кенникот, отпразднованное в среду вечером в их прелестном, отделанном заново в модных тонах доме на Поплар-стрит. Доктор и его жена приготовили для своих многочисленных друзей оригинальные развлечения, в том числе китайский оркестр в настоящих причудливых китайских костюмах. Дирижировал оркестром редактор нашей газеты. Гостям было предложено изысканное угощение в чисто восточном вкусе. Все присутствовавшие остались чрезвычайно довольны проведенным временем».

На следующей неделе был прием у Дэшуэв. Круг плакальщиков весь вечер не покидал своих мест, и Дэйв Дайер исполнил «номер» с норвежцем и курицей.

Глава седьмая

I

Гофер-Прери укладывался на зимовку. В конце ноября и весь декабрь снег шел каждый день. Термометр стоял на нуле и угрожал упасть еще градусов на двадцать или тридцать. Зима в северных областях Среднего Запада – это не просто время года, это колоссальный труд. У каждой двери сооружались заграждения от метели. На всех улицах можно было видеть, как почтенные домохозяева – Сэм Кларк, богач мистер Доусон – все, кроме астматика Эзры Стоубоди, позволившего себе роскошь нанять мальчика, – карабкаются с опасностью для жизни по лестницам, спеша вставить зимние рамы в окна второго этажа.

Кенникот тоже вставил вторые рамы, и, пока он трудился за окном, Кэрол прыгала в спальне и кричала, чтобы он не проглотил винты, которые он держал во рту, а они смешно торчали, точно железные вставные зубы.

Верным признаком прихода зимы служило появление в домах Майлса Бьернстама, высокого, плотного рыжеусого холостяка, закоренелого атеиста, спорщика и мастера на все руки. Дети любили его, и он часто бросал работу, чтобы рассказывать им невероятные истории о морских путешествиях, о лошадях и медведях. Родители либо смеялись над ним, либо тихо его ненавидели. Он был единственный демократ в городе: он одинаково называл по имени и богатого мельника Лаймена Кэсса и бедного финна-крестьянина с Дальнего озера. Его прозвали «красным шведом» и считали немного помешанным.

Бьернстам умел делать что угодно: запаять кастрюлю, сварить автомобильную рессору, успокоить взбесившуюся лошадь, починить часы, вырезать из дерева шхуну и таинственным образом вставить ее в бутылку. Теперь целую неделю он был в Гофер-Прери главным. Он был единственный человек, кроме механика в лавке Сэма Кларка, который разбирался в водопроводных системах. Все просили его осмотреть печи и трубы отопления. Он бегал из дома в дом до десяти вечера. Вода из лопнувших труб сосульками застывала на его кожаной куртке. Плюшевая кепка, которой он никогда не снимал, входя в дом, обратилась в ком смерзшейся угольной пыли. Красные руки растрескались. Из рта торчал окуроч сигары.

С Кэрол он был очень вежлив. Нагнулся осмотреть топку водогрейного котла, потом выпрямился, поглядел на хозяйку дома и буркнул:

– Уж как там будет с остальной работой, не знаю, а вашу печь придется починить!

Более бедные дома Гофер-Прери, для которых услуги Майлса Бьернстама были недоступной роскошью, – а к таким принадлежала и лачуга самого Майлса Бьернстама, – хозяева до самых подоконников завалили землей и навозом. Для защиты путей от заносов вдоль железной дороги установили разборные снеговые щиты, из которых на лето составлялись романтические деревянные шалаши – излюбленное место игр городских мальчишек.

Фермеры приезжали в город на самодельных санях, устланных сеном и прикрытых стегаными одеялами.

Полушубки, меховые шапки и рукавицы, боты чуть ли не до колен, серые вязаные трехметровые шарфы, толстые шерстяные носки, парусиновые куртки, подбитые пушистой желтой, точно утята, шерстью, мокасины, красные фланелевые напульсники для обветренных мальчишеских запястий – все эти средства защиты от мороза, пересыпанные нафталином, поспешно извлекались из ящиков и сундуков, и по всему городу раздавались детские голоса: «Посмотри-ка на мои рукавицы! А какие у меня гамаши!» На северных равнинах переход от душного лета

к суровой зиме так резок, что дети каждый раз с удивлением и гордостью открывают в своих домах эти доспехи героев-полярников.

Разговоры о зимней одежде вытесняли даже сплетни на вечеринках. Весьма светским считался вопрос: «Носите ли вы уже шерстяное белье?». В различиях теплой одежды были такие же тонкие оттенки, как в марках автомобилей. Люди попроще ходили в желтых и черных кожаных куртках, но Кенникот щеголял в длинной енотовой шубе и новой котиковой шапке. Когда снег был слишком глубок для его машины, он разъезжал по больным в сверкающих высоких санях, и только покрасневший нос и сигара выглядывали из меха.

Сама Кэрол поразила Главную улицу свободной шубкой из нутрии. Шелковистый мех был так приятен на ощупь!

Теперь, пока город был разбит автомобильным параличом, ее главным занятием стало устройство развлечений на открытом воздухе.

Автомобили и бридж-вист не только обострили социальные различия в Гофер-Прери, но также уменьшили подвижность жителей. Ведь как это роскошно: сидишь и правишь, да и так просто! Кататься на лыжах или на санях считалось «глупым» и «старомодным». Городашки так же стремились к элегантным столичным развлечениям, как большие города – к деревенским забавам на свежем воздухе. И Гофер-Прери не меньше гордился своим пренебрежением к катанию с гор, чем Сент-Пол или Нью-Йорк – своим пристрастием к этому развлечению. Все же в середине ноября Кэрол удалось устроить катание на коньках. На Ласточкином озере сверкал серо-зеленый, звенящий под коньками лед. Обледенелый камыш у берега шуршал от налетавшего ветра. Ветви дубов с последними упрямыми листьями вырисовывались на молочном небе. Гарри Хэйдок делал восьмерки, и Кэрол была в полном восторге. Но когда снегопады положили этому конец и она предложила поехать кататься при луне на санях, матроны долго не хотели расстаться со своими радиаторами и ежедневным столичным бридж-вистом. Ей пришлось насильно тащить их. Они съехали с отлогого холма, опрокинулись, набрали снегу за воротник, кричали, что сейчас же съедут еще разок, и... раз и навсегда бросили это дело.

Другую группу Кэрол уговорила пойти на лыжах. Они перекликались, швыряли друг в друга снежками, уверяли ее, расходясь, что им было страшно весело и что они немедленно соберутся в новую лыжную экскурсию, а потом с радостью вернулись домой и никогда больше не изменяли бриджу.

Кэрол растерялась. Она была благодарна Кенникоту, когда он позвал ее с собой в лес охотиться на кроликов. Она бродила под безмолвными лесными сводами среди обгорелых пней и обледенелых дубов, по сугробам, которые мыши, птицы и кролики испещрили миллионами иероглифов. Она вскрикивала, когда Кенникот прыгал на кучку хвороста и стрелял в пробежавшего кролика. Он был на месте здесь, в лесу, такой мужественный, в теплой куртке, свитере, высоких шнурованных сапогах. В этот вечер она с большим аппетитом ела бифштекс с жареным картофелем; трогала ухо мужа кончиками пальцев, вызывая электрические искры; спала двенадцать часов; проснулась с мыслями о том, как прекрасна эта благодатная страна.

Ее разбудило солнце, игравшее на снегу. Набросив шубку, она пошла в город. Морозный дым вился над крышами к небу, бледному, как цветы льна. Звенели колокольчики саней, приветственные возгласы громко раздавались в легком, бодрящем воздухе, и отовсюду доносился размеренный звук пилы. Была суббота, и сыновья соседей заготавливали дрова. За поленищами во дворах стояли козлы, осыпанные канареечно-желтыми хлопьями опилок. Рамы лучковых пил были вишнево-красные, стальные полотна отливали голубым, а на свежестопиленных тополях, кленовых и березовых поленьях виднелись кольца годичных слоев. Мальчики были в разноцветных мокалинах и синих фланелевых рубашках с огромными перламутровыми пуговицами.

– Вот так погода! – крикнула Кэрол мальчикам.

Вся раскрасневшаяся, вошла она в бакалейную Хоуланда и Гулда. Воротник ее заиндевел от дыхания. Она купила банку томатов, словно это были некие редкие восточные фрукты, и вернулась домой, собираясь поразить мужа креольским омлетом к обеду.

Снег искрился так ослепительно, что, придя домой, она увидела, как кнопка звонка у двери, газеты на столе и вообще все белые предметы превратились в ярко-лиловые, а в голове у нее словно кружился бешеный фейерверк. Когда глаза отдохнули, она почувствовала себя сильной, опьяненной здоровьем, властительницей жизни. Мир был так великолепен, что она присела в гостиной за свой шаткий столик и попыталась написать стихотворение. Она не пошла дальше начала: «Солнце сияет. Синее небо гладь. Непогодам больше не бывать!».

В этот день Кенникота вызвали на одну из ферм. У Би был выходной день, и та отправилась на лютеранскую танцевальную вечеринку. С трех часов дня до полуночи Кэрол оставалась одна. Устав читать в журналах истории о чистой любви, она села возле радиатора и задумалась. Таким образом она сделала случайное открытие, что ей нечего делать.

II

Она уже пережила, рассуждала она, новизну впечатлений от города и людей, от катания на коньках и санях и от охоты. Би оказалась очень толковой. В доме не оставалось работы, кроме шитья, штопки и помощи Би при уборке комнат. Кэрол не могла также удовлетворить свою жажду творчества изобретением блюд к обеду. В мясной Даля и Олсена нельзя было развернуться, тут можно было лишь грустно осведомиться, есть ли сегодня что-нибудь, кроме говядины и свинины. Мясо было такое, что его приходилось разделять не ножом, а топором. Бараньи котлеты были здесь таким же заморским чудом, как акульи плавники. Лучшие сорта мяса торговцы отправляли в большие города, где цены стояли выше.

В остальных лавках тоже не было никакого выбора. Во всем городе Кэрол не могла достать гвоздя со стеклянной шляпкой, чтобы повесить картину. Она даже не пыталась искать ткань для вуали, какую ей хотелось, – просто брала, что давали. И только у Хоуланда и Гулда была такая роскошь, как консервированная спаржа. Дом требовал лишь обыденных, повседневных, скучных забот. Чтобы заполнять свободное время, нужно было соваться в чужие дела, как вдова Богарт.

Работа на стороне была недоступна Кэрол. Для жены врача это было неприлично.

Ее мозг жаждал работы, но работы не было.

У нее оставалось только три возможности: рожать детей, начать давно задуманные преобразования или настолько слиться с самим городом, чтобы истратить свою энергию на посещения церкви и образовательного клуба и игру в бридж.

Дети – да, она хотела бы их иметь, но... она еще не вполне к этому готова. Вначале ее смутила и поразила откровенность Кенникота, но она согласилась с ним, что при современном ненормальном положении вещей в обществе, когда воспитание молодых граждан разорительнее и опаснее всякого преступления, разумнее подождать с детьми, пока у мужа будет больше денег. Она огорчалась. Не сводил ли он на нет своей осторожностью самое таинство любви? Она отгоняла эту мысль неуверенным «когда-нибудь»...

Ее «реформы», ее стремление придать грубой Главной улице красоту стали довольно расплывчатыми. Но теперь она осуществит их. Непременно! Она клялась в этом, нежным кулачком стуча по радиатору. Но, несмотря на все обеты, она не имела ни малейшего представления о том, как и с чего начать свой крестовый поход.

Слиться с городом воедино. Ее мысль заработала с неприятной отчетливостью. Ведь она еще не знает, любят ли ее в городе! Встречаясь с дамами за послеобеденным кофе, с торговцами в лавках, она так засыпала их своими замечаниями и прихотями, что не давала им случая обнаружить свое мнение о ней. Мужчины улыбались, но нравилась ли она им? Она была ожив-

ленна в кругу женщин, но принадлежала ли она к этому кругу? Ее не очень-то часто посвящали в шепотом передаваемые городские сплетни – эту святая святых Гофер-Прери.

Отравленная сомнениями, она легла спать.

На следующий день, делая покупки, она наблюдала. Дэйв Дайер и Сэм Кларк были любезны, как только можно было пожелать. Но не прозвучала ли нота безразличия в отрывистом «Как поживаете?» Чета Дэшуэ? Бакалейщик Хоулэнд был лаконичен. Или это просто его обычная манера?

«Можно сойти с ума, когда нужно считаться с тем, что люди о тебе думают. В Сент-Поле это меня не интересовало. А здесь за мной следят. Но я не дам себя смутить!» – твердила она про себя, взвинченная собственными мыслями и оскорбительным чувством беспомощности.

III

Оттепель, смывшая с тротуаров снег. Потом звонкая, как кандалы, ночь, когда слышно, как трещит лед на озерах, и ясное, бодрое утро. В свитере и берете с помпоном Кэрол чувствовала себя ученицей колледжа, отправляющейся играть в хоккей. Ей хотелось крикнуть, ноги порывались бежать. Возвращаясь с покупками домой, она поддалась этому желанию, как поддался бы молодой щенок. Промчалась мимо ряда домов и, перескакивая с тротуара через кучу талого снега, по-мальчишески крикнула: «Гоп-гоп!»

Она заметила, что на нее, открыв рот, смотрят из окна три старухи; этот тройной взгляд подействовал на нее парализующе. В окне с другой стороны улицы осторожно зашевелилась занавеска. Кэрол остановилась и пошла дальше степенной походкой, вновь превратившись из девочки Кэрол в докторшу Кенникот.

С тех пор уже никогда больше не чувствовала она себя достаточно юной, достаточно смелой и достаточно свободной, чтобы бегать по улице и кричать. На следующем еженедельном бридже «Веселых семнадцати» она держала себя как вполне благовоспитанная молодая дама.

IV

«Веселые семнадцать», число которых колебалось от четырнадцати до двадцати шести, представляли собой карниз социального здания Гофер-Прери. Принадлежать к ним значило принадлежать к избранному обществу. Многие из них входили также в состав образовательного Танатопсис-клуба, но это не мешало «Веселым семнадцати» как обособленному целому фыркать на Танатопсис и считать его мещанским и чванным.

Большинство «Веселых семнадцати» составляли молодые женщины, мужья которых считались «членами-соревнователями». Раз в неделю устраивался дамский послеобеденный бридж. Раз в месяц мужья приглашались на ужин и вечерний бридж. Два раза в год танцевали в зале масонской ложи. Тогда весь город приходил в раж. Только на ежегодных балах пожарной команды и секты Восточной звезды было столько же пестрых шарфов, и танго, и сердечества, но эти соперничавшие организации не принадлежали к элите: на балы пожарных приходили служанки с грузчиками и рабочими. А на вечер «Семнадцати» Элла Стоубоди однажды была в городской карете, которой до этого пользовались только на похоронах, а Гарри Хэйдок и Терри Гулд всегда появлялись во фраках – единственных на весь город.

Ближайший – после одиноких размышлений Кэрол – дневной бридж состоялся у Хуаниты Хэйдок. Входная дверь ее нового бетонного особняка была из полированного дуба, окна – с зеркальными стеклами. В оштукатуренной передней стоял горшок с папоротником, а в гостиной можно было видеть кресла мореного дуба, шестнадцать олеографий и квадратный лакированный стол с плетеной салфеточкой. На столе лежали иллюстрированный журнал и колода карт в кожаном футляре с выжженным рисунком.

Вошедшую Кэрол обдало жаром от печки. Игра была уже в полном разгаре. Кэрол много раз собиралась, но так и не научилась играть в бридж. Ей пришлось с улыбкой просить извинения у Хуаниты; ее самолюбие от этого страдало.

Миссис Дэйв Дайер – не лишенная миловидности, болезненная женщина, посвящавшая свое время религии, лечению и сплетням, – погрозила Кэрол пальцем и пропела:

– Вы нехорошая! Вы, кажется, не цените, что вас так легко приняли в число «Веселых семнадцати»!

За соседним столиком миссис Чет Дэшуэй подтолкнула локтем соседку. Но Кэрол старалась, насколько возможно, изображать трогательное простодушие. Она зашебетала:

– Вы совершенно правы. Я такая лентяйка! Сегодня же вечером заставлю Уила поучить меня.

В ее щебете звучало и пасхальное оживление, и рождественская умильность. Про себя же она думала: «Неужели не довольно сахарина?» Она села в самую маленькую качалку, олицетворяя викторианскую скромность. Но она видела или ей казалось, что те же женщины, которые встречали ее ласковым воркованьем при ее первом появлении в Гофер-Прери, теперь ограничивались небрежным кивком.

Во время перерыва первого роббера она обратилась к миссис Джексон Элдер:

– Не покатайтесь ли нам опять в ближайшие дни на санках?

– Холодно сейчас валяться в снегу, – равнодушно отозвалась миссис Элдер.

– Терпеть не могу, когда снег попадает за воротник, – добавила миссис Дэйв Дайер, недружелюбно взглянув на Кэрол.

Потом, повернувшись к ней спиной, она обратилась к Рите Саймонс:

– Милая, не забежите ли ко мне вечером? Я получила чудесные узоры для вышивок и хотела бы показать их вам.

Кэрол снова съежилась в своем кресле. Они говорили о картах, а на нее не обращали внимания. Но она не привыкла подпирать стенку. Она боролась со своей раздражительностью, зная, что стоит поверить, что тебя не любят, и тебя вправду не будут любить. Однако терпения у нее в запасе было мало, и, когда по окончании второго роббера Элла Стоубоди насмешливо спросила ее: «Я слыхала, вы выписываете из Миннеаполиса платье для следующего вечера?» – Кэрол с ненужной резкостью ответила: «Еще не знаю».

Она немного утешилась, видя, с каким восхищением юная Рита Саймонс разглядывает стальные пряжки на ее туфлях, но ее задел за живое едкий вопрос миссис Хоулэнд:

– Не находите ли вы, что ваш новый диван слишком широк и поэтому неудобен?

Она кивнула, потом покачала головой и предоставила миссис Хоулэнд сделать из этого какой угодно вывод. Но ей тут же захотелось помириться. Она сама чуть не растаяла от сладости, с какой она обратилась к миссис Хоулэнд:

– Я в восторге от нового мясного бульона, который продается в лавке вашего мужа.

– Да-да! Гофер-Прери не так уж отстал от времени! – съязвила миссис Хоулэнд.

Кто-то хихикнул.

Их шпильки разжигали в Кэрол высокомерие. Ее высокомерие провоцировало их на новые шпильки. Между ними готова была вспыхнуть настоящая война, но положение было спасено появившейся в эту минуту закуской.

Хотя Хуанита Хэйдок и держалась настолько передовых взглядов, что признавала чашки для полоскания пальцев, салфеточки и резиновые коврики в ванной, все же ее «угощение» было типично для всякого дневного приема в Гофер-Прери. Миссис Дайер и миссис Дэшуэй, ближайшие подруги Хуаниты, раздавали каждой гостье большую обеденную тарелку с ложкой, вилок и кофейной чашечкой без блюдца. Переступая через ноги гостей, они извинялись и болтали о только что закончившейся игре. Потом они разлили кофе из эмалированного кофейника и обнесли всех горячими хлебцами с маслом, фаршированными маслинами, картофель-

ным салатом и «райским кексом». В отношении яств даже в самых строгих кругах Гофер-Прери существовала некоторая свобода. Маслины могли быть и нефаршированные. В некоторых домах горячие хлебцы с маслом заменялись бубликами. Но во всем городе не было другой еретички, кроме Кэрол, которая позволила бы себе не подать гостям «райский кекс».

Ели они непомерно много. У Кэрол мелькнуло подозрение, что расчетливые хозяйки наедаются, чтобы потом не ужинать дома.

Она старалась принять участие в общем разговоре и пробралась к миссис Мак-Ганум, молодой даме с грудью и руками простой батрачки и громким запоздалым смехом, представлявшим резкий контраст с ее серьезным лицом. Миссис Мак-Ганум была дочерью старого доктора Уэстлейка и женой доктора Мак-Ганума, компаньона Уэстлейка. Кенникот неодобрительно отзывался и об Уэстлейке, и о Мак-Гануме, и об их породнившихся семьях, утверждая, что они просто обманщики. Но Кэрол они нравились.

– Как сегодня горлышко вашего малыша? – дружелюбно обратилась она к миссис Мак-Ганум.

И внимательно слушала, пока миссис Мак-Ганум, раскачиваясь в качалке и не прекращая вязания, неторопливо описывала ход болезни.

Вайда Шервин пришла после уроков вместе с городской библиотекаршей мисс Этель Виллетс. Присутствие оптимистической мисс Шервин придало бодрости Кэрол. Она разговаривалась:

– На днях я ездила с Уилом почти до самого Уэкиниана. Как чудесно за городом! И мне так нравятся фермеры-скандинавы, их огромные красные амбары и доильные машины. Кто из вас знает одинокую лютеранскую церковку с серым железным шпилем, которая стоит там на холме? Она стоит такая беззащитная, такая... мужественная. Мне кажется, что эти скандинавы – самые милые и трудолюбивые люди на свете.

– Вы находите? – возразила миссис Джексон Элдер. – Муж говорит, что на лесопилке со шведами прямо сладу нет. Они такие тихони, такие хитрые и без конца требуют прибавки! Если не держать их в узде, они прямо погубят все дело.

– Да, а как прислуга они прямо кошмарны! – простила миссис Дэйв Дайер. – Клянусь, я из кожи вон лезу, чтобы угодить моим служанкам, когда они у меня есть. Чего я только для них не делаю! Они могут в любое время принимать на кухне своих кавалеров, и едят они то же, что и мы, когда остается от стола, и я прямо боюсь им слово сказать.

– Все они неблагодарные! – затараторила Хуанита Хэйдок. – Что делать с прислугой, я просто ума не приложу... Не знаю, до чего мы дойдем, если это скандинавское мужичье будет вытягивать у нас последний цент. Они невежественны и нахальны, теперь им, видите ли, подавай ванны и все такое, а ведь у себя дома они были счастливы, если могли вымыться в простой лохани!

Они оседлали своего любимого конька и мчались во весь опор.

Кэрол подумала о Би и едко возразила:

– Но, может быть, хозяйки сами виноваты в неблагодарности служанок? Из поколения в поколение мы кормили их объедками и заставляли спать в дрянных каморках. Я не хочу хвастаться, но должна сказать, что с Би у меня нет больших хлопот. Она очень приветлива. Скандинавы вообще прилежны и честны...

– Честны? – фыркнула миссис Дэйв Дайер. – Вы считаете это честным, если они грабят вас на своем жалованье, как только могут? Меня, правда, пока еще ни разу не обокрали, ничего не скажу, но не знаю, честно ли это – столько жрать, что ростбифа едва хватает на три дня. Во всяком случае, пусть не воображают, что они могут надуть меня! Я всегда велю им при мне перекладывать сундучки: так я по крайней мере спокойна, что у них не будет искушения обмануть меня из-за попустительства с моей стороны.

– Сколько получает здесь прислуга? – решила спросить Кэрол.

Миссис Гауджерлинг, жена банкира, возмущенно ответила:

– По-разному, от трех с половиной до пяти с половиной в неделю. Мне доподлинно известно, что миссис Кларк, хоть сама клялась, что больше не уступит их нахальным требованиям, взяла и согласилась платить пять с половиной! Вы только подумайте: чуть ли не по доллару в день за простую работу и, конечно, с хозяйским столом, и комнату им дают, и они могут стирать свое белье вместе с остальным! А сколько платите вы, миссис Кенникот?

– Да. Сколько вы платите? – раздалось несколько голосов.

– Я?.. Я плачу шесть в неделю, – неуверенно произнесла Кэрол.

Все ахнули. Хуанита заявила:

– А вы не думаете, что платить так много – нехорошо по отношению ко всем нам?

Остальные грозно уставились на Кэрол.

Она рассердилась:

– Я не согласна! У служанок очень тяжелая работа. Они трудятся от десяти до восемнадцати часов в день. Им приходится мыть жирную посуду и стирать грязное белье. Они возятся с детьми, выбегают к двери с мокрыми, потрескавшимися руками и...

Миссис Дэйв Дайер яростно прервала речь Кэрол:

– Может быть, но, поверьте, я все это делаю сама, когда у меня нет прислуги, а это очень часто случается с людьми, которые не хотят уступать нахам и платить бешеные деньги!

Кэрол пыталась возражать:

– Но служанка мается для чужих людей и ничего не получает за это, кроме жалованья...

Женщины враждебно глядели на нее. Говорили сразу четверо. И только резкий, диктаторский голос Вайды Шервин положил конец этой перепалке:

– Потихе, потихе! К чему такие страсти и этот нелепый спор? Вы все принимаете это слишком всерьез. Будет! Кэрол Кенникот, вы, вероятно, правы, но вы опережаете время. Хуанита, не смотрите так воинственно! Что тут – дамы играют в карты или курицы дерутся? Кэрол, перестаньте любоваться собой и воображать себя Жанной д'Арк – заступницей служанок, а то я вас отшлепаю! Подите сюда и поболтайте о библиотечных делах с Этель Виллетс. Т-ш-ш! Если я снова услышу кудяхтанье, я примусь за птичник как следует!

Все деланно рассмеялись, и Кэрол послушно начала «болтать о библиотечных делах».

Провинциальный особняк, разговор жены провинциального врача с женой провинциального лавочника, провинциальная учительница, шумная перебранка на тему о том, следует ли платить служанке лишний доллар. Но эта пустячная сцена была отголоском заговоров, заседаний министерских кабинетов и рабочих конференций в Персии и Пруссии, в Риме и Бостоне, и ораторы, воображавшие себя народными вождями, были всего лишь рупорами миллиардов Хуанит, нападавших на миллион вот таких Кэрол, или ста тысяч Вайд Шервин, пытавшихся усмирить бурю.

Кэрол была недовольна собой. Она решила быть любезной со старообразной мисс Виллетс, но тотчас же вновь преступила законы приличия.

– Мы еще не видели вас в библиотеке, – укоризненно заметила мисс Виллетс.

– Я столько раз хотела забежать, но мне нужно было устраиваться... Я, наверное, буду приходить к вам так часто, что надоем вам! Я слыхала, что у вас прелестная библиотека.

– Многим нравится. У нас на две тысячи томов больше, чем в Уэкаmine.

– Вот как! И это все, наверно, благодаря вам. Я тоже немного познакомилась с библиотечным делом в Сент-Поле.

– Да, я слыхала. Но не могу сказать, чтобы я всецело одобряла библиотечные методы больших городов. Разве мыслимо позволять бродягам и всяким грязно одетым субъектам чуть ли не спать в читальных залах?

– Я знаю, но эти бедняги... Впрочем, я уверена, что вы согласны со мной в одном: главная задача библиотекаря – приохотить людей к чтению.

– Это ваше мнение? А мое мнение, миссис Кенникот, и я могу сослаться на слова библиотекаря одного очень большого колледжа, что первый долг добросовестного библиотекаря – сохранять книги в порядке.

– О-о!

Кэрол сейчас же пожалела об этом «о-о!». Мисс Виллетс сурово выпрямилась и перешла в нападение:

– Не знаю, может быть, в большом городе, где средства неограниченные, библиотеки и могут терпеть, чтобы невоспитанные дети портили и просто нарочно рвали книги. И чтобы нахальным молодым людям выдавалось больше книг, чем предусмотрено правилами. Но у себя в библиотеке я этого допускать не намерена!

– Что за беда, если ребенок испортит книгу? Зато он начнет читать. Книги дешевле человеческого ума.

– Да уж что может быть дешевле, чем умы этих детей, которые целыми днями надоедают мне, потому что матери не смотрят за ними дома! Некоторые библиотекари готовы сюсюкать и обращать свои библиотеки в ясли или детские сады, но, пока я занимаю свой пост, в библиотеке Гофер-Прери будет тихо и прилично и книги будут в полной сохранности!

Кэрол видела, что остальные прислушиваются и ждут от нее неуместных возражений. И она отступила перед их неприязнью. Поспешила улыбнуться мисс Виллетс в знак согласия, демонстративно взглянула на часы и прощбетала:

– Как поздно! Надо бежать домой... Муж... Было так приятно!.. Пожалуй, насчет прислуги вы были правы: я избалована своей удачей с Би... У вас прямо божественный «райский кекс», миссис Хэйдок, вы должны дать мне рецепт... Прощайте, было очень приятно...

Она шла домой и думала: «Я сама виновата! Я была обидчива и слишком возражала им. Только... я не могу! Я не могу войти в их круг, если для этого я должна возненавидеть всех служанок, проводящих дни в кухонном чаду, и всех оборванных, голодных детей. И эти женщины будут моими судьями всю жизнь!»

Она не откликнулась на зов Би из кухни, она взбежала вверх в пустую комнату для гостей и, охваченная страхом, долго рыдала в душной темноте, упав на колени возле тяжелой ореховой кровати с пуховой периной, покрытой красным стеганым одеялом.

Глава восьмая

I

«Не забываю ли я про Уила, когда жалуясь, что мне нечем заняться? Достаточно ли я интересуюсь его работой? Я должна интересоваться. Непременно! Если я не могу принадлежать к здешнему обществу, если я должна быть отщепенкой...»

Когда Кенникот пришел домой, она засуетилась:

– Дорогой мой, ты должен рассказывать мне больше о своей практике. Я хочу знать. Я хочу все понимать.

– Отлично! С удовольствием!

И он пошел вниз растапливать печь.

За ужином она спросила:

– Например, что ты делал сегодня?

– Сегодня? Что ты имеешь в виду?

– Лечебные дела. Я хочу знать...

– Ну, сегодня не было ничего особенного: два болвана с расстройством желудка, вывих руки и одна идиотка, которая угрожает самоубийством оттого, что ее не любит муж. Все обычные случаи.

– Разве несчастная женщина – тоже обычный случай?

– Она? Просто нервы! Ничего не поделаешь с этими супружескими дразгами.

– Но, дорогой мой, я прошу тебя, ты расскажешь мне, когда у тебя в следующий раз появится что-нибудь интересное?

– Конечно! Само собой разумеется! Расскажу обо всем, что... Право, отличная лососина! От Хоуланда?

II

Через четыре дня после поражения у «Веселых семнадцати» явилась Вайда Шервин и нечаянно разбила душевное спокойствие Кэрл.

– Можно зайти к вам поболтать? – сказала она с таким наигранно веселым и невинным видом, что Кэрл сразу стало не по себе. Одним взмахом Вайда сбросила шубу, села, словно проделала гимнастическое упражнение. Потом выпалила:

– Чувствую себя непозволительно хорошо в такую погоду! Рэймонд Вузерспун говорит, что, будь у него моя энергия, он стал бы знаменитым оперным певцом. Я всегда считала, что здешний климат великолепен, что мои друзья – милейшие люди, а моя работа – самое важное дело на свете. Может быть, я обманываю себя. Но одно я знаю твердо: вы самая храбрая дурочка на свете.

– И поэтому вы собираетесь содрать с меня заживо кожу? – Кэрл говорила весело.

– Я?... Впрочем, может быть. Я знаю, что часто в драке больше всех виноват третий. Тот, кто бежит и с превеликим удовольствием передает одному, что сказал другой. Но я хочу, чтобы вы приняли участие в оживлении Гофер-Прери, и для этого... Такой, можно сказать, единственный случай... Я, верно, болтаю глупости?

– Я знаю, что вы имеете в виду. Я была слишком резка у «Веселых семнадцати».

– Нет, это пустяки! Кстати, я очень рада, что вы высказали им несколько здравых истин о прислуге, хотя, пожалуй, вы были не вполне тактичны. Дело гораздо серьезнее. Не знаю,

понятно ли вам, что во всяком таком замкнутом общественном кругу каждый новый пришелец проходит испытание? Люди любезны с ним, но не спускают с него глаз. Я помню, когда сюда перевелась из Уэлсли учительница латыни, ей ставили в вину ее северный выговор. Считали, что это она для важности. Конечно, говорили и о вас...

– Неужели было о чем говорить?

– Дорогая моя!

– Мне всегда кажется, будто я хожу в облаке: смотрю на других, а меня не видно. По-моему, я так незаметна и так обыкновенна, что, казалось бы, прямо нечего во мне разбирать. Не могу себе представить, чтобы мистер и миссис Хэйдок стали сплетничать обо мне. – Кэрол разгоралась все большим негодованием. – Мне это противно! У меня мурашки по спине бегут, когда я думаю, что они смеют обсуждать мои поступки и слова. Ощупывают меня все своими лапами! Это возмутительно. Я ненавижу...

– Подождите, детка! Может быть, их тоже возмущает что-нибудь в вас. Постарайтесь быть беспристрастной. Правда, они тотчас ощупывают всех новеньких. Но ведь и вы так же обращались с новичками в колледже, верно?

– Да.

– Ну вот! Я хочу, чтобы вы были беспристрастны, и уверена, что вам это удастся. Я хочу, чтобы вы стали выше всего этого и помогли мне поднять наш город.

– Я буду беспристрастна, как остывшая картошка. Но едва ли я смогу когда-нибудь помочь вам «поднять город». Что же говорят обо мне? Серьезно. Я хочу знать!

– Менее образованные недовольны, когда вы упоминаете о чем-либо находящемся дальше Миннеаполиса. Они так подозрительны! Вот именно, подозрительны. А некоторые находят, что вы слишком хорошо одеваетесь.

– Ах вот как, скажите пожалуйста! Что же, мне в рогоже ходить, чтобы угодить им?

– Ну-ну! Не говорите ерунды!

– Я буду паинькой, – угрюмо процедила Кэрол.

– Непременно, а то я ничего вам не буду рассказывать. Поймите, что я не предлагаю вам переделать себя. Я только хочу, чтобы вы знали, что о вас думают. Каковы бы ни были их предрассудки, вы должны с ними считаться, если хотите иметь влияние на этих людей. Вы ведь мечтаете оживить город?

– Я и сама не знаю!

– Ну что вы, что вы! Оставьте! Я рассчитываю на вас. Вы прирожденный реформатор!

– Нет... Теперь уж нет!

– А я говорю – да.

– О, если бы я могла что-нибудь сделать!.. Итак, они считают, что я важничая?

– Да, кошечка. Только не говорите, что важничают они сами. В конце концов, принципы Гофер-Прери так же разумны для Гофер-Прери, как принципы Озерного бульвара для Чикаго. А городов вроде Гофер-Прери больше, чем таких, как Чикаго. Или как Лондон. А потом... Я скажу все: они считают, что вы нарочно произносите слова на столичный лад. Они считают вас слишком легкомысленной. Они смотрят на жизнь так серьезно, что не представляют себе другого смеха, кроме хрюканья Хуаниты. Этель Виллетс показалось, что вы говорили с ней свысока, когда...

– Ничего подобного!

– ...когда убеждали ее, что надо поощрять чтение, а миссис Элдер нашла, что у вас был покровительственный тон, когда вы называли ее «бьюик» «прелестным маленьким автомобилем». Она-то считает его огромным! Потом, некоторые торговцы говорят, что вы слишком много болтаете, когда приходите в лавки...

– Увы, мне только хотелось быть приветливой.

– И ни одна хозяйка не одобряет ваших приятельских отношений с Би. Не притеснять служанку – это хорошо, но они говорят, что вы держите себя с ней, словно она вам кухней приходится! Подождите, это еще далеко не все! Они находят, что вы эксцентрично обставили эту комнату. Они считают несуразным этот широкий диван и эту японскую штуку. Подождите! Я знаю, что это глупости! И по крайней мере десять человек упрекают вас в том, что вы редко ходите в церковь, и...

– Я больше не выдержу... Подумать только, что они изощрялись на мой счет, а я была так счастлива и так хорошо ко всем относилась! Не напрасно ли вы рассказали мне это? Я буду всех стесняться.

– Возможно. Могу лишь ответить вам старой поговоркой, что знание – это власть. Когда-нибудь вы поймете, какое наслаждение обладать властью даже здесь. Командовать городом. Да, у меня есть свои причуды! Но я люблю, чтобы все двигалось вперед.

– Мне очень больно. Эти люди начинают казаться мне жестокими и коварными, тогда как я была с ними совершенно искренна. Но разберем уж все до конца. Что они сказали о моем новоселье в китайском стиле?

– Гм, да-а...

– Говорите! Не то я могу вообразить вещи куда более ужасные, чем все, что вы могли бы мне сказать.

– Им было весело. Но некоторые из них считают, что вы пускаете пыль в глаза и делаете вид, будто ваш муж богаче, чем на самом деле.

– Я не могу... Такая низость мыслей превосходит всякое воображение! Неужели они могли серьезно думать, что я... И вы хотите «реформировать» подобных людей, когда динамит так дешев? Кто посмел сказать такое? Богатые или бедные?

– Всякие были!

– Неужели они не понимают, что если бы я даже манерничала и выставляла напоказ свою образованность, то уж на такую пошлость я, во всяком случае, не способна? Если им так важно это знать, передайте им от меня с нижайшим поклоном, что Уил зарабатывает около четырех тысяч в год, а вечер обошелся вдвое дешевле, чем они, по-видимому, воображают. Китайские вещи не очень дороги, а свой костюм я сделала сама...

– Довольно! Я-то ведь ни при чем. Все это я знаю. Они считают, что вы возбуждаете опасное соревнование этим приемом, который стоит все же больше, чем большинство из них может себе позволить. Четыре тысячи – крупный доход для такого города.

– Я и не помышляла ни о каком соревновании. Поверьте, что я просто из любви и дружбы хотела устроить как можно более веселую вечеринку. Было много глупости, шума и дурачества, но у меня были добрые намерения.

– Разумеется! С их стороны, безусловно, неблагоприятно смеяться над вашим китайским рагу и... над вашими прелестными шароварами...

Кэрол вскочила и застонала:

– О, мне прямо трудно поверить! Они высмеяли мою вечеринку, которую я так старательно устраивала для них! И мой китайский костюм, который я шила с такой радостью, шила тайком, чтобы приготовить им сюрприз! И все время они глумились надо мной!

Она съехала на диване.

Вайда гладила ее по волосам и бормотала:

– Напрасно я...

Не видя ничего от слез, Кэрол не заметила, как Вайда Шервин выскользнула из комнаты. Бой часов в половине шестого всполошил ее. Надо взять себя в руки, прежде чем придет Уил. Надеюсь, он никогда не узнает, какая глупая у него жена... Черствые, злые душонки!..

Маленькой и одинокой девочкой побрела она наверх, шаг за шагом, волоча ноги, держась рукой за перила. Не у мужа ей хотелось искать защиты, а у отца, улыбающегося, чуткого отца, умершего двенадцать лет назад.

III

Кенникот зевал, растянувшись в самом большом кресле, между радиатором и керосиновой печуркой.

– Уил, скажи, дорогой, не говорят ли обо мне дурно? Это было бы понятно. Я имею в виду, что, если так, ты не должен огорчаться.

– Говорят о тебе дурно? Ничего такого не слыхал. Все уверяют меня, что ты самая очаровательная женщина.

– Да, но мне показалось... Владельцы лавок, может быть, находят, что я слишком много суеты подымаю, когда прихожу за покупками. Боюсь, что я действую на нервы мистеру Дэшуэю, и мистеру Хоуленду, и мистеру Луделмайеру.

– Видишь ли, в чем дело... Я не хотел говорить об этом, но раз ты начала сама... Чет Дэшуэй, вероятно, злится, что ты купила новую мебель в Миннеаполисе, а не здесь. Тогда я не хотел возражать, однако... В конце концов, я зарабатываю деньги здесь, и с их стороны вполне естественно ожидать, что я здесь и буду их тратить.

– Если мистер Дэшуэй будет так любезен и укажет мне, как культурный человек может обставить комнату кладбищенским хламом, который он называет... – Она опомнилась и добавила примирительно: – Впрочем, я понимаю.

– А Хоуленд и Луделмайер... О, ты, вероятно, пошутила, но слишком колко, по поводу выбора товаров в их лавках. Ах, плюнь на это, какое нам дело! Гофер-Прери – независимый город, не то что эти заштатные городишки на Востоке, где нужно следить за каждым своим шагом, считаться с нелепыми условностями и где куча старых сплетниц от нечего делать злословит о тебе. Здесь каждый волен делать то, что ему заблагорассудится!

Он произнес это с большим жаром, и Кэрол видела, что он сам верит в свои слова. Она задохнулась от гнева, но скрыла его зевком.

– Кстати, Кэрри, раз уж мы говорим об этом: конечно, я не намерен поступаться своей независимостью и не считаю, что человек обязан обращаться непременно к тому, кто сам обращается к нему, но все-таки я был бы очень рад, если бы ты покупала как можно больше у Йенсона или Луделмайера вместо Хоуленда и Гулда, которые в последнее время всем табором ходят к доктору Гулду. Я не вижу смысла платить за всякую всячину мои трудовые деньги, чтобы они шли потом к Терри Гулду.

– Я бывала у Хоуленда и Гулда потому, что их магазин лучше и чище.

– Я знаю; я и не думаю порывать с ними совсем. Правда, Йенсон – плут и постоянно обвешивает, а Луделмайер – тупая старая свинья... Но все же будем покупать у своих, ты меня поняла?

– Да, я понимаю.

– Отлично. Теперь, пожалуй, пора и спать.

Он зевнул, вышел посмотреть на термометр, захлопнул дверь, погладил Кэрри по голове, расстегнул жилетку, вторично зевнул, завел часы, спустился в подвал проверить топку, зевнул в третий раз и затопал по лестнице, почесывая грудь сквозь толстую шерстяную фуфайку.

И пока сверху не раздалось: «А ты что, спать ложиться не собираешься?» – Кэрол сидела неподвижно.

Глава девятая

I

Кэрол вышла на лужок поучить овец изящному танцу, и оказалось, что это не овечки, а волки. Они наседали со всех сторон, и ей не было проходу. Вокруг нее сверкали клыки и злобно-насмешливые глаза.

Ей стало невозможно терпеть эти скрытые издевательства. Она хотела бежать. Хотела укрыться в великодушном безразличии больших городов. Она репетировала, как она скажет Кенникоту: «Не съездить ли мне на несколько дней в Сент-Пол?» Но она не доверяла себе: боялась, что не сумеет произнести это достаточно беззаботно, боялась его настойчивых распросов.

Переделать город? Все, чего она теперь хотела, это чтобы ее самое не трогали.

Она никому не могла смотреть в глаза. Она краснела перед людьми, которые неделю назад забавляли ее своим видом и манерами, в их пожеланиях «доброго утра» она слышала жестокий затаенный смех.

В лавке Оле Йенсона она встретилась с Хуанитой Хэйдок. Кэрол умоляюще начала:

– А-а, как поживаете? Боже, какой дивный сельдерей!

– Да, с виду очень свежий. Гарри требует, чтобы по воскресеньям непременно был сельдерей. Несносный человек!

Кэрол, ликуя, вылетела из лавки. «Она не смеялась надо мной!... Кажется, не смеялась?»

Через неделю она оправилась от чувства неуверенности и стыда, но продолжала избегать людей. Она ходила по улицам, опустив голову. Завидя впереди миссис Мак-Ганум или миссис Дайер, она переходила на другую сторону, внимательно разглядывая какую-нибудь вывеску. Она все время играла роль – для всех, кого видела, и для скрытых в засаде прищуренных глаз, которых не видела.

Она убедилась, что Вайда Шервин сказала правду. Входила ли она в лавку, подметала ли заднее крыльцо своего дома, стояла ли у окна в гостиной, городок потихоньку следил за ней. Раньше она смело шагала по улице, торжествуя, что строит свое гнездо. Теперь она косилась на каждый дом и, добравшись до своего, чувствовала, что прорвалась сквозь толпу врагов, вооруженных насмешкой. Она твердила себе, что такая чувствительность нелепа, но каждый день заново повергал ее в панику. Она замечала, как с невинным видом задерживались оконные занавески, будто их никогда и не приоткрывали. Старухи, уже вошедшие в дом, высовывались снова поглядеть на нее, и в морозной тишине она слышала, как они топтались за дверьми. Даже когда в сумерки она забывала на час об этих глазах-прожекторах и пробиралась по улицам, радуясь желтым окнам на фоне серой ночи, сердце у нее останавливалось, потому что она вдруг замечала голову в накинутах шали, следившую за ней из-за покрытого снегом куста.

Кэрол решила, что придает чрезмерное значение своей особе, что провинциалы глазят на всякого. Это успокоило ее, и она была довольна таким философским подходом к вопросу. Но на следующее утро она снова чуть не сгорела от стыда, войдя к Луделмайеру. Бакалейщик, его продавщица и истеричная миссис Дэйв Дайер чему-то смеялись. И вдруг смущенно замолчали, потом, запинаясь, заговорили о луковицах. Кэрол почувствовала, что причиной неловкости была она. Когда в этот вечер Кенникот повел ее в гости к чудаковатым мистеру и миссис Лаймен Кэсс, хозяйева, как ей показалось, были смущены их внезапным появлением.

– Что это вы нос повесили, Лайм? – дружески воскликнул Кенникот.

Кэссы смущенно бормотали что-то невнятное.

За исключением Дэйва Дайера, Сэма Кларка и Рэйми Вузерспуна, не было ни одного торговца, в чьем расположении Кэрол была бы уверена. Она знала, что ей только мерещится насмешка в их приветствиях, но она не могла совладать со своей подозрительностью, оправиться от морального потрясения. Она то злилась, то старалась не замечать тона превосходства, которым говорили с ней торговцы. Они не сознавали, что были грубы с нею, они просто хотели показать, что их дела идут прекрасно и что им нечего считаться ни с какими «докторскими женами». Они часто говорили: «Для нас любой человек не хуже другого и даже намного лучше!» Но этот девиз они не распространяли на покупателей-фермеров, пострадавших от неурожая. Лавочники-янки были особенно нелюбезны. А Оле Йенсон, Луделмайер и Гус Даль хотели, чтобы их принимали за янки. Джеймс Мэдисон Хоулэнд, родившийся в Нью-Гэмпшире, и Оле Йенсон, родившийся в Швеции, оба доказывали, что они свободные американские граждане, ворча: «Не знаю, есть ли у меня то, что вы спрашиваете» – или: «Ну, знаете, не берусь доставить это вам на дом к двенадцати».

Чтобы соблюсти хороший тон, покупатель должен был дать отпор. Хуанита Хэйдок мило верещала: «Если покупка не будет у меня к двенадцати, я вашему рассыльному все волосы выдеру!» Но Кэрол была не способна к этой игре и не умела перебрасываться дружелюбными грубостями. Она завела малодушную привычку ходить по возможности только к Экселу Эгге.

Эксел не пользовался в городе уважением и не был груб. Он все еще оставался чужаком и мирился с тем, что чужаком и останется. Он был неповоротлив и нелюбопытен. В его заведении царил больший сумбур, чем в любом придорожном ларьке. За исключением самого Эксела, никто не сумел бы там разобраться. Кипа детских чулок лежала на полке под одеялом, другая – в ящике с имбирным печеньем, а остаток, как клубок черных змей, свернулся на бочонке с мукой, затиснутом между швабрами, норвежскими Библиями, сушеной треской, ящиками с абрикосами и полутора парами прорезиненных сапог для дровосеков. В лавке постоянно толпились фермерши – шведки и норвежки – в шالях и старомодных бурых жакетах, поджидавшие тут своих повелителей. Они разговаривали по-норвежски и по-шведски и безразлично поглядывали на Кэрол. Это было облегчением для нее: они-то по крайней мере не шептались, что она ломака!

Однако себя ей приходилось убеждать, что лавка Эксела Эгге «так живописна и романтична!».

Чувствительнее всего она была теперь к насмешкам над ее туалетами.

Когда она однажды осмелилась выйти в город в новом клетчатом костюме с черно-желтым воротником, она тем самым как бы пригласила к обсуждению своей особы весь Гофер-Прери, который ничем так не интересовался, как новыми платьями и их стоимостью. Это был изящный костюм, покрою, совершенно не похожего на длиннохвостые желтые и розовые платья горожанок. Физиономия вдовы Богарт, стоявшей в дверях, говорила: «Ну, я в жизни не видела ничего подобного!» Миссис Мак-Ганум остановила Кэрол на улице.

– Ах, какой прелестный костюм, верно, ужасно дорогой?

Орава молодых бездельников перед аптекарским магазином тоже высказывала свои суждения:

– Эй, Паджи, сыграем в шашки на этом платье!

Кэрол не выдержала. Она запахнула шубку и торопливо застегнула пуговицы. Юнцы давились от смеха.

II

Никто не раздражал Кэрол так, как эти юные ротозеи, изображавшие из себя людей бывалых, прошедших огонь и воду.

Она пыталась убедить себя, что естественная жизнь на лоне природы, на свежем воздухе, у озер, где можно удить рыбу и плавать, здоровее искусственной жизни больших городов. Но ее просто убивал вид целой орды парней от четырнадцати до двадцати лет, торчавших перед аптекарским магазином Дайера. Они курили, выставя напоказ свои франтовские ботинки, красные галстуки и куртки с гранеными пуговицами, насвистывали негритянские песенки и кричали вслед каждой проходившей девушке: «Эй, куколка!»

Кэрол видела, как они резались на бильярде в вонючей комнате позади парикмахерской Дэла Снэфлина, встряхивали игральные кости в «Курительном доме» и, ухмыляясь, толпились вокруг Берта Тайби, бармена «Минимеши-хаус», чтобы послушать его «смачные истории». Они причмокивали слюнявыми губами при каждой любовной сцене на киносеансах во «Дворце роз». Пожирая у прилавка греческой кондитерской невероятные смеси из подгнивших бананов, кислых вишен, взбитых сливок и желатинового мороженого, они огрызались друг на друга: «Эй, осади назад!», «Сказано тебе, пшел вон! Гляди, ты мне чуть стакан не опрокинул», «Врешь, сукин сын!», «Эй, чтоб тебе! Не тычь своим вонючим пальцем мне в мороженое!», «Батти, ну как, потанцевал вчера с Тилли Мак-Гайр? Пощупал девчонку, а?»

Впрочем, прилежно изучая американскую беллетристику, Кэрол узнала, что только так и должны себя вести подрастающие мужчины Америки. Юноши, чьи речи, вид и ухватки не приводили на ум уличную канаву и одновременно дикий золотой прииск, считались неженками, и о них говорили с сожалением. Кэрол принимала это как нечто неизбежное. Она смотрела на подростков с состраданием, но без какого-либо личного интереса. Ей и в голову не приходило, что она может столкнуться с ними ближе.

Скоро она сделала открытие, что все они хорошо ее знают, что они только и ждут от нее какого-нибудь неверного шага, чтобы поднять ее на смех. Ни одна школьница не краснела так, проходя мимо их наблюдательных постов, как докторша Кенникот. Сгорая от стыда, она чувствовала, что они одобрительно щурятся на ее обсыпанные снегом ботики и высказывают свое мнение о ее ногах. В их глазах не было молодости, молодости нет во всем городе, с горечью думала она. Они родились старыми, злыми, со страстью к шпионству и пересудам.

Особенно сокрушалась она о старообразности и ранней жестокости этих юношей в тот день, когда случайно подслушала разговор Сая Богарта и Эрла Хэйдока.

Сайрус Богарт, сын той самой набожной вдовы, что жила в доме напротив, был в то время мальчуганом лет четырнадцати-пятнадцати. Кэрол успела уже достаточно познакомиться с ним. В первый же вечер по приезде ее в Гофер-Прери он явился во главе банды мальчишек, отчаянно барабанив в испорченный автомобильный щиток, и устроил настоящий кошачий концерт. Его товарищи выли, как койоты. Кенникот почувствовал себя весьма польщенным. Он вышел и роздал мальчишкам мелочи на целый доллар. Но Сай был деловым человеком. Он возвратился с новым отрядом, у которого было уже три автомобильных щитка и карнавальная трещотка. Когда Кенникот снова прервал свое бритье, Сай прогнусавил: «Ну, теперь это будет стоить вам два доллара!» – и получил их. Неделей позже Сай прикрепил к окну их гостиной колотушку, и постукивание, доносившееся из темноты, напугало Кэрол до слез. С тех пор, за четыре месяца, ей довелось наблюдать, как он вешал кошку, крал дыни, швырял помидоры в дом Кенникотов и оставлял следы лыж на их газоне. Она слышала также, как он громогласно и с потрясающим знанием дела объяснял кому-то тайну деторождения. Одним словом, это был редкий образец того, что могут сделать захолустный городишко, строгие учителя, здоровый народный юмор и благочестивая мать из смелой и деятельной натуры.

Кэрол боялась его. Она не дерзала вмешиваться, видя, как он науськивает на котенка своего дворового пса, и только старалась ничего не замечать.

Гараж Кенникота представлял собой сарай, где валялись груды жестянок из-под краски, косилка для газона и остатки старого сена. Наверху был чердак, которым Сай Богарт и Эрл Хэйдок, младший брат Гарри, пользовались как убежищем для курения. Здесь же они спаса-

лись от порки и замыслили организацию тайных обществ. Они из переулка взбирались сюда по лестнице, приставленной сзади к сараю.

Однажды утром, в конце января, недели через две или три после откровений Вайды, Кэрол зашла в гараж за молотком. Снег заглушал ее шаги. Она услышала голоса на чердаке, над собой.

– А-уа! Знаешь что, дернем-ка на озеро, сопрем выхухолей из чьих-нибудь капканов, – сказал, зевая, Сай.

– Как же! Чтобы потом уши надрали? – отозвался Эрл Хэйдок.

– Черт, знатные папироски! Помнишь, как мы были еще сопляками и курили траву и сено?

– Подумаешь! Было, да сплыло.

(Плевков. Молчание.)

– Послушай, Эрл! Мать говорит, если жевать табак, можно нажать чахотку.

– А, брехня! Твоя мамаша – старая дура!

– Это верно! (Пауза.) Но она знала парня, который от этого заболел.

– Чушь! Разве доктор Кенникот не жевал все время табак, пока не женился на этой девчонке из Сент-Пола? А как он плевался! Попадал в дерево за десять футов.

Для девчонки из Сент-Пола это было новостью.

– А скажи-ка, что она за птица? – продолжал Эрл.

– А? Кто?

– Ясно кто: столичная штучка. Болван!

Драка, топот по прыгающим доскам, тишина и ленивый голос Сая:

– Миссис Кенникот? Что ж, она, в общем, ничего... – Кэрол внизу подавляет вздох облегчения. – Дала мне раз большой ломоть кекса. Но мать говорит, что она чертовски важничает. Мать постоянно болтает о ней. Говорит, что, если бы миссис Кенникот столько думала о докторе, сколько о своих тряпках, он бы не выглядел так плохо.

(Плевков. Молчание.)

– Н-да! Хуанита тоже постоянно говорит про нее, – слышится голос Эрла. – Она говорит, будто миссис Кенникот воображает, что знает все на свете. Хуанита говорит, что она лопается со смеху, когда миссис Кенникот плывет по улице с таким видом, точно хочет сказать: «Смотрите все, как я шикарно одета!» А впрочем, плевать мне на Хуаниту. Она сущая жаба!

– Мать говорила кому-то, будто миссис Кенникот уверяет, что она зарабатывала сорок долларов в неделю, когда жила в Сент-Поле, а мать знает наверняка, что она получала не больше восемнадцати. Мать говорит, что когда она немного обживется здесь, то перестанет выставлять себя такой душой и рассуждать о разных мудреных вещах с людьми, которые побольше ее знают. Они все смеются над ней.

– Послушай, а ты когда-нибудь видел, как миссис Кенникот мечется без толку у себя в доме? Раз вечером она забыла опустить занавески, и я десять минут смотрел, что она делает. Ну, ты бы помер со смеху! Она была совсем одна и, наверное, пять минут поправляла картину на стене. То так, то этак, потычет ее пальчиком и сама любитесь, какой он у нее тоненький. Умора!

– Но все-таки, Эрл, она хорошенькая! А какую кучу тряпок она понаделала себе к свадьбе! Ты видел, с каким глубоким вырезом у нее платья и какие тонкие сорочки? Я хорошо рассмотрел их, когда они висели на веревке с прочим бельем. А ножки-то, а?

Тут Кэрол обратилась в бегство.

По своей наивности она не знала, что весь город может обсуждать даже ее белье и ее тело. Она чувствовала себя так, словно ее голой протащили по Главной улице.

Как только стемнело, она опустила шторы – все шторы и до самого низу, но за ними ей чудились наглые, издевательские глаза.

III

Кэрол вспоминала, старалась забыть и вспоминала еще острее, что ее муж, блюдя старинные обычаи страны, жевал табак. Она предпочла бы более красивый порок – карты или любовницу. Она великодушно простила бы его. Но она не могла припомнить ни одного соблазнительно-порочного литературного героя, который жевал бы табак. Она старалась убедить себя, что ее муж – просто человек смелого, свободного Запада. Она пыталась поставить его в один ряд с могучими, косматыми героями кинобоевиков. Бледным, нежным комочком свертывалась она на диване, боролась с собой и проигрывала сражение. Искусство плевать вовсе не ставило его на одну доску с отважными наездниками Скалистых гор; оно связывало его только с Гофер-Прери – с портным Нэтом Хиксом и барменом Бертом Тайби.

«Но он отказался от этого ради меня! Да и какое это имеет значение! Все мы в чем-то грязны. Я воображаю себя бог весть каким высшим существом, но и я ем и перевариваю пищу, мою свои грязные лапы и чешусь. Я не холодная, бледная богиня на постаменте. Да таких и не бывает! Он бросил это ради меня. Он поддерживает меня и уверен, что все меня любят. Он незыблемый утес среди бури низости, которая сводит меня с ума... и в конце концов сведет меня с ума».

Весь вечер она пела Кенникоту шотландские баллады, а когда замечала, что он жует незажженную сигару, матерински улыбалась его маленькой тайне.

Она не могла не спрашивать себя теми же словами и с теми же мысленными интонациями, как спрашивали до нее тысячи миллионов других женщин, работниц с ферм и интриганок-королев, и как миллионы миллионов женщин еще будут спрашивать: «Не сделала ли я ужасной ошибки, выйдя за него?» Она заглушала сомнение, но не разрешала его.

IV

Кенникот взял ее с собой на север – в Лак-ки-Мер, в Большие леса. Здесь начиналась резервация индейцев чиппева – песчаный поселок среди норвежских сосен, на берегу большого, сверкающего снегом озера. Кэрол в первый раз виделась с матерью мужа, если не считать короткой встречи при венчании. Миссис Кенникот получила скромное и хорошее воспитание, и это накладывало отпечаток благородства на ее бревенчатый, добела выскобленный домик, со сплюснутыми жесткими подушками на тяжелых качалках. Она до сих пор не утратила способности чисто по-детски изумляться. Она расспрашивала Кэрол о книгах и городах.

– Уил – славный и трудолюбивый, – шептала она, – но он слишком серьезен по натуре, и вот вы как раз сделали его немного веселее! Вчера вечером я слышала, как вы оба смеялись над стариком-индейцем, который продает корзины; я лежала в постели и радовалась вашему счастью.

В этой дружной семейной обстановке Кэрол забыла о своих зловключениях. Ей было на кого положиться, она не была одинока в борьбе. Глядя, как миссис Кенникот сует по кухне, она начинала лучше понимать мужа. Он был прозаичен и неисправимо солиден. Он не умел шутить и лишь позволял Кэрол шутить с ним. Но от матери он унаследовал доверчивость, презрение к нескромному любопытству, твердость и прямоту.

Эти два дня в Лак-ки-Мер укрепили веру Кэрол в себя, и она возвратилась в Гофер-Прери в состоянии непрочного спокойствия, как больной, забывающий о своей болезни, когда у него ненадолго прекращается боль.

Ясный и бодрый зимний день, резкий ветер; черно-серебристые тучи мчатся по небу; все спешит использовать короткие светлые часы. В пути им пришлось бороться с ветром и глубоким снегом. Кенникот был в прекрасном настроении. Он окликнул Лорана Уилера:

– Вы хорошо вели себя в мое отсутствие?

Редактор прокричал в ответ:

– Ну, вас так долго не было, что все ваши пациенты выздоровели! – И он с важным видом принялся расспрашивать их, надеясь поместить в «Неустрасшимом» заметку об их поездке.

Джексон Элдер крикнул им:

– Эй, публика! Ну что, как на севере?

Миссис Мак-Ганум помахала им рукой со своего крыльца.

«Они рады видеть нас, – сказала себе Кэрол. – Мы здесь что-то значим. Эти люди удовлетворены своей жизнью. Почему же я не могу быть такой же? Но разве могу я сидеть так всю жизнь и довольствоваться этим „Эй, публика!“? Им нужны громкие приветствия на Главной улице, а мне – звуки скрипок в отделанной панелями гостиной. Почему?..»

V

Вайда Шервин много раз заходила после уроков; она держалась тактично и была неистощима на рассказы. Она рыскала по городу и собирала комплименты Кэрол: докторша Уэстлейк изрекла, что Кэрол «очень милая, веселая и образованная молодая женщина», а Брэд Бемис, жестяник при складе Сэма Кларка, заявил, что «на нее приятно работать и чертовски приятно смотреть».

Но Кэрол все еще не могла сблизиться с Вайдой. Ей было досадно, что этот посторонний человек знает о ее унижении. Впрочем, Вайда недолго потакала ей. Вскоре она уже твердила:

– Довольно вам, милая, кукусься! Пора взять себя в руки! Город почти перестал болтать о вас. Пойдемте со мной в Танатопсис-клуб. Там получают лучшие журналы, обсуждают текущие события. Там так интересно!

Предложения Вайды были настойчивы, но Кэрол не могла преодолеть свое равнодушие и послушаться ее.

Ее настоящей подругой была Би Серенсон.

Как ни сочувствовала Кэрол низшим классам, все же воспитание приучило ее смотреть на прислугу как на низший и чуждый сорт людей. Но она сделала открытие, что Би удивительно похожа на тех девушек, которые нравились ей в колледже, и что как подруга она гораздо лучше молодых дам из «Веселых семнадцати». С каждым днем они все более откровенно превращались в двух девочек, играющих в хозяйство. Би простодушно считала Кэрол самой красивой и изысканной леди в Гофер-Прери. Она постоянно восклицала: «Вот шикарная шляпа!» – или: «Я думаю, все эти леди умрут, когда увидят, как красиво вы причесались!» В этом не было ни смирения служанки, ни лицемерия рабыни. Это было восхищение новичка перед старшекурсником.

Вдвоем составляли они ежедневное меню. В начале такого совещания Кэрол важно сидела за кухонным столом, а Би возилась у раковины или с вьюшками у плиты. Под конец же они обе оказывались за столом, и Би, захлебываясь от смеха, рассказывала о том, как поставщик льда пытался ее поцеловать, или же Кэрол делилась своими мыслями: «Всякий знает, что мистер Кенникот гораздо умнее доктора Мак-Ганума». Когда Кэрол возвращалась с покупками, Би выскакивала в переднюю, снимала с Кэрол пальто, терла ей озябшие руки и спрашивала: «Ну что, много было сегодня народу в лавках?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.